ПИОНЕР

Декабрь

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда". 1937 г.

12

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

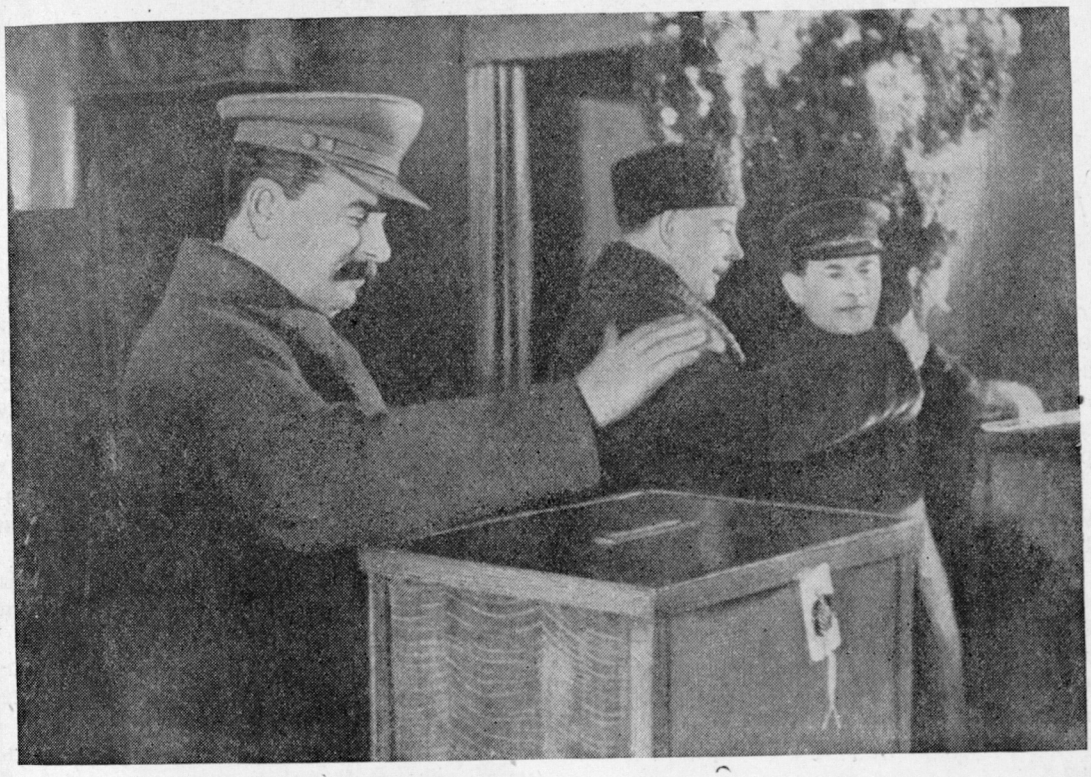
129
34

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 12

Декабрь 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



Депутаты народа

С. Маршак

Кто депутаты —
Избранники ваши?
Кто поведет
За собою народ?
— Наш депутат
В Белоруссии пашет.
Наш —
На Урале
Железо кует.

Наша —
Садов и полей героиня,
Азербайджана
Свободная дочь.
Наш депутат —
На кочующей льдине
Мерит глубины
В полярную ночь.

Наш депутат —
Седовласый ученый,
Ученикам
Открывающий мир.
Наш —
Темноусый
Товарищ Буденный,
Непобедимых бойцов командир.

Наш депутат —
На борту самолета,
Наш —
На подводном
Стальном корабле.
Наш депутат —
День и ночь за работой
У колеса рулевого —
В Кремле.

Верховный Совет избран

С. Гарбузов

День всенародного торжества

Когда на далекой Чукотке, в Уэллене,— самом восточном пункте Союза—наступило 6 часов утра 12 декабря и председатель избирательной комиссии торжественно пригласил избирателей, с'ехавшихся на оленях и тракторах с дальних стойбищ и промыслов, войти в помещение избирательной комиссии,— в Москве было только 8 часов вечера предыдущего дня.

В это время на трибуну Большого театра поднялся Иосиф Виссарионович Сталин.

Весть о том, что сейчас будет говорить Сталин, молнией облетела страну. Люди стучались в двери чужих квартир. «Послушать Сталина»,— говорили они, и их принимали как своих, радушно придвигали стулья.

А в Большом театре с каждой минутой все нарастали аплодисменты. Приветственные возгласы, восторженные, идущие от всего сердца, неслись со всех концов зала.

На улицах прохожие, заслышав этот радостный гул, останавливались у громкоговорителей, и каждый думал: «Сталин. Сейчас будет говорить Сталин», потому что так радостно и торжественно народ встречает только его — любимого вождя.

Сталин говорил, как всегда, просто и ясно, словами, проникавшими глубоко в сердце, и миллионы людей, прильнув к репродукторам, затаили дыхание, чтобы не упустить ни одного слова, ни одного звука.

Со свойственной ему скромностью товарищ Сталин от души поблагодарил своих избирателей за доверие.

«Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи,— сказал он,— что вы можете смело положиться на товарища Сталина. Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом, перед рабочим классом, перед крестьянством, перед интеллигенцией».

В это время в глубине зала кто-то воскликнул: «*А мы все за товарищем Сталиным!*» И так думал каждый.

Товарищ Сталин посоветовал избирателям требовать от депутатов, чтобы они были ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, как Ленин, чтобы они были мудрыми и неторопливыми при решении сложных вопросов, как Ленин, чтобы они были правдивыми и честными, как Ленин, чтобы они любили свой народ, как Ленин.

«И как Сталин»,— добавлял про себя каждый советский гражданин, слушая эти слова.

А день, начавшийся на востоке, разгорался все ярче. И ночная тень отступала все дальше на запад.

Никогда еще так рано не просыпалась наша страна. В предрассветной мгле то и дело вспыхивали огоньки в окнах домов, хлопали двери. Следы на только что выпавшем снеге вели к избирательным пунктам.

Члены избирательных комиссий думали, что больше всего избирателей будет голосовать днем. Они ошиблись: больше всего избирателей голосовало рано утром. Многие с вечера пришли на избирательные пункты. Задолго до 6 часов комнаты ожидания, лестницы и коридоры были заполнены избирателями. Каждому хотелось первым отдать свой голос за лучших людей Советской страны, которых коммунисты в блоке (союзе) с беспартийными выставили кандидатами в Верховный Совет.

★

В одной из комнат ожидания мы познакомились с Ильей Константиновичем Мельниковым. Он пришел сюда к пяти часам. Одним из первых. Теперь он сидел в кресле, то и дело поглядывая на минутную стрелку.

Без пяти минут шесть старый слесарь поднялся с места. Он надел очки, одернул почему-то куртку и подошел к дверям. Куранты на Кремлевской башне проиграли вступление. Радио передало его по всей стране. С первым ударом кремлевских часов Илья Константинович переступил порог.

Когда урок ведет Иван Дмитриевич Артюхин, в классе стоит удивительная тишина, незаметно пролетают 45 минут. Физику—предмет, который преподает Иван Дмитриевич, — ребята этого класса считают самым интересным предметом.

Иван Дмитриевич — одновременно и директор школы. Школа эта до прихода тов. Артюхина была худшей, а теперь стала лучшей в Егорьевске.

Трудящиеся Егорьевского района хорошо знают Ивана Дмитриевича: он организовывал здесь первые колхозы, отец его 46 лет учит ребятишек.

Когда избиратели колхоза „Пионер" и завода „Комсомолец" выдвинули в Верховный Совет кандидатуру тов. Артюхина, все трудящиеся района с радостью поддержали эту кандидатуру.

Командир большой танковой части, Герой Советского союза, дважды орденоносец, Михаил Петрович Петров всегда с улыбкой вспоминает о том, как он впервые сел за руль машины.

Было это в октябрьские дни 1917 года. 16-летний Миша Петров проходил по улице и увидал отряд красногвардейцев, окруживших машину, в которой ехал генерал. Шофер сбежал, никто из красногвардейцев управлять машиной не умел.

Петров тогда только что окончил шоферскую школу и предложил свои услуги. Так началась его служба в Красной гвардии, а потом — в Красной армии.

Михаил Петрович прошел через все фронты и в совершенстве овладел военным делом. Он один из лучших командиров Красной армии и депутат Верховного Совета.

Получив бюллетени, прошел в кабинку. Потом медленной, торжественной походкой направился к урне, неся осторожно, как величайшую драгоценность, конверт с бюллетенями.

Опустив конверт, Илья Константинович подошел к председателю избирательной комиссии — майору с орденом Красного знамени на груди — и крепко, двумя руками сразу, пожал ему руку...

★

В нашей стране, богатой прекрасными и торжественными днями, не было дня радостней и величественней. Девяносто один

миллион избирателей — 96,8% всех имевших право участвовать в выборах — явились 12 декабря на голосование. Впервые в истории все граждане страны свободно, на равных правах избирали верховный орган своей, народной власти. И они несли к избирательным урнам не только бюллетени с именами лучших людей нашей страны: они несли свою горячую любовь к партии большевиков и ее вождю.

Деньги и власть

С тех пор как появились на свете богатые и бедные, с тех пор как богатые, пользуясь своим богатством, стали заставлять бедных работать на себя, трудящиеся начали бороться против своих поработителей. Много веков тому назад началась эта борьба трудящихся за свои права, за народную власть.

Вы, наши читатели, изучали в школе древнюю историю. Вы помните, что в VII—VI веках до нашей эры в Афинах была революция. Демос — народ — восстал против господства эвпатридов — родовой знати,— которые захватили в свои руки все земли и за долги превращали свободных землевладельцев в своих рабов.

Восстанием воспользовались торговцы и богатые ремесленники. Они добились таких законов, которые ограничивали власть родовой знати, но народу не дали никаких прав.

Составитель этих законов Солон писал:

«Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен,
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством,
Славился, чтоб никаких им не чинилось обид.
Стал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других».

На деле Солон щитом своим прикрыл богатых. По его законам, все население Афин было разделено на классы в зависимости от богатства. И хотя участвовать в народном собрании могли все граждане, но избранными в органы власти могли быть только представители классов богачей.

Так, еще в глубокой древности закон дал власть богатым.

История нашей родины тоже знает примеры того, как богатые обманывали народ, предоставив ему видимость свободы, видимость власти.

В древнем Новгороде высшим органом власти считалось вече — народное собрание. Когда надо было избрать посадника, решить: воевать или не воевать с соседями, разобрать спор между слободами,— звонил вечевой колокол, и народ собирался на широкую площадь перед собором.

На вече не голосовали, а кричали. Побеждала та сторона, которая могла перекричать другую. Такой порядок был очень выгоден боярам. Они подкупали или подпаивали «добрых молодцев», и эти «добрые молодцы» глóтками, а иногда и просто кулаками да кольями принуждали вече принять нужное решение.

В наши дни капиталисты и помещики, чтобы властвовать, сочиняют законы, куда более хитроумные нежели законы Солона. И способов, которыми они теперь пользуются, не придумать было новгородским боярам и их «добрым молодцам».

Накануне выборов в Верховный Совет пионеры одного из отрядов Октябрьского района Москвы провели у себя на сборе интересный подсчет: они подсчитали, сколько человек в их семьях имеет право выбирать в Верховный Совет. Насчитали 147.

Потом они посчитали, сколько человек из их семей участвовало бы в выборах парламента, если бы они жили в какой-нибудь буржуазной стране, ну например во Франции. Оказалось, что только 53. Во Франции лишены права голоса женщины (то есть половина всех избирателей), юноши моложе 21 года, лица, живущие в одной местности меньше 6 месяцев, все военные и все моряки.

А ведь Франция среди буржуазных стран считается одной из самых демократических. Если бы ребята взяли для сравнения Венгрию или Японию, то результаты поразили бы их еще больше: из их семей в этих странах могли бы участвовать в выборах только 15—20 человек.

Богачи так организуют выборы, что трудящиеся не могут воспользоваться даже теми крохами прав, которые им оставлены буржуазными законами.

Эшелон с комсомольцами, отправлявшимися на фронт, уже отошел от Москвы. И тогда в одном из вагонов был обнаружен „заяц".

Из-под лавки вылез пятнадцатилетний Саша Косарев. Он сказал, что во что бы то ни стало хочет ехать на фронт вместе со старшими товарищами. Это было в 1918 году...

Шли годы. Из отважного мальчика вырос стойкий комсомолец, потом коммунист, передовой боец за дело рабочего класса.

Теперь тов. Косарев — руководитель советской молодежи, секретарь центрального комитета ленинского комсомола, депутат Верховного Совета.

О звеньевой колхоза „Червона зирка" Татьяне Васильевне Дубок с уважением отзываются все колхозники и колхозницы: редкое звено может соревноваться со звеном Татьяны Васильевны.

1100 центнеров свеклы с гектара собрали в этом году колхозники ее звена.

Правительство высоко оценило честный труд Татьяны Висильевны и наградило ее орденом.

В прошлом Татьяна Васильевна была батрачкой, гнула спину на кулаков. Теперь она государственный человек, ее всегда избирают в члены сельского совета, ее посылают на с'езды и совещания, а теперь избрали депутатом Верховного Совета.

Моряки советского парохода «Калинин» встретили день 12 декабря у входа в Нью-йоркский порт. У них на корабле был создан избирательный участок. Отделенные тысячами километров от родной страны, они выбирали депутатов со всем советским народом. И вместе со всеми избирателями своего округа проголосовали за своих кандидатов.

Прибыв в Нью-Йорк, советские моряки могли там познакомиться с людьми, очень напоминающими тех самых новгородских «добрых молодцев», которых подкупали бояре и купцы и которые вершили дела на новгородском вече.

Называют таких «добрых молодцев» в Америке «боссами». Каждая буржуазная партия имеет своих боссов.

Накануне выборов босс начинает действовать. Он является в кафе, где обедают приказчики какого-либо большого магазина, и заводит такой разговор:

— Вы знаете, что ваш хозяин голосует за нашу партию?

— Знаем.

— А знаете ли вы, что он не потерпит

служащих, которые придерживаются иных взглядов?

Рабочие и служащие боятся потерять работу и вынуждены голосовать за тех кандидатов, за каких голосуют их хозяева.

Горе тому наивному, который понадеется на тайну голосования. У босса есть глаза и уши в избирательных комиссиях, его агенты не стесняются заглядывать в кабинки голосующих. И он потом жестоко расправится с тем, кто голосовал не так, как того хотел хозяин.

Для подкупа и спаивания избирателей боссы получают огромные суммы денег.

И на выборах побеждает та партия, которую поддерживают крупные капиталисты.

Вот что рассказывает один из таких американских «добрых молодцев»:

«Когда я в субботу перед выборами получил от окружного лидера для своего участка 30 долларов вместо 120, то это явилось для меня тяжелым ударом. Я уже тогда понял, что дела идут не как следует, но лишь впоследствии я понял истинное положение дела. В день выборов, еще до 9 часов, я уже знал, что мы побиты и притом сильно побиты. В этом участке была дюжина парней, которых я на каждых выборах нанимал за плату от 2 до 10 долларов. Обычно они показывались возле места, где производились выборы, около 6 часов. На этот раз мне лишь в 9 часов удалось найти одного из них. Он был пьян, и у него-то я и выведал правду. Оказалось, что он получил 25 долларов от другой партии. То же самое сделали и все остальные из дюжины «работников» моего участка; впрочем, один или двое из них умудрились получить по 50 долларов. Они никогда не видели таких денег. Против таких денег бороться было невозможно. Они провели бы на выборах рыжего пса против апостола Павла».

Чем сознательней становятся трудящиеся, тем трудней капиталистам добиться своего открытым нажимом, угрозами и подкупами. И тогда они прибегают к разного рода уловкам.

В нашем избирательном законе прямо и ясно сказано, что избирательные округа составляются по принципу: 300 тысяч населения на округ. Иначе в буржуазных странах. Франция, например, разбита на 612 округов, причем в одних округах живет по десять тысяч человек, в других — тысяч по сто. Вот и получается, что 10 отсталых сельскохозяйственных округов с населением в 300 тысяч человек выбирают в парламент 10 депутатов. И 10 промышленных округов с населением в 1100 тысяч человек избирают тоже 10 депутатов. Ясно, для чего все это так подстроено: чтобы затруднить рабочим избрать в парламент или в другие органы власти своих кандидатов.

Так и получается. Недавно во Франции проходили кантональные выборы [1]. За коммунистов на этих выборах было подано 1090 тысяч голосов, за кандидатов правых партий не намного больше — 1400 тысяч. А депутатских мандатов правые получили в семь раз больше! Коммунисты — 107, правые — 758!

Все, что мы до сих пор писали, относится к странам, которые считаются демократическими. При всех ограничениях народ в этих странах все же пользуется некоторыми остатками свободы.

В тех странах, где властвуют фашисты, у народа отобрали и эти жалкие остатки.

В Германии Гитлер сам назначает всех депутатов рейхстага. В Италии это делает Муссолини.

Под страхом сурового наказания фашисты заставляют народ голосовать за этих депутатов.

Избранники народа

Вот что говорил накануне выборов товарищ Сталин:

«У нас нет капиталистов, нет помещиков, стало-быть, и нет давления со стороны имущих классов на неимущих. У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного их доверия, в обстановке, я бы сказал, взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплоатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю.

Вот почему наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире».

1143 кандидата были выдвинуты перед избирателями блоком (союзом) коммунистов и беспартийных. Все эти 1143 канди-

[1] Кантон во Франции — административная единица, равная примерно нашему району.

20 лет работает Леонид Михайлович Заковский — комиссар Государственной безопасности 1-го ранга — в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД.

Свою работу он начал тогда, когда тов. Дзержинский, выполняя данное ему партией поручение, сколачивал первые отряды славных чекистов.

Тов. Заковский хорошо помнит первую заповедь чекиста — то, что советская разведка сильна помощью и доверием народа. Он часто приходит на рабочие собрания, рассказывает, какими путями враги народа пытаются навредить Советской стране, и учит трудящихся, как бороться с этими происками врагов.

Избиратели Ленинградского сельского избирательного округа единодушно избрали тов. Заковского в Верховный Совет.

На строительстве Адыгейского консервного комбината работал молодой землекоп Хасан Джантерович Темрук. Вырастали корпуса завода, вырастал и Хасан. Из неквалифицированного землекопа стал он квалифицированным рабочим, мастером.

При норме в 35 тысяч консервных банок Хасан стал вырабатывать 58 тысяч банок в смену.

Правительство наградило тов. Темрука орденом „Знак почета".

Отец Хасана Джантеровича был батраком. Он терпел двойной гнет: и как батрак и как адыгеец. Теперь сын его — 23-летний комсомолец — депутат Верховного Совета, единодушно избранный коммунистами и беспартийными.

дата избраны в депутаты Верховного Совета с единодушием, которого мир еще не видал.

За кандидатов, выставленных в Совет Союза, голосовало 89 844 271 человек — 98,6 процента всех участвовавших в голосовании. За кандидатов, выставленных в Совет Национальностей от союзных республик, голосовало 89 063 169 человек —97,8 процента всех участвовавших в голосовании.

Блок коммунистов и беспартийных одержал замечательную победу.

Ни в одном государстве мира нет правительства, избранного так единодушно. Партия, которая стоит теперь у власти в Англии, получила на выборах только 53,6 процента голосов, партия, правящая в США,— 60,5 процента партии, входящие в правительство Франции,— 56,6 процента.

Советский народ доверил кандидатам блока коммунистов и беспартийных управ-

лять самым богатым, самым могучим, самым великим государством мира.

Статья тридцатая Сталинской Конституции гласит:

«Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР».

Верховный Совет будет решать вопросы мира и войны, заключать договоры с иностранными государствами, ему дано право принимать в состав Союза новые республики, руководить всем хозяйством страны, устанавливать планы дальнейшего строительства социализма, издавать законы и следить, чтобы точно выполнялись все статьи Конституции СССР.

Понятно, какое великое доверие оказал народ тем, кого он избрал депутатами в Верховный Совет.

И это доверие оказано им не зря: депутаты Верховного Совета — самые лучшие, самые передовые сыны советского народа.

Когда 12 октября Центральный исполнительный комитет об'явил о дне выборов и о начале избирательной кампании, в разных концах Советской страны одновременно было названо имя первого кандидата, имя товарища Сталина. 3500 собраний рабочих, служащих, колхозников, студентов, красноармейцев выдвинули в Верховный Совет кандидатуру товарища Сталина.

Вслед за товарищем Сталиным были названы имена его боевых соратников — тт. Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Жданова, Ежова, Косиора, Андреева, Микояна, Чубаря. Все они — беззаветные борцы за счастье трудящихся, верные, стойкие сталинские ученики, отдающие делу народа всю свою жизнь.

Народ послал в Верховный Совет много партийных и советских руководителей — секретарей партийных комитетов, председателей исполкомов. Эти люди в краях и областях стоят во главе государственных и партийных организаций. Советские люди каждодневно видят результаты их плодотворных трудов.

Вместе с ними в Верховном Совете будет работать много передовых стахановцев фабрик, заводов и колхозных полей. В списке депутатов вы найдете знакомые каждому имена: Стаханова, Кривоноса, Дуси Виноградовой, Никиты Изотова, комбайнера Борина, известной трактористки Паши Ангелиной. Этих людей народ уважает за то, что они первыми показали, как можно и нужно работать в стране социализма.

В составе Верховного Совета — лучшие писатели, чьи книги правдиво рассказывают нам о жизни народа, виднейшие ученые, учителя, артисты, доктора, инженеры.

Почетное место в Верховном Совете народ предоставил доблестным бойцам и командирам нашей славной Красной армии. Среди них герои-летчики, бесстрашные подводники, меткие артиллеристы, не знающие преград танкисты.

Дружно и сплоченно голосовали избиратели за славных работников НКВД, за тех, кто неусыпно и бдительно охраняет нашу счастливую жизнь и беспощадно расправляется с фашистскими агентами, троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами.

В капиталистических странах в парламентах заседают капиталисты и их приказчики. Среди депутатов английской палаты общин 114 банкиров, 37 заводчиков, 139 рантье (люди, живущие на доход с капитала), 110 адвокатов и т. д. Кроме палаты общин в Англии существует еще палата лордов, самое название которой говорит о том, кто в ней заседает.

В Японии палата пэров (без которой парламент не может принять ни одного решения) состоит из 16 принцев, 13 князей, 30 маркизов, 17 выборных представителей от графов, 65 представителей от виконтов и 66 представителей от баронов. 121 депутата назначает сам император. Обычно это министры или крупные чиновники. И управляют государством эти депутаты так, как это выгодно капиталистам.

Как раз в те дни, когда советский народ готовился к выборам в Верховный Совет, английская палата общин в пятый раз отклонила проект закона о ежегодном, оплачиваемом отпуске рабочим. Пять раз обсуждался в палате общин этот закон, и пять раз капиталисты и их прислужники благополучно провалили его. Так и по сей день английские рабочие лишены оплачиваемого отпуска.

Наши депутаты — верные сыны народа. Служить народу — для них величайшее счастье, доверие народа — самое дорогое, что есть в жизни. Все они: и партийные и непартийные, и молодые и старики, рабочие, крестьяне и интеллигенты — проникнуты одной думой, одним стремлением — сделать нашу родину еще более могучей, еще более счастливой, зажиточной и культурной.

Все они беззаветно, до конца преданы великому делу Ленина — Сталина. Горячо и единодушно голосуя за этих депутатов, советский народ горячо и единодушно проголосовал за нашу коммунистическую партию, за нашего Сталина.

Струны лиры отзвучали,
Ты в изгнании угас,
Сквозь века до нас доходит
Твой прекрасный, сладкий глас.

Воспевая Тариэла, ты оплакивал себя,
Знаешь, Шота Руставели, очень я люблю тебя.

Забывая все на свете,
Я две ночи напролет
Все читал о Ростеване,
Про охоту и поход.

К стенке твой портрет прибил я,
И, придя к себе домой,
Бросив книги, улыбаясь,
Я здороваюсь с тобой.

Кости пусть твои истлели,
Жив прекрасный твой рассказ.
Здравствуй, Шота Руставели,
Будь, как дома, среди нас!

Школьник ***Мигуэль Наумов***
Киев

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

(Окончание)

Повесть двадцать пятая. Взятие Каджети

Царь Фридон сказал героям: — Вот, друзья, мое решенье:
Если мы пойдем на приступ, будет страшное сраженье.
Обрекать себя на гибель было б слишком безрассудно,
Тут хоть сотню лет сражайся, взять ворота будет трудно.

С детства силу развивая, был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы, ловко бегал по канатам.
Кто из вас на выступ башни мой аркан закинуть может?
Пролетев над головами, он врагов не потревожит.

По натянутой веревке мне пройти — пустое дело.
Лишь миную я ворота, спрыгну на землю умело.
Налетев, подобно вихрю, перебью врагов без счета,
Проложу мечом дорогу и открою вам ворота.

Автандил сказал Фридону: — Ты, Фридон, известный воин,
Силой рук ты льву подобен и похвал иных достоин.
Хороши твои советы и заслуги боевые,
Но взгляни, как близко к башне ходят эти часовые.

Слыша звяканье оружья и кольчуги легкий скрежет,
Стража вмиг тебя заметит и веревку перережет.
Дело плохо обернется, и погибнешь ты напрасно.
Принимать совет твой нынче безрассудно и опасно.

Если здесь плоха надежда на военные успехи,
Под купеческим кафтаном лучше скрою я доспехи.
Погоняя веткой мула, нагруженного поклажей,
Я пройду через ворота и пропущен буду стражей.

В это время вам с отрядом нужно в поле притаиться.
Если в городе со мною ничего не приключится,
Перебью я эту стражу и ворота вам открою,
Вы появитесь внезапно и ворветесь вслед за мною.

Тариэл сказал: — Я знаю, вы готовы драться смело.
Одного меня оставить вы желаете без дела.
Нет, друзья! Царевна с башни всех увидит нас в бою.
Если я не буду биться, потеряю честь свою.

Мой совет вернее ваших: на три малые отряда,
По ста всадников на каждый, нам разбиться нынче надо.
Лишь заря займется в небе, к трем воротам с трех концов
Подлетим мы и с собою приведем своих бойцов.

Увидав, что нас немного, каджи бросятся навстречу,
От ворот мы их отрежем и затеем с ними сечу.
Кто успеет, тот в ворота пусть прорвется на коне,
Там пускай он погуляет и потешится вдвойне.

Царь Фридон сказал с улыбкой: — Понял я, что это значит:
Конь его подарен мною, он быстрее всех доскачет.
Знай об этом я пораньше, не расстался б я с конем,
В крепость первым бы ворвался и оставил вас вдвоем.

Посмеявшись над Фридоном, братья так и порешили
И отряд бойцов могучих на три части разделили.
Уж светлело на востоке. Приближался лютый бой.
Приближалось исполненье изреченного судьбой.

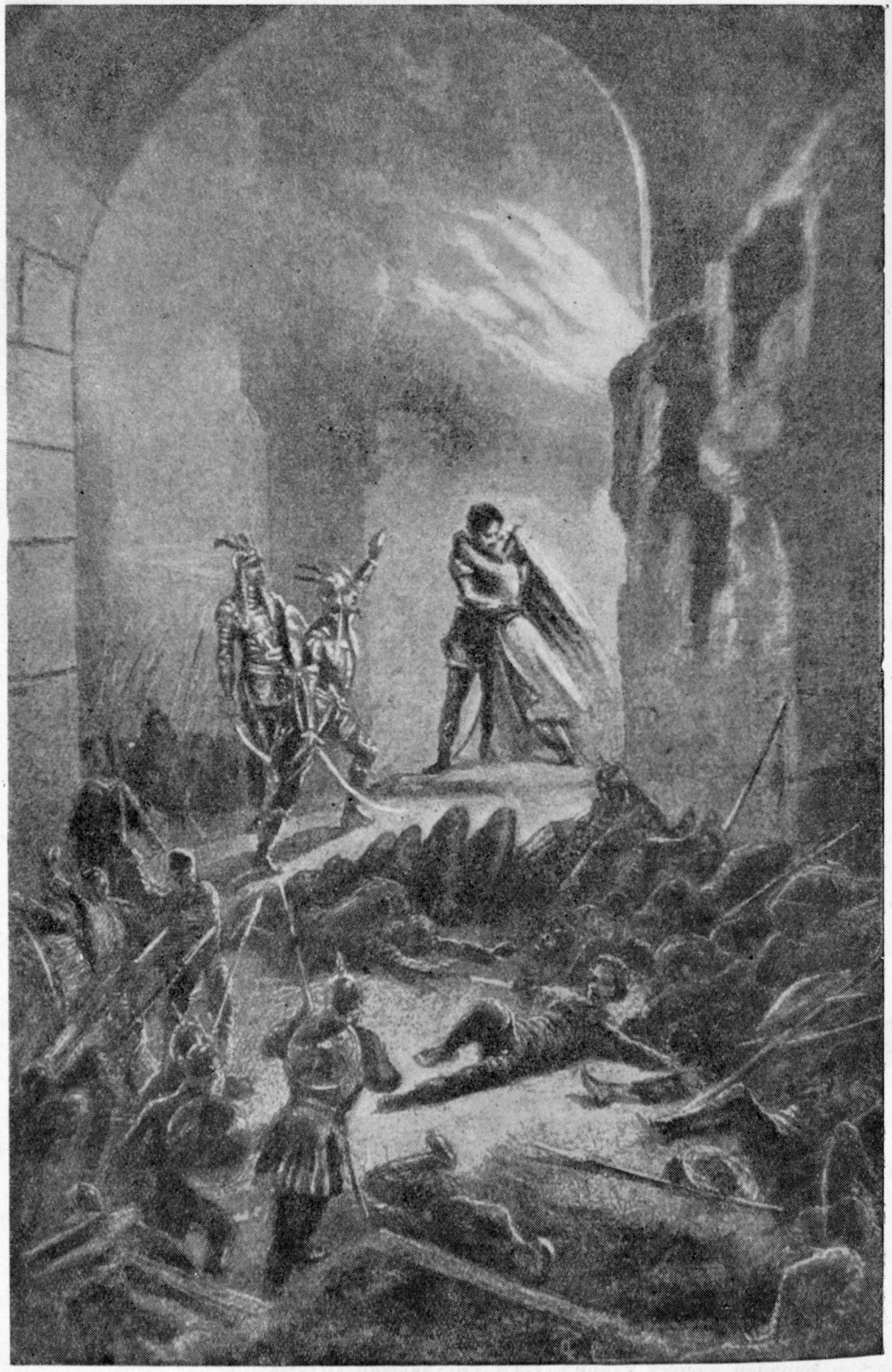
Видел этих я героев, видел я сраженье это..
Семь планет их покрывали в эту ночь столпами света.
Тариэл, подобный солнцу, на коне сидел могучем
И твердыню пожирал он взором пламенным и жгучим.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком.
Низвергаясь с гор высоких, мчит в ущелье он глубоком,
И ревет, и тяжко воет... Наконец, впадая в море,
Успокоенный, смолкает и несется на просторе.

Автандил был воин грозный, и Фридон был крепок телом,
Но никто из них сразиться не желал бы с Тариэлом.
Рассвело. Планеты скрылись, и померкнули Плеяды.
Тариэл с двумя друзьями тихо вышли из засады.

Словно путники простые, шли они неторопливо.
Стража их не испугалась и ждала их терпеливо.
Но, проехав полдороги, братья гикнули и вдруг,
Словно вихрь, полетели, и за каждым — сотня слуг!

Крепость вздрогнула от крика. На дорогу пали трупы.
Барабан вверху ударил. На стене завыли трубы.
Но друзья, надвинув шлемы, путь расчистили. И вот
Беспощадный и кровавый грянул бой у трех ворот!



И разлука и скитанья — все осталось позади,
И прекрасная царевна на его лежит груди.

И тогда постиг Каджети божий гнев неизмеримый,
Злобный Кронос, глядя с неба, проклял город нелюбимый,
Опрокинул он на землю колесо небесных сводов,
И повергнутые трупы пали грудами у входов.

Мощный голос Тариэла заставлял терять сознанье.
Витязь рвал мечом кольчуги, рушил латы, одеянья.
Осажденные ворота стража бросила с испугом,
Братья в город устремились и ворвались друг за другом.

Лев Фридон, залитый кровью, скоро встретил Автандила.
Братья обняли друг друга, радость их преобразила.
Враг бежал куда попало, оставляя груды тел...
Но никто из них не видел, где сражался Тариэл.

С криком гнева и печали братья бросились к воротам,
Но в живых от целой стражи не осталось никого там.
Смотрят братья: смерть повсюду, кровь рекой, и стон, и ад,
И разбитые ворота, с петель сорваны, лежат.

Десять тысяч лучших стражей пало здесь. И стало ясно,
Что могучий их товарищ здесь рубился не напрасно.
Братья к башне устремились, где зиял подземный ход,
И, готовые к сраженью, смело бросились вперед.

Поднялись они и видят: возвышаясь над толпою,
Тариэл стоит на башне с обнаженной головою.
И разлука и скитанья — все осталось позади,
И прекрасная царевна на его лежит груди.

Солнце так встречает розу, так Муштари справедливый
И Заул — звезда печали, — заключив союз счастливый,
Благодатными лучами заливают небосвод...
Только тот узнает счастье, кто печаль перенесет.

Так закончилось сраженье в честь героя Тариэла.
Из бойцов его лишь только половина уцелела,
Остальные пали в битве на развалинах Каджети,
И Фридон заплакал горько, услыхав известья эти.

С башни витязи спустились и в последней жаркой схватке,
Захватив богатства каджей, перебили их остатки
И навьючили добычу на три тысячи верблюдов —
Горы яхонтов граненых и корзины изумрудов.

Шестьдесят оставив стражей в завоеванной твердыне,
Повезли они царевну в драгоценном паланкине.
Путь лежал их прямо к морю, в славный град царя морского,
Чтобы с Фатьмою проститься и домой вернуться снова.

Повесть двадцать шестая. Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан, устроенная царем Нурадин-Фридоном

Прибыл вестник в Гуланшаро и привез царю посланье:
«Царь морей! С врагом покончив, жажду я с тобой свиданья.
Тариэл, индийский витязь, я везу мое светило,
То, которое стрелою сердце витязя пронзило.

Я дарю тебе навеки крепость славную Каджети.
Фатьма-хатун [1] помогла мне разорвать неволи сети.
Выйди, царь, ко мне навстречу и возьми ее с собою,
Пусть она увидит солнце, возвращенное герою».

Царь возрадовался духом и с великою поклажей
Вышел встретить Тариэла и принять твердыню каджей.
Десять дней прошли в дороге. Наконец, среди степей
Караван царя морского повстречал своих гостей.

Увидав царевну, Фатьма обняла ее, ликуя,
И воскликнула: — О солнце! Вновь тебе служить могу я.
Осветился мрак печальный, расступилась темнота,
Зло мгновенно в этом мире, неизбывна доброта.

Фатьму ласково целуя, ей царевна отвечала:
— Помнишь, я была в ущербе, тосковала и дичала?
Изливает ныне солнце на меня свой дивный свет,
Я полна моей любовью и страданий больше нет.

Царь морей веселым пиром славных чествовал героев,
Раздавал гостям подарки, щедрость царскую утроив.
По монетам там ходили так, как ходят по песку,
Груды шолка там лежали и парча — кусок к куску.

Дал венец он Тариэлу — не венец, а прямо диво:
Из большого гиацинта был он выдолблен красиво.
И еще принес в подарок драгоценный некий трон,
Был из золота литого этот трон сооружен.

[1] Фатьма-хатун — госпожа Фатьма.

Дал он мантию царевне, несравнимую доселе,
Бадахшанские рубины, как цветы, на ней горели.
Каждый воин Тариэла, и Фридон, и Автандил
Славный дар неоценимый в этот вечер получил.

С благодарностью великой получив подарки эти,
Тариэл оставил Фатьме все, что вывез из Каджети,
Снарядил корабль он в море и, пролив потоки слез,
В царство славное Фридона деву юную повез.

Там их встретили вельможи и соратники Фридона,
Вся округа содрогалась от торжественного звона:
Барабаны громко били, трубы медные трубили,
С ликованием великим люди толпами ходили.

Был в тот день в Мульгазанзаре шум великий на базаре:
Все купцы, закрыв торговлю, шли навстречу юной паре.
Сотни стражей с топорами охраняли путь в чертоги,
Но бесчисленные толпы заливали все дороги.

Ко дворцу под'ехал поезд, вышли слуги цепью длинной;
Золотой на каждом пояс и в руках ковер старинный.
На ковер чета вступила, всю толпу осыпав златом,
И Асмат, встречая деву, слезы радости лила там.

Обняла ее царевна и, лаская, говорила:
— Горе мне, моя родная! Всю тебя я истомила.
Но господь меня услышал и луну не отдал змею.
За твое большое сердце чем воздать тебе сумею?

И Асмат ей отвечала, удержать не в силах слезы:
— Слава богу, минул холод, не увяли наши розы.
Что тебя я не забыла — вот одна моя заслуга.
Ныне в радости сердечной не покинем мы друг друга.

И Фридон в своих чертогах свадьбу царственную справил,
Пышный трон бело-пурпурный новобрачным он поставил,
По бокам его горели красно-желтые каменья.
Автандилу трон особый был устроен в отдаленье.

Вот жених с невестой сели, и певцы запели хором,
И поднес Фридон царевне дорогой ларец с убором.
Ожерелье там лежало и граненое кольцо,
Было девять там жемчужин, все с гусиное яйцо.

Был еще там некий камень, равный светлому рубину,
Живописец с этим камнем ночью мог писать картину,
Точно маленькое солнце, ярким светом он горел.
С благодарностью великой принял камень Тариэл.

Автандилу в знак любови царь поднес большое блюдо,
Но не каждый гость сумел бы приподнять такое чудо.
Чистым выложено златом, крупным жемчугом полно,
Тяжелей щита литого показалось мне оно.

Восемь дней играли свадьбу, каждый день молодоженам
Подносили дар особый, приготовленный Фридоном.
Восемь дней звенели арфы. Каждый весел был и пьян.
Так женою Тариэла стала Нестан-Дареджан.

Повесть двадцать седьмая. О том, как по пути в Аравию Тариэл заехал за своими сокровищами

Тариэл сказал Фридону: — По желанью Автандила
Я вернулся к этой жизни, потушив свое горнило.
Чтоб найти мою царевну, витязь жертвовал собою.
Одержав победу ныне, я хочу помочь герою.

Разыщи ты Автандила и спроси, чего он хочет.
Почему в уединенье слезы горестные точит.
Мы в Аравию поедем — таково мое решенье.
Кто пожертвовал собою, тот достоин утешенья.

Мы в Аравию поедем, мудрых там смирим речами,
Непокорных и строптивых — беспощадными мечами.
Коль царица Тинатина за моим не будет другом.
Я жене моей любимой не желаю быть супругом.

Услыхав такие вести, Автандил смеясь ответил:
— Ждет меня моя царица, трон ее велик и светел.
Ей ничто не угрожает — ни война, ни племя каджей.
Что в Аравии нам делать с боевой дружиной нашей?

Срок придет и совершится предназначенное богом.
Пожалеет он скитальца и придет конец тревогам.
Лишь тогда проникнет в сердце луч небесного светила,
До тех пор напрасны будут все метанья Автандила.

Одного лишь я желаю: чтобы в Индии великой
Тариэл на царском троне утвердился солнцеликий.
Чтобы рядом с ним сидело солнце с молнией во взоре,
Чтоб друзья его окрепли, а враги погибли вскоре.

И когда в индийских землях мы отпразднуем победу,
Чтоб мое увидеть солнце я в Аравию поеду.
Если дева пожелает, — мой огонь она потушит,
А пока для Тариэла пусть мой верный меч послужит.

И когда Фридон герою передал такие вести,
Тариэл сказал: — Могу ли я забыть про дело чести?
Автандил нашел царевну и сберег мое дыханье,
Я должник его навеки. Прекратим же пререканье.

Передай ему: поеду я в Аравию с женою,
Пусть забудет царь великий о рабах, убитых мною.
О царевне Тинатине буду я молить учтиво,
И окончится, я верю, сватовство мое счастливо.

Так решили братья ехать в край далекий Ростевана.
По бокам от каравана шла великая охрана.
Солнце было в середине, в драгоценном паланкине,
Пламя ясное горело в бадахшанском том рубине.

И казалось всем прохожим, что высоко над землею
Три луны сопровождают солнце стражею тройною.
Вдоль по берегу морскому путь тянулся много дней.
Наконец, вблизи пещеры слезли витязи с коней.

И сказал тогда индиец: — Вот где бедный я скитался!
Коль запас копченой дичи в кладовой у нас остался,
Пусть Асмат гостей накормит и устроит отдохнуть.
Время к вечеру подходит, впереди — далекий путь.

Сели путники у входа, и насытились дичиной
И в пещеру углубились, чтоб увидеть клад старинный.
Снял свои печати витязь, двери настежь отворил,
И бесценными дарами всех друзей он наградил.

Славным воинам Фридона столько роздал он добра там,
Что, вернувшись из похода, каждый воин стал богатым.
Хоть и щедр был юный витязь, но не мог раздать всего,
И нетронутым казался клад бесчисленный его.

И сказал герой Фридону: — Лев, должник я твой навеки,
Увенчать наградой должно добродетель в человеке.
Этот клад неисчислимый приношу тебе я в дар,
Погрузи его скорее и отправь в Мульгазанзар.

С благодарностью великой поклонился царь герою
И сказал: — Не по заслугам возвеличен я тобою.
Если враг подобен дубу, — пред тобой он как тростник.
Буду счастлив я, доколе твой прекрасный вижу лик.

Погруженный на верблюда, клад отправлен был в столицу.
Снова в путь друзья пустились и арабскую границу
Перешли благополучно, шумной встречены толпой...
Автандил — ущербный месяц — к солнцу путь направил свой.

О движенье каравана слух дошел до Ростевана,
По взволнованной столице звук пронесся барабана.
Щеки юной Тинатины озарил поток лучей,
Тень ресниц, краса рубина, пала около очей.

Уж коней седлали слуги, и войска в составе полном
Выходили за ворота шагом мерным и проворным.
Окруженный пышной свитой, престарелый ехал царь,
Чтобы встретить Автандила, как встречал его и встарь.

И когда в далеком поле пыль столбами заклубилась,
Автандил сказал герою: — Окажи свою мне милость,
Стыдно мне и непристойно показаться пред царем —
Я раскину здесь палатку. Поезжайте вы вдвоем.

Тариэл, покинув друга, поскакал вперед с Фридоном.
Автандил шатер походный на лугу разбил зеленом,
И царевна с ним осталась, и, с ресниц ее слетая,
Легкоструйные зефиры дули, в воздухе играя.

Старец с радостью великой дорогого гостя встретил.
Тариэл сошел на землю, ликом радостен и светел.
Поклонился он владыке, обнял царь его, как сына,
И дивился, что такого повстречал он исполина.

Поздоровавшись с Фридоном, царь на стражу оглянулся
И, не видя Автандила, задрожал и ужаснулся.
— Царь, — сказал прекрасный витязь, — твой любимец недалече.
Есть ему причина медлить и бояться этой встречи.

На ковер уселись гости. Окружили их отряды.
Был прекрасен лик героя, как сияние лампады.
— Царь, — сказал индиец снова, — пред тобой я только воин,
И просить тебя, владыку, ни о чем я недостоин.

Все ж осмеливаюсь ныне я молить за Автандила.
Уж была мне в этом мире уготована могила,
Дал он мне бальзам волшебный, исцелил меня от муки,
Ныне сам он истомился, умирая от разлуки.

Царь, давно друг друга любят Автандил и Тинатина.
Пожалей, самодержавный, полководца-исполина.
Вот стою я пред тобою с беспримерною мольбою:
Царь, отдай свою царевну крепкорукому герою.

Ничего прибавить больше к этой речи я не смею...
Свой платок достал тут витязь, повязал его на шею,
Словно раб перед владыкой, он упал пред Ростеваном.
Удивлялся каждый воин униженьям этим странным.

И смутился сам владыка и сказал: — О боже правый!
Как ты можешь унижаться — ты, с твоею чудной славой?
Кто тебе в малейшей просьбе отказать имеет силу?
Знаю я, что в целом мире нет подобных Автандилу.

Царство дочери я отдал, им она теперь владеет,
Юный цвет произрастает, старый сохнет и желтеет.
Как могу своею волей поразить я дочь недугом?
Возлюбил я Автандила. Быть ему ее супругом.

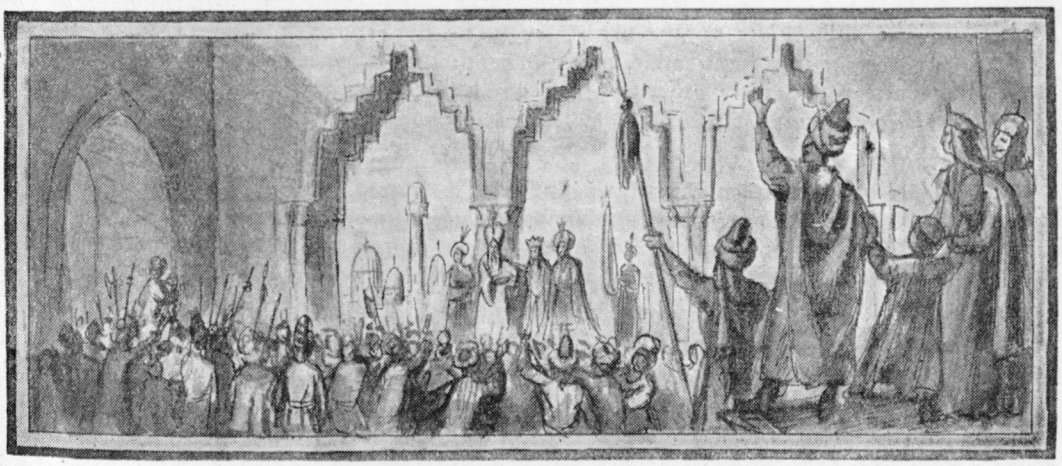
Тут Фридон к шатру помчался и вернулся с Автандилом.
Витязь, лик платком скрывая, смутным выглядел светилом.
Так за облаком туманным солнце осенью мерцает,
Но краса его вовеки от того не убывает.

Обнял царь его счастливо и сказал: — Приспело время,
Облегчил мое ты горе, снял моих печалей бремя.
Лев, пойдем скорее к солнцу. Ждет гостей веселый пир.
Пусть на свадьбе Тинатины погуляет божий мир!

На коней герои сели и к супруге Тариэла
Поспешили, и царевна из шатра на них глядела.
Из очей лилось сиянье, ослепившее царя.
Нет, не зря сражался витязь и томился он не зря!

— Солнце! — царь сказал в восторге. — Свет безоблачный! Какую
Похвалу воздам тебе я? С чем сравнить тебя могу я?
Солнце ты, и месяц ясный, и планета из планет.
Не хочу смотреть на розы, увидав тебя, мой свет!

И с супругой Тариэла снова двинулись все вместе
Во дворец царя арабов, чтоб вручить дары невесте.
Семь планет пылают в небе — все они равны одной,
Той, которая сегодня ожидает их домой.



Повесть двадцать восьмая. Свадьба Автандила и Тинатины, устроенная царем арабов

Автандил и Тинатина на высоких сели тронах —
Оба в мантиях пурпурных и рубиновых коронах.
Так, свое исполнив слово и печаль преодолев,
Самый сильный между львами солнцу солнц достался лев.

И сказал им царь: — О дети! Дай вам бог с великой славой
В долгоденствии и мире управлять моей державой.
Будьте крепки вы душою, доблесть царскую храня,
И своими вы руками положите в гроб меня.

Указав на Автандила, царь сказал своей дружине:
— Вот ваш царь. По воле божьей здесь он царствует отныне,
Укрепит он наше царство и врагов рассеет тьму,
Так же, как вы мне служили, послужите и ему.

И прославила дружина волю праведного неба.
Принесли ей из амбаров горы мяса, груды хлеба,
Много там перекололи и баранов и коров,
И немало каждый воин получил в тот день даров.

Гиацинтовые чаши, и чеканная посуда,
И рубиновые кубки появились из-под спуда,
И вино из ста фонтанов там струилось до зари,
И гремели там цимбалы, и смеялись там цари.

День ушел — другой в начале. Снова кубки застучали.
Жемчуг катится, рассыпан. Свет колеблется в кристалле.
Дорогие ожередья отягчают сотни тел.
Служит дружкой Автандилу царь индийский Тариэл.

И склоняся к Тариэлу, Ростеван сказал, пируя:
— На твое, владыка, солнце с восхищением смотрю я.
Нет тебе на свете равных, нет другой такой жены.
Ваши славные престолы выше всех стоять должны.

И поставили их троны в этот день на возвышенья,
И поднес им царь арабов дорогие подношенья,
Скипетр каждому вручил он, и порфиру, и венец,
И детей своих любимых не забыл он подконец.

Дал он им рубин огромный из округи бадахшанской,
Восемьсот камней, снесенных некой курицей романской,
Светлых тысячу жемчужин с голубиное яйцо
И табун коней отборных, шею выгнувших в кольцо.

И Фридону подарил он девять блюд, и в каждом блюде
Груда жемчуга лежала — чуть внесли их в залу люди.
Подарил ему он также девять избранных коней,
Каждый конь был ростом с гору и смолы он был черней.

Что еще сказать могу я о веселом этом пире?
Уж таких пиров прекрасных не бывает больше в мире.
Тридцать дней гуляли гости. Каждый весел был и пьян.
Так своим любимым детям справил свадьбу Ростеван.

Наконец, сказал владыке царь индийцев: — Быть с тобою
Рад бы я до самой смерти, но страна моя, не скрою,
Ныне занята врагами, и отцовский мой престол
Осквернил коварный недруг и к забвению привел.

Знанье, сила и искусство мне вернут страну родную.
Отпусти меня, владыка. Об отчизне я тоскую.
С лютым недругом покончив, я вернусь к стопам твоим.
Будь здоров, живи счастливо, силой божией храним.

И ответил царь арабов: — Автандил с огромным войском
Будет верный твой помощник в том сражении геройском.
— Что ты, царь! — воскликнул витязь. — Как ему идти со мной,
Как расстаться может солнце с новобрачною луной?

Автандил, смеясь, ответил: — Не покину в битве друга.
Разве воина удержит дома милая супруга?
Обнялись два верных брата. Смех веселый их звучал,
Как, осыпанный цветами, звонкий свадебный кристалл.

Тысяч восемьдесят смелых на конях предстали белых
Все в доспехах хорезмийских, в разных набраны пределах.
Братья с женами простились и отправились в поход,
Ростеван с великим горем провожал их до ворот...

Заключение

Минул долгий срок скитанья, все свершились упованья,
На семи индийских тронах царь воссел, забыв страданья.
Трубы звонкие трубили, барабан, ликуя, бил,
И царица там сияла, словно солнце средь светил.

Целой Индии властитель, всех сокровищниц хранитель,
Тариэл на царском троне был могучий повелитель.
Так он жил до самой смерти, весел, счастлив и богат,
И седьмым его уделом мудро правила Асмат.

Верен царственным законам, укрепил он власть за троном
И всегда был в крепкой дружбе с Автандилом и Фридоном.
Как огня, их враг боялся и напасть на них не смел:
Где сражались два героя, — третьим бился Тариэл.

И об этих властелинах, этих мудрых исполинах,
Кто прославлен был в походах и в сражениях старинных,
Кто в несчастиях друг друга никогда не покидал, —
Месх я некий, Руставели, эту повесть написал.

На тракте

Р. Фраерман *Рис. Б. Винокурова*

Это было семнадцать лет назад в большом пригородном селе, стоявшем на Чистопольском тракте.

Село было степное, богатое и мало чем отличалось от других, стоявших на этом же тракте богатых и просторных сел.

Одним только отличалось оно.

В каждом селе был свой деревенский дурак и всегда лишь один, а в этом их было два: Пека и Федя Слюнтяй.

В страшной вражде и зависти друг к другу жили они—и если Пека входил в село в одни воротца, то Федя уходил из села в другие.

Феде было лет под сорок. Он был хитер, вынослив и даже в лютые морозы ходил в одной рубахе, босиком.

Пеке же хотя лет было и немного—всего восемнадцать, — но, как и Федя Слюнтяй, носил он на теле вериги, а на голове высокую шапку и в отличие от Феди был настоящий дурак.

Но в эти дни мало кому было дела до Феди Слюнтяя и Пеки.

С востока, с запада и с юга село было окружено врагами. Убегая степью на Сибирь, остатки белых банд подняли кулаков на восстание. И большое село Карачи, и Ключи, и Шамша, лежавшая ближе других, были уже заняты ими.

Враг был жесток — двадцать два человека погибли уже в Карачах, а в Ключах и в Шамше замученным не было счету.

И только с севера, по Чистопольскому тракту, заметенному снегом, могла придти помощь: из Казани ждали красных.

Три дня назад ночью в школе, которую на это время превратили в штаб, секретарь волостного комитета сказал:

— Дальше бандитов пускать нельзя. Погибель и муку должны мы принять на себя, но врага задержать. Дня через два подоспеют наши. И спасенье наше в том, чтобы прервать у врага всякую связь. Надо село оцепить, выставить караулы у околиц, послать патрули и дозоры. Пусть улицы будут пусты, пусть в избах не зажигают огней, и пусть не выйдет из села ни один человек, а пуще всего не войдет. Кулачья тут много, а нас, коммунистов, мало.

— Но есть одна надежда, — сказал секретарь, обратив свой бессонный взгляд направо, где с краю стола сидела молодая учительница. — Есть у нас одна надежда на школу. Ученики в ней из дальних деревень, чужие, батрацкие дети, и есть среди них ребята не маленькие: вместе с учительницей вступали в комсомол. Они пойдут за ней. Я это знаю.

— Пойдут, — сказала твердо учительница. — Хватит ли только оружия? Нас, школьников, семьдесят два.

— Оружия тоже мало, — ответил ей секретарь, — а патронов и вовсе нет. Есть только холостые ружья, что остались нам от всеобуча. Но ведь кулачье об этом не знает. Они не посмеют выступить, пока будут уверены в нашей силе.

И три дня, три мутных зимних ночи школьники несли караул.

Они стояли на часах у четырех околиц, шагали по улицам, сторожили на колокольне, откуда видна была только степь, погруженная в холодную мглу, — ни одного огонька не зажигали в селе.

Но и по утрам пусто было вокруг.

Только раз в день, кутаясь в шубы, выходили к замерзшим колодцам просвирни.

И тогда со страхом смотрели они на проходившие мимо патрули. Это были все школьники-дети.

Одежда их была худа, обувь разбита. Ветер дул им в лицо, сковывая губы. Но взгляды их были непреклонны, и тяжелые ружья висели у них за спиной. А рядом всегда шагала учительница. И платок ее, связанный из верблюжьей шерсти, и ресницы покрывались на морозе тонким льдом.

На третий день, когда красных все еще не было, секретарь комитета сказал:

— Враг уже рядом. И село нам оставить нельзя и уйти бы вовремя надо: не губить зря людей. Знать бы, когда они выступят из Шамши, ушли бы мы тайно на рассвете. Надо выслать разведку в Шамшу.

— Я пойду, — сказала учительница.

Секретарь покачал головой.

— Тебя тотчас же узнают и убьют.

— Тогда я пойду, — сказал мальчик, стоявший на часах у дверей.

— Нет, я, — перебил его другой.

А третий не сказал ни слова. Он сидел у стены, закутанный в черную шинель, и ружье его стояло подле.

Он часто молчал, хотя был ласков со всеми. Звали его Рамзэ.

Это был татарский мальчик, которого учительница любила больше других.

Она вышла на крыльцо и тут постояла немного.

«Кого же, в самом деле, послать на это опасное дело?»

Безлюдно было вокруг. Степной чистопольский ветер плыл высоко над селом. Над крышами воздух блестел, и на дороге лежало много снегу: никто теперь по ней не ездил.

Учительница все стояла в раздумье. Вдруг близко услышала она странный звук: нето тихий вопль, нето рыданье и смех. Она подняла голову.

Перед ней у самого крыльца, слегка притоптывая большими лаптями, стоял Пека-дурак. Губы его были раскрыты, а бессмысленный взгляд подернут от холода влагой.

Брызгая слюной, как ребенок, он протянул к ней руку и сказал:

— Комиссар, дай Пеке бумажку покурить.

Она с удивлением и строго спросила:

— Кто пропустил тебя в село?

Пека не ответил. Но чей-то голос, неожиданно раздавшийся сбоку, произнес.

— Это я.

Учительница оглянулась. Рядом с ней, прислонившись к перилам крыльца, стоял мальчик Рамзэ, держа у ног ружье.

— Это я пропустил его, — повторил он и поманил Пеку к себе.

Но Пека не тронулся с места.

Тогда Рамзэ показал ему бумагу и кисет с табаком.

Пека закивал головой.

— Комиссар, дай Пеке покурить,— повторил он.

И, вытянув руку с широко раскрытой ладонью, стал подниматься наверх.

Но едва только поднялся он на крыльцо, как Рамзэ отступил назад.

Пека сделал еще три шага, жадно глядя на табак, и Рамзэ снова отступил.

Так вошли они в школу, и учительница шла за ними вслед.

Они свернули налево, где в пустой сторожке горела железная печь.

— Это я пропустил его!

И тут Рамзэ дал Пеке покурить. Они стояли друг против друга, оба одного роста, и Рамзэ со вниманием смотрел прямо в лицо дурака. Потом он сказал:

— Посиди тут, Пека, погрейся, я принесу тебе чаю.

И Рамзэ вышел, заперев сторожку на ключ.

В коридоре учительница тихо окликнула его.

— Рамзэ, Рамзэ, — повторила она несколько раз.

Он вошел с ней в пустой и холодный класс и поставил ружье свое в угол.

— Рамзэ, — спросила она. — Кто позволил тебе пропустить сюда Пеку?

— Я нарочно пропустил его.

— Но зачем тебе нужен Пека?

На это Рамзэ не ответил. Он помолчал, задумавшись немного, опустив глаза к земле. И, наконец, сказал:

— Пеку никто не тронет. Он пройдет повсюду.

— Но то ведь Пека, а не ты, — сказала учительница.

— Может быть, и я могу быть Пекой,— усмехнулся Рамзэ. — Посмотрите, разве я плохо это сделаю.

Он прошелся взад и вперед вдоль стены по комнате, и лицо его, бывшее за минуту до этого живым и умным, застыло вдруг в немом выражении идиота.

— Комиссар, — сказал он, — дай Пеке бумажку покурить.

Учительница в изумлении отступила.

— Рамзэ, — сказала она, — ты настоящий актер, как ты похож на Пеку.

— Тогда, — ответил довольный Рамзэ, — я могу пойти на разведку в Шамшу. — Меня никто не узнает.

И он вышел из класса.

Минут через десять он вернулся и стал чуть согнувшись в дверях.

Он был неузнаваем в высокой шапке дурака и в свитке, порванной во многих местах. Ноги же его были обуты в лапти.

— Где же ты взял эту одежду? — спросила учительница.

— Пека уступил мне даже свои вериги,— ответил Рамзэ, — он хоть и дурак, но понимает, что шинель моя сшита из доброго сукна и стоит гораздо дороже.

— Но ты замерзнешь в этой рваной одежде! — сказала с тревогой учительница.

— А как же ходит в ней Пека? — спросил Рамзэ.

— Он ведь дурак.

— А Федя Слюнтяй?

— Он жулик.

— Так неужели же, — сказал Рамзэ с обидой, — я буду хуже дурака и жулика, когда враг надвигается на нас. Ждите меня. Только не выпускайте Пеку из сторожки, пока я не вернусь.

И Рамзэ ушел, позванивая веригами, висевшими на его шее.

Учительница проводила его. Зимний день подходил к концу, и тусклый вечер встретил их у околицы.

Здесь Рамзэ попрощался и повернулся лицом к степи. Она вся курилась, вся двигалась. Низкий ветер — поземка — к ночи ее посетил.

Рамзэ пришел в Шамшу под полночь. Двое часовых встретили его у околицы. Они окликнули его. Но, приняв в темноте за Пеку, только слабо осветили его лицо фонарем.

— Вот божий человек пришел, — сказали они.

И Рамзэ увидел, что враги беспечны. Он склонил голову на бок и, прижав язык к гортани, диким голосом попросил у них хлебца.

Они посмеялись над ним.

— Иди, иди, Пека, к своим просвирням, Федя Слюнтяй уже там. Он тебе хлебца подаст железной клюкой.

— Федя Слюнтяй! — сказал Рамзэ и плюнул, топнув ногой.

Часовые захохотали.

А Рамзэ, озираясь, вошел в село.

Несмотря на поздний час всадники скакали по улицам; перекликаясь, ржали кони; в избах горели огни.

Но Рамзэ никуда не вошел, так как в самом деле боялся Феди больше чем всех часовых: он один мог бы его узнать.

И Рамзэ стал, притаившись за крыльцом волостного правления.

Он стоял в снегу неподвижно много часов, которых совсем не считал. Ноги его онемели на морозе, и пальцы перестали двигаться. Он же только слушал и, наконец, услышал то, что ему хотелось узнать: бандиты выступают на рассвете.

Тогда Рамзэ ушел. Он перелез через изгородь и вновь очутился на улице, где было попрежнему людно. Скрипели возы у ворот, и меж возами толпились солдаты.

И точно сквозь густую решотку Рамзэ прошел сквозь эту толпу врагов, замерзающий, близкий к смерти, в рваной одежде Пеки, в высокой шапке на голове.

Так дошел он до самой околицы, нигде

Рамзэ диким голосом попросил у них хлебца.

не встретив Феди, и только часовые снова остановили его.

Один из них взялся за ружье. А другой, подняв фонарь над головой Рамзэ, сказал:

— Ведь это же Пека-дурак. Пусть идет себе, не тронь его. Я знаю, он никогда не остается в деревне, где ночует Федя Слюнтяй.

Но часовой, который родом был дальний, не опустил ружья. Тогда Рамзэ, мыча и кривляясь как безумный, снял со своей шеи вериги. Он решил защищаться. И все тело его до самого затылка напряглось, точно силок для дроздов.

Но часовой, вдруг махнув рукавицей, отвернулся. А Рамзэ двинулся дальше, не выпуская из рук вериг. И так как было очень холодно, то мокрые пальцы его прилипли к железным кольцам цепи. Он не отрывал их до тех пор, пока не очутился на дороге в поле, где ничего не было видно кроме летящей мглы.

— *Они выступают на рассвете,— сказал он.*

И тут Рамзэ, бросив вериги, побежал. Снежные холмы вставали перед ним стеной при каждом его шаге.

Он долго бежал, осталось всего лишь треть пути. Тогда он сказал себе:

— Что если близко рассвет, и я не успею дойти? Кто предупредит наших?

При этой мысли он заплакал. И хотя ноги его не слушались больше, он начал с усилием толкать их вперед.

Так сделал он несколько шагов по дороге и снова пустился бежать, будто тело его вдруг утратило вес.

Но вскоре он увидел себя окруженным настоящей вьюгой. Высокие волны поземки со свистом ходили по степи. Рамзэ по пояс погружался в них.

И все же он упорно бежал им навстречу, и темный воздух гудел в его ушах.

Но до села уж было близко.

И Рамзэ прибежал в школу, где ждали его все.

— Выступают на рассвете, — сказал он.

И каждое слово прыгало и дрожало на его онемевших губах.

Сказав это, он начал ослабевать.

Он показал на свои отмороженные ноги, и товарищи подхватили его под руки.

К рассвету вьюга утихла. И школьники, всю ночь сторожившие на колокольне, увидели над степью месяц, чистый и ясный, он висел под высоким небом, где угасали созвездья.

Дозорные смотрели на восток.

Заря занималась медленно, снега еще слабо отражали ее блеск. Но дорога на Шамшу уже была видна.

По ней двигался враг. Возы шли по два в ряд, и дальний визг их полозьев заглушал крик петухов, доносившийся снизу из села.

И никаких других звуков не доносилось оттуда. Не стучали ведра у колодцев, не скрипели ворота, не поднимался дым из труб в эту пору, когда просвирни всегда топили печи.

Только у школы, не трогаясь с места, стояли сани, нагруженные больными и детьми.

Среди них был и Рамзэ. Он лежал на спине неподвижно—с забинтованными ногами, укрытый тулупом, и суконная шапка Пеки все еще была на нем.

Он, как и все, смотрел на колокольню вверх: оттуда ждали сигнала: если близко подступит враг, придет дозорный тихо и скажет, но если на тракте покажется помощь, на колокольне ударят в набат.

Медленно поднималась заря над селом, погруженным в тишину и в сугробы.

И вскоре с колокольни прибежал часовой. Он был бледен, этот маленький школьник, под своим рваным треухом и задыхался.

— Они уже подходят к воротам, — сказал он.

И в то же мгновенье медный звук набата, колебля над равниной посветлевший воздух, из конца в конец покатился по ней.

Под леском, всегда гудевшим в отдалении, на тракте показались красные.

Полк промчался сквозь село к воротам и на краю встретил врага огнем.

Рамзэ, приподнявшись в санях, огляделся. Лошадь вставала на дыбы, и никого не было кругом. Только Пека без шапки и в черной шинели стоял возле школы у крыльца.

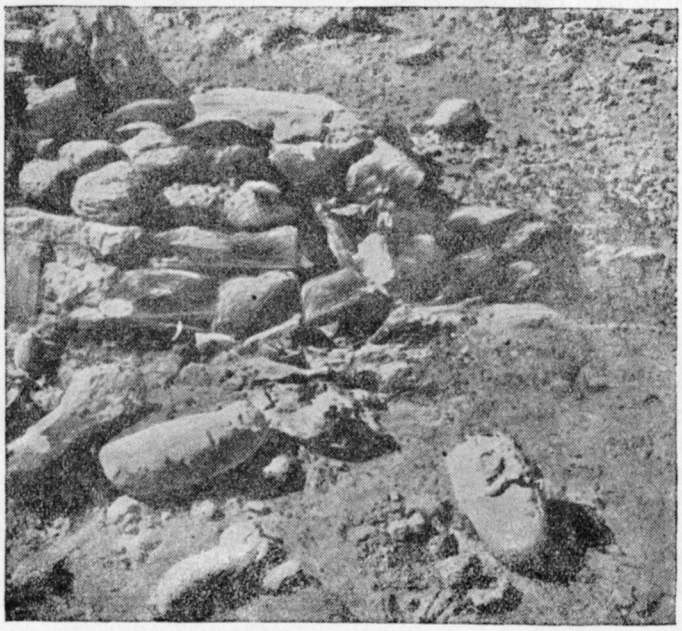
Рамзэ улыбнулся ему. И Пека, брызгая слюной, как ребенок, сказал:

— Комиссар, дай Пеке бумажку покурить.

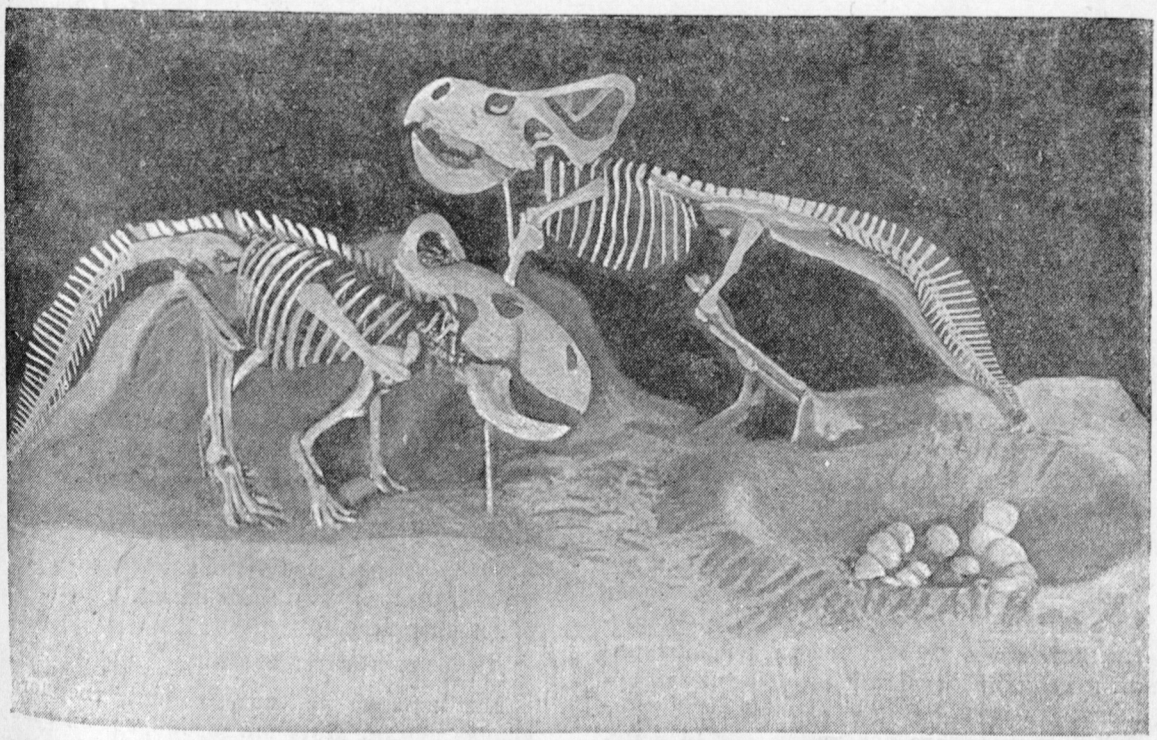
Рамзэ тихонько засмеялся и, высунув руку из-под тулупа, протянул дураку его шапку.

НАХОДКА В ПУСТЫНЕ ГОБИ

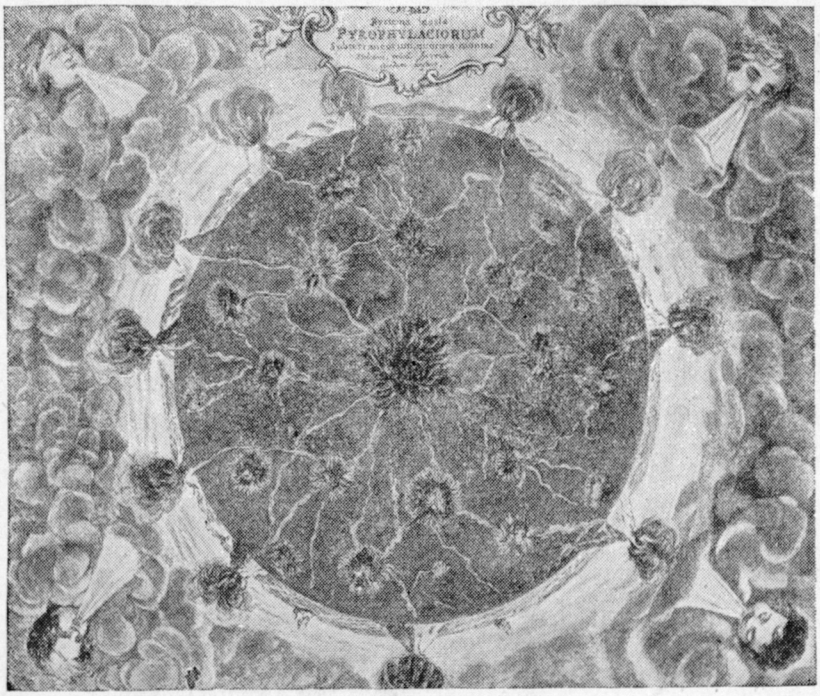
Американская экспедиция открыла в Центральной Азии, в пустыне Гоби, остатки мира, существовавшего сотни миллионов лет назад. В глыбах песчаника найдены гнезда с сохранившимися яйцами динозавров. Удалось собрать целые скелеты этих вымерших пресмыкающихся. Некогда они откладывали яйца в ямки в горячем песке. Сейчас и песок и яйца превратились в камень.



Раскопки гнезда динозавра.



Скелеты мелких динозавров около гнезда.



Внутренность земли. Рисунок из книги Атаназиуса Кирхера.

Путешествие к центру земли

В. Сафонов

ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ

ОТВАЖНЫЕ путешественники наших дней склонны считать земной шар маленьким и тесным. Они об'езжают его в несколько суток, бороздят во всех направлениях моря и континенты, смело проносятся над ледяной шапкой Арктики. Ни у полюсов, ни в недрах «черного материка»—сожженной солнцем Африки,— ни в девственных «гилеях» Бразилии, где обезьяны могут пройти по верхушкам деревьев тысячу километров, не видя земли, ни в сердце Тибета, еще недавно неведомом, — нигде наука больше не ожидает встретить никаких особенных тайн. И многим кажется даже, что эра завоевания земли и великих открытий на ней уже завершена.

Я знавал одного парнишку, лет 14, семиклассника, отличника учебы. Он собирался стать географом. Но его удручала мысль, что на свете осталось мало неоткрытых земель. Пройдет несколько лет — и трансарктические пассажиры будут выходить пить чай среди льдов на станционном вокзале с надписью «Полюс недоступности». Как, в самом деле, жаль, что больше нет тех неведомых морей, где случилось столько удивительных приключений со спутниками Колумба!

Я сказал молодому географу, что его выводы очень торопливы и очень несправедливы.

Неисследованное и недоступное все еще окружает человека на земле. Мы хорошо знаем только тот «слой» нашей планеты, в котором мы живем. Но как можно говорить о «слое»? Разве мы живем не на земле, а внутри нее?

Да, если хотите, это так.

Мы живем на поверхности твердого «слоя» земли. Могучий газообразный слой поднимается над нами. Планета Земля кончается, строго говоря, за несколько сотен

километров над нашими головами — там, где исчезает последнее земное вещество — частицы воздуха.

Над нами и под нами простираются области земли, где человек никогда не бывал.

НЕВИДИМЫЙ ОКЕАН

АНГЛИЙСКИЙ писатель Конан-Дойль написал рассказ о сказочных обитателях воздушного океана. Их якобы встретил пилот, поднявшись на неуклюжем, по-тогдашнему, самолете. Его окружили прозрачные, но могучие тела. Они походили на гигантских медуз со щупальцами осьминогов. Человек пал в неравной борьбе с ними. Об их существовании узнали из записной книжки летчика, найденной среди обломков рухнувшего самолета.

Теперь на стратостатах и самолетах люди поднимаются гораздо выше героя Конан-Дойля. Они убедились, что никаких воздушных чудовищ нет и быть не может. И все же люди продолжают ломать себе головы над загадками воздушного океана, над его таинственной географией.

Загадки воздушного океана! Для многих это прозвучит неожиданно. Что может быть загадочного в прозрачном воздухе?!

А тем не менее карты воздушного океана, какие рисуют метеорологи, немногим отличаются от фантастических карт земной поверхности в магеллановы времена.

Высочайшие вершины гор (Эверест — 8882 метра), под'емы стратостатов (22 километра), даже взлеты шаров-зондов (не выше 40 километров) — все это происходит на самом дне воздушного океана. Что же выше?

С высоты 60—70 километров доходит до нас свет сумерек. На этой же высоте вспыхивают крупные метеоры. Нежные перистые облачка, которые мы видим иногда в ясные ночи, пепельно сияют еще на высоте 80 километров.

В 100 или 150 километрах над нами вспыхивают бесчисленные мелкие падающие звезды. Совсем слабый голубоватый свет, последний вечерний свет, доходит до нас с высоты 200 километров.

А с 50 километров и выше—до 400—500, быть может, даже до тысячи — раскидываются радужные, лучистые дуги полярных сияний. Значит, там тоже есть «что-то»; правда, это бесконечно разреженное вещество трудно назвать воздухом.

Но что же там, на этой невообразимой высоте?

Сколько ни поднимался человек и его приборы, всюду оказывался тот же воздух, состоящий почти на четыре пятых из азота и на одну пятую из кислорода с небольшой примесью других газов (около одного процента аргона, три сотых процента углекислоты и еле уловимые следы водорода, неона, гелия, криптона и ксенона). При под'еме ввысь воздух только постепенно редел, а температура его падала. В высоких широтах уже на высоте 9 километров устанавливается мороз в 50 градусов. Под экватором область постоянных низких температур начинается, конечно, выше—километров с 17. Но зато температура в этой области там гораздо ниже — минус 90 градусов. Кто бы мог ожидать, что в Арктике теплее чем под тропиками!

За этим первым неожиданным фактом последовали другие.

Давно, во время войн и больших маневров, заметили, что звуки пушечной канонады разносятся очень странно. Еще за 100—150 километров они хорошо слышны. Дальше идет «зона тишины»: звуки исчезли, не слышно ничего. А затем, километров с 200 или больше, люди снова слышат отдаленный пушечный гул.

То же самое заметили во время больших взрывов на горных работах. Отзвуки сильного взрыва в Ла-Куртине донеслись до Парижа за 343 километра; посредине была «зона тишины». Похоже, будто звук летит как пушечное ядро, описывая высокую дугу или, может быть, зигзаг. Думают, что он может залетать до 40—50, самое большее 70 километров; а выше не только для человеческого уха, но и для самых чутких приборов наша земля должна казаться об'ятой бесконечной тишиной.

Звук подымается туда, куда сам человек подняться не в состоянии. И вот ученые заставили звуковые волны рассказать о том, что делается там, наверху.

По тому, как отражаются и преломляются звуковые волны, где и как скоро они снова попадают на землю, можно су-

дить о плотности верхних слоев воздуха и о его температуре.

Звуковые волны заработали как шары-зонды. Вот почему каждый гигантский взрыв (вроде тех, что были произведены, например, недавно у нас, в Подольске и на Урале) для метеорологов—настоящее путешествие в стратосферу.

Есть у них и другие разведчики, более быстрые и забирающиеся еще выше чем звук: радиоволны. Они рассказывают об электрических свойствах воздуха.

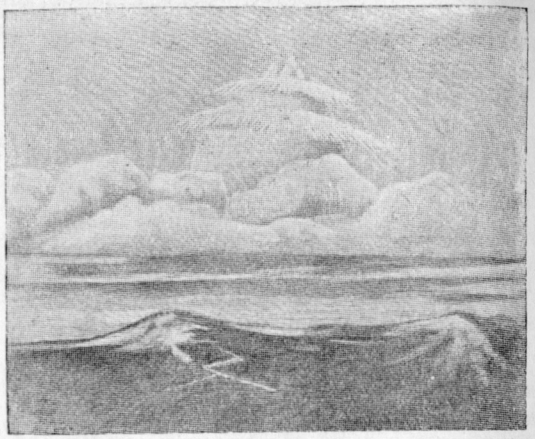
И вот, когда сопоставили все эти рассказы, получилась картина, которой не ожидал никто.

Оказалось, что на высоте 40—45 километров начинает теплеть. И еще километров на полтораста вверх тянется область настоящей летней жары, градусов в 30.

Все знают, что воздух — совсем плохой проводник электричества. Гигантским изолятором окружает он заряженные тела. Но в сотне километров над нами есть «слой Хивисайда», который проводит электричество как металл. Словно металлическая оболочка он окутывает землю. Как в океане, в этом слое идут настоящие «приливы» и «отливы». И по стрелкам приборов ученые отмечают «суточные колебания земного магнетизма».

А еще выше, где-то за 220 километров, начинаются, повидимому, совсем поразительные явления. Там висит второй электропроводный, «ионизированный слой». Именно сюда забираются волны радиостанций при передачах. Воздух там так редок, что человек, очутившийся на такой высоте, мгновенно бы истек кровью, как под колоколом воздушного насоса. И вот английский физик Эпплтон думает, что несмотря на это в летний полдень там, на трехсоткилометровой высоте, стоит температура доменной печи — 900 градусов выше нуля!

По мнению многих ученых, наш воздух



Одно из многочисленных необычайных явлений в воздушном океане: облако ввиде «оперенной» горы.

на высоте 100 километров почти целиком замещается водородом. Знаменитый геофизик Вегенер утверждал, что еще выше носится легчайший газ геокороний, такого не наблюдал ни один химик мира.

«Нет, — возражал другой ученый, Вегард,— воздух на больших высотах твердый. Он состоит из пыли замерзшего азота».

А по мнению третьих ученых, воздух везде примерно такой же (по составу), как и на земле. Известно лишь, что там, где загораются холодные и роскошные зарева полярных сияний, носятся мириады заряженных электричеством мельчайших частиц солнечного вещества, прилетевших к нам вместе с лучами.

Столько загадок таит в себе наш прозрачный и видимый насквозь воздух! Не даром метеоролог Гемфрис считает, что в точности мы узнаем жизнь великого океана, окружающего землю, только тогда, когда с метеорологических обсерваторий пошлют на ракетах приборы в верхние области атмосферы.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА СИМСА

НИКТО не подымался в воздух выше 22 с небольшим километров. А в твердую толщу земли никто не мог углубиться дальше чем на 2—3 километра. И под нашими ногами простирается гигантский мир, такой же таинственный, каким казался в дни Колумба туманный морской горизонт.

От нас до центра земли немного больше 6350 километров. Ближе чем от границы до границы Советского союза. Такое расстояние современные скоростные самолеты легко покрыли бы без посадки, вылетев на рассвете, к обеду.

Но ни пролететь, ни промчаться в экспрессе, ни спуститься в лифте, ни любым другим способом перенестись через эти шесть тысяч километров нельзя. Они

так же неприступны для человечества XX столетия, с его гордой техникой, покоряющей пространства, как путь с земли на луну.

И единственное путешествие в центр земли совершено пока героями Жюль Верна, чудаковатым дядей-геологом Отто Лиденброком и его отважным племянником Акселем. Они спустились по расселине в Исландии и в глубине земного шара нашли реки, озера и острова, населенные ихтиозаврами, птеродактилями и прочими, давным-давно вымершими существами.

Земля, полая, как шоколадная бомба,— какая странная фантазия! Как только она пришла в голову Жюль Верну?

Но дело в том, что Жюль Верн вовсе не выдумал ее. Великие географы и физики древности догадывались, что земля— шар. Но им казалось вполне естественным, что такой гигантский шар должен быть пустым внутри.

Мифы и поэты древней Греции поместили в этой подземной пустоте Аид, Гадес, или Тартар, печальное жилище душ умерших. Трехглавый пес Цербер охранял вход туда; и подземные реки — Стикс, Ахерон, Лета, Коцит и огненный Флегетон,— реки забвения, вздохов, слез и отчаяния, катили там свои мрачные воды.

Многие в те времена верили, что можно в самом деле найти входы в подземный Тартар. Говорили, что один из таких входов находится в Авернисском озере, в Италии. Ходили рассказы, что даже птица, летящая над его свинцовыми волнами, погибает, затянутая в бездну.

Около Неаполя есть провал, где пробивается из земли углекислота. Невидимым, тонким слоем разливается она на дне. Человек может безопасно спуститься туда. Но мелкие животные задыхаются в углекислоте. Этот провал поэтому прозвали «Собачьей пещерой».

И римские пастухи, бродившие некогда со стадами в окрестностях таинственного провала, думали, что собак убивают испарения, сочащиеся сквозь щели слишком тонкой крыши Аида...

Прошли сотни лет.

В XVII веке Атаназиус Кирхер написал по-латыни ученую книгу о «подземном мире» — «Mundus subterraneus». Он приложил к ней карту земли, разрезанной как яблоко. И на карте видны ходы, похожие на червоточины, пронизывающие насквозь земной шар. Свое яблоко-землю Кирхер представлял себе, очевидно, червивым. Ходы-червоточины, так утверждал он, бывают двух родов. Одни (Кирхер называл их пирофилациями) соединяют между собой огненные гнезда-очаги, разбросанные в разных местах внутри земли на кирхеровской карте, и по этим ходам движется раскаленная лава. А другие начинаются на дне океанов, и по их тоненьким трубкам переливается сквозь землю морская вода.

Во внутренность кирхеровской земли было, в сущности, не так трудно пробраться. Надо было разыскать брошенный, пустой ход, по которому больше не текут ни лава, ни вода.

Средневековые рукописи переполнены сообщениями о ходах, ведущих внутрь земли. Их видели любознательные путешественники. Иногда даже они — так уверяют рукописи — пробовали спускаться по этим ходам.

Один отправился с товарищем. Они шли очень долго, местами ползли. Факелы погасли. Внезапно пол исчез под их ногами. Рассказчик удержался на руках; товарищ сорвался. Были слышны крики, эхо подхватило и усилило их, потом все замерло. Стук падения даже не донесся. Засветив огонь, путешественник убедился, что он висит на краю круглого бездонного колодца...

Мы можем догадаться, что речь шла о провалах, или пещерах, вроде тех, какие мы знаем и сейчас.

Известно, что ходы Мамонтовой пещеры в Северной Америке образуют под землей запутанный лабиринт коридоров, зал, пышно украшенных отложениями солей, с озерами и речками — целый подземный город, «улицы» которого тянутся на 400 километров. Кунгурская пещера вблизи Перми идет на много десятков километров. Только недавно ее осмотрели всю. На Урале есть странные реки, внезапно исчезающие, будто всосанные почвой, и появляющиеся снова намного дальше: они текут под землей.

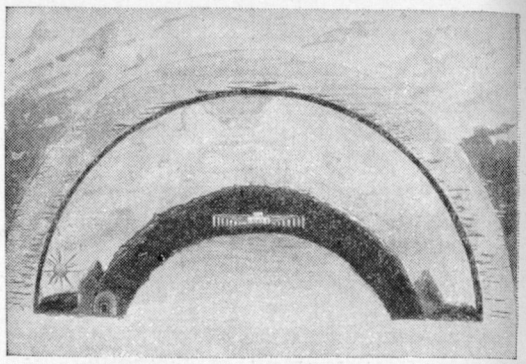
На северном берегу Адриатического моря высятся пустынные горы Карста. Они все проедены пещерами. Часто земля проваливается воронками. Бывало, что дома поглощались внезапно со всеми их обитателями. Страна висит будто на хрупком куполе. Под ней, в известковой почве, вода вымыла пустоты. Там текут, сливаясь, только изредка показываясь на по-

Гос. Публичная 5-ка

верхности земли, большие реки. Краску, которую бросали в расселины, находили потом в речной воде на десятки километров ниже.

Рассказывают, что в Англии, в Дербишайре, есть гигантский провал — «Эльдонский колодец», глубиной будто бы в 3 километра. А старые географы пишут, что бездна у Фридрихсгалля в Германии еще глубже: целых 8½ километров. Глубина «опрокинутого» Эвереста! Это узнали, говорят, бросая туда огромные камни. Надо было ждать больше минуты, пока доносился еле слышный грохот их падения.

Что же удивительного, что дядюшка и племянник у Жюль Верна решили попытать счастья и спуститься к центру земли по одному из таких провалов? Ученый дядюшка, наверное, читал кроме того, как в начале прошлого столетия некий капитан Симс в самом деле приглашал знаменитого ученого Гумбольдта и английского химика Гемфри Деви отправиться вместе с ним в подобное же путешествие. Капитан был хитер, его не так-то легко было поймать на слове: вход он собирался показать только вблизи Северного полюса, где в те времена, конечно, не бывал ни один человек, в том числе и сам храбрый капитан. Но зато он обещал проводить путешественников внутри земли



Так представляли себе устройство земли древние вавилоняне.

в роскошные леса, растущие на берегу подземного моря, полные подземных животных и ярко озаренные двумя подземными лунами — Плутоном и Прозерпиной.

Гемфри Деви всерьез обсуждал предложение капитана. Он мог бы, впрочем, сослаться и на мнение самого ученейшего Готлиба Авраама Вернера, которого называли «отцом геогностики и минералогии». Профессор Вернер также не верил во внутренний жар земли и проповедывал с кафедры Фрейбергской академии, что вулканы — только досадная случайность, и происходят они, например, от воспламенения угольных и серных пластов.

ОГНЕННЫЙ МИР

И ВСЕ-ТАКИ мало-помалу ученым пришлось отказаться от фантазии о холодной или пустотелой земле.

Конечно, снаружи земля совсем холодна. Там, где ее плохо обогревает солнце, она обрастает вечным льдом. И кажется, что сама по себе, без солнца, она не в состоянии растопить даже крошечной ледышки.

И все же этот холод земли обманчив.

В 1783 году великий химик Лавуазье поставил термометр в погребе парижской обсерватории. С тех пор он так и показывает одно и то же: 11,6 градуса тепла.

Термометр Лавуазье стоит там, где уже начинается слой постоянной температуры. Если рыть глубже, ртуть в термометре пойдет вверх. Она станет повышаться почти равномерно, по градусу через определенное количество метров. Словно лестница с гигантскими ступенями ведет к таинственному внутреннему жару, и, спустившись на каждую ступень, мы замечаем: стало теплее на градус. Не даром так и называются ступеньки нашей воображаемой лестницы геотермическими ступенями.

Они не везде одинаковы. Есть местности, где ступеньки коротки — чуть больше 11 метров — и подземное тепло растет стремительно. В других местах надо прорыть больше 100 метров, чтобы заметить повышение температуры на градус. Многие геологи считают, что в Америке земля холоднее чем в Старом свете и геотермическая ступень там по большей части длиннее.

Но чаще всего она равна 30 метрам с небольшим.

В глубоких шахтах и туннелях всегда так жарко, что люди работают голыми, об-

ливаясь потом, хотя бы на поверхности была жестокая стужа.

В Бразилии и в Южной Африке есть рудники глубиной около 2 километров. В Средней Европе, в местечке Чухове, есть скважина глубиной в 2221 метр. На ее дне 83½ градуса тепла. Глубже всего врылся в землю человек в Оклахоме, в Америке. Буровая скважина идет там на 3400 метров вглубь. И вода вскипает в ней как в котле.

Так люди нащупали под обманчивой, холодной поверхностью теплое тело земли. Иногда его жаркое дыханье вырывается и наружу. Есть ключи, бьющие кипятком. Облака пара окутывают кипящие озера Новой Зеландии и горячие фонтаны — гейзеры — в холодной Исландии. Во многих местах из расселин пробиваются раскаленные газы.

Казалось, в свои права вступает арифметика. Стоит только сосчитать, сколько геотермических ступенек имеет гигантская воображаемая лестница, спускающаяся к центру земли, чтобы сообразить, какой жар должен клокотать там, под тонкой наружной корой, как под слоем пепла!

Все, что ни есть внутри земли, должно расплавиться. Так родилось учение об огненно-жидкой внутренности земли. Вулканы, извергающие расплавленную лаву, как будто подтверждали его.

Некоторые ученые думали даже, что жар внутри земли настолько силен, что там не может быть и жидкости, а должен быть пар. Они представляли землю ввиде баллона, надутого раскаленным и сжатым под страшным давлением газом.

Ярым сторонником теории огненно-жидкого ядра был Александр Гумбольдт, тот самый, кого так неудачно выбрал себе в спутники капитан Симс. Гумбольдт верил в огненный океан, бушующий совсем не глубоко — в немногих тысячах метров под нашими ногами, сотрясающий шаткую, тонкую кору земли, пучащий ее пузырями, пронзающий огненными языками через жерла вулканов. Мы живем на крыше клокочущего котла — так прямо писал Гумбольдт.

Теория огненно-жидкого ядра держалась долго. Ее изучали во всех школах. Но постепенно и она стала колебаться. Начать с того, что никто не видел этих гигантских температур, которые ученые поместили в центр земли, как раньше помещали птеродактилей и леса ископаемых папоротников. Измерили жар лавы нескольких вулканов. Он оказался везде примерно одинаковым и совсем небольшим: у гавайского вулкана Килауэа — около 1185 градусов, у Везувия, в Италии, — 1180 градусов, у Стромболи, на Липарских островах,— 1150 градусов.

Затем математики вычислили, что если бы центр земли накалить до 8 тысяч градусов (а не то что до 20 тысяч градусов, как думали многие сторонники «огненно-жидкой» теории!), то никакая твердая оболочка не выдержала бы страшного расширения веществ земного ядра и «баллон» земли мгновенно бы взорвался: его разнесло бы на миллион кусков.

Но если не огненная жидкость, не газ,— так что же там, внутри?

ГОНЦЫ ПРИБЫЛИ

В ГЛУБОКОМ подвале стоят странные, огромные неуклюжие приспособления. Прочный металлический столб; тяжелый груз, многопудовая гиря, висящая на длинной проволоке, как маятник, или укрепленная, подобно молоту, на горизонтальном стержне. Это сейсмографы, вечно бодрствующие приборы. Неповоротливая с виду гиря, которую мы сравнили с молотом и маятником (она так и называется маятником), — на самом деле изумительное по чуткости «ухо» этих приборов.

Сейсмографы слушают землю.

Их бодрствование выдает только тиканье часового механизма, медленно разматывающего с барабана ленту бумаги под маятником.

И самопишущий прибор чертит на бумаге прямую линию: «ухо» сейсмографа не слышит ничего. Но что же ему и услышать в этом глубоком колодце, куда не доносится даже шум трамваев и автомобилей, где все немо и неподвижно, как сами земные пласты?

Тишина. Еле уловимое тиканье. Но что-то произошло. Какая-то дрожь прошла по маятнику. На бумажной ленте — зигзаги. Так пишут маленькие дети, еще не знаю-

щие букв. Зигзаги стихли. Проходят четыре, пять, десять минут. И снова заговорила земля. На этот раз зигзаги больше, размашистей. Толпа сильных, частых, но все же неуловимых для человека волн пронеслась по земной толще.

Тишина. Почти ровная линия. Но ученый ждет у прибора. И вот как последний, запоздавший отзвук — снова зигзаги, медленные, пологие, стихающие, похожие на мертвую зыбь в океане.

Ученый читает сейсмограмму.

Где-то произошло землетрясение. Тройное сотрясение земли, три отряда волн-гонцов донеслись оттуда. Но почему же у каждого из них свой почерк в записи-сейсмограмме? Если бы случилось три землетрясения, три подземных удара, то зигзаги были бы сильнее или слабее, но все-таки все они походили бы друг на друга. А ведь этого и нет; их несколько сортов — и все разные. Нет, сейсмограмма говорит не о нескольких ударах, но о тройном изображении одного и того же удара. Значит, гонцы вышли в одно время? Почему же они разделились на несколько отрядов и одни опередили других?

Очевидно, они шли разными дорогами.

Десятки сейсмологических обсерваторий много лет изучают почерки гонцов. Стали известны все их повадки. Узнали, какими дорогами они бегут. Посмотрев сейсмограммы, ученый сейчас может сказать, где произошло землетрясение и какой оно было силы.

Сотрясения от страшного подземного удара разбегаются во все стороны по толще земли. Прямо вниз — к центру земли, косо — по наклонным линиям, в стороны, — кругами расходясь по поверхности, отскакивая от нее, «ныряя» в землю и снова появляясь: так движется прыжками резиновый мячик.

Наш первый отряд гонцов — это те, что прошли самой короткой дорогой — сквозь землю напрямик. И если землетрясение случилось в Америке, — значит, они прибыли к нам прямо через центр земли. А последними добегают волны — кругосветные странники, огибавшие землю по поверхности: их путь длиннее всего.

Рассчитать скорость гонцов землетрясения, если известно, когда они вышли, как шли и когда пришли, — не такая уж сложная математика. Эти расчеты сделаны давно: скорость разных волн землетрясения — от 3 до 10 километров в секунду.

Ученые настолько хорошо изучили их «привычки», что сразу замечают малейшие отклонения в их знакомом беге, как хороший пилот — перебои в моторе. Вот эти пришли скорее, чем надо. Что такое? В чем дело? А эти опоздали. Удивительная вещь! Значит, должно быть что-то, замедлившее их бег!

Особенно внимательно выслушивают ученые гонцов, прошедших сквозь земные глубины. Ведь это единственные путешественники, побывавшие в центре земли! Неужели нельзя допросить их? Они не умеют говорить, но зато они умеют писать!

Неужели ничего нельзя прочесть в их рапортах-сейсмограммах?

ГОНЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ

ГЕОФИЗИКИ разобрали язык сейсмограмм. Они заметили прежде всего, что у вестников, пересекающих землю, какое-то особое прерывистое «дыхание». Ни один гонец не пробежал насквозь землю без «перебоев» в беге.

Проскочив первые 60 километров, они начинают равномерно набирать скорость. На глубине 400 километров — первая легкая заминка. Дальше снова все гладко — до глубины 1200 километров. Быстрые продольные волны успевают разогнаться тут с 8 до 12 километров в секунду.

И вот — снова заминка. Собственно, это еще не заминка. Целые 1500 километров еще пробегут они, но бега почти уже не ускорят. Быть может, какой-нибудь лишний километр в секунду прибавится на все эти 1500 километров. А на предыдущих 1200 километров прибавилось целых 4! Что же означает это? Очевидно, постепенно, мало заметно, но все же слоями меняется вещество земли.

До этих страшных глубин — 2900 километров (1200 + 1500) — земля похожа на слоеный пирог.

Но вот там, на этом рубеже 2900 километров, происходит самое неожиданное. Гонцы, побывавшие там, всегда сильно за-

паздывают. Нечто словно задерживает, подсекает их бег. Кажется, они ударились о стену.

Там, на глубине 2900 километров, начинается некий страшно плотный, невероятно твердый исполинский шар, поперечником почти в 7 тысяч километров!

Вот какие вести принесли волны-гонцы.

Ученые проверили их рассказ наблюдениями над силой тяжести, вулканами, строением материков и дна морей. Геологи и географы сравнили рассказ гонцов со своими картами, где изображены вековые смещения суши и океанов; математики и астрономы еще раз проделали сложные расчеты движения земли в мировом пространстве. И оказалось, что все эти косвенные данные подтверждают рассказ гонцов. Мало этого: кое-что удалось узнать о «слоеном пироге» земли.

Если бы можно было прорыть шахту глубиной в 60—100 километров, то там нашли бы, под материками и морями, вязкую, может быть, расплавленную массу. По привычке некоторые ученые зовут этот слой «пиросферой» — поясом огня. Но раскаленная масса залегает в нем, быть может, только очагами. И никто не может сказать, насколько глубоко она идет.

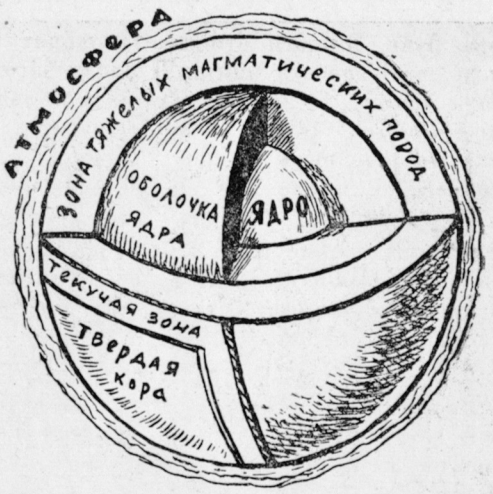
Сначала тянутся вещества каменной оболочки земли. Но чем глубже, тем меньше камня и больше шлаков. Ржавые руды, окалина, соединения магния и серы — и снова шлаки, руда, окалина, как во дворе доменного цеха: мы близко к гигантскому ядру планеты.

Оно начинается резкой границей. Страшное, невообразимое давление сжимает его. Каждый квадратный сантиметр выдерживает груз в 3 миллиона килограммов — вес товарного поезда. Человек там был бы мгновенно расплющен, стерт в порошок под тяжестью 10 тысяч товарных составов, стоймя поставленных на его тело.

При этом страшном давлении в ядре не может быть никаких жидкостей, отдельных частиц или крупинок вещества. Ни кристаллика, ни зернышка. Слитная, сплошная масса ядра больше всего напоминает стекло.

Если бы сказочный великан вздумал сплюснуть земной шар, он убедился бы, что земля, в общем, тверже стали.

Быть может, там, в недрах земли, даже несколько «прохладнее» чем в поясе огня — пиросфере; быть может, одинаково жарко или немного жарче. Вернее всего (так думает большинство ученых), что температура в земном ядре 2—3 тысячи градусов и, во всяком случае, не выше 5 тысяч.



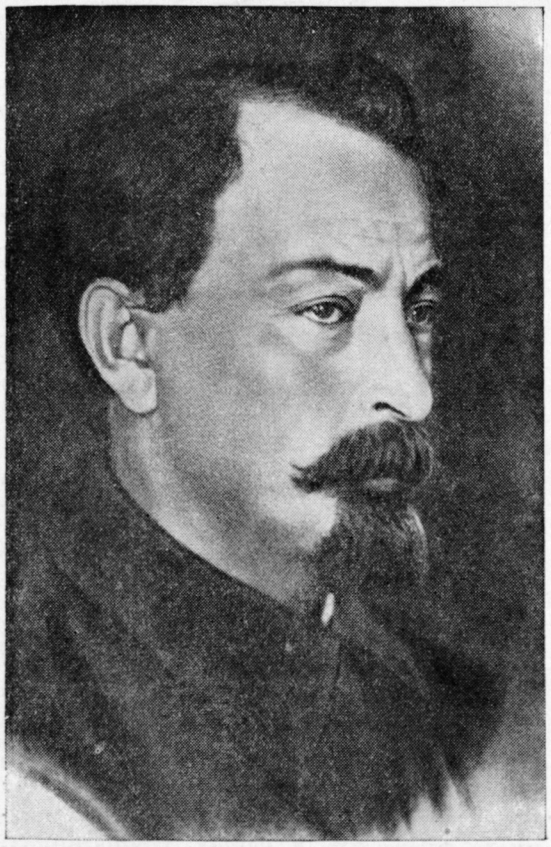
Так представляет себе устройство земли современная наука.

Такой жар мы не только можем себе представить, но и повторить и даже намного превысить в наших лабораториях. Большая вольтова дуга дает температуры до 7½ тысяч градусов, то есть в 1½, а то и в 2—3 раза больше теплоты земного ядра!

Путешествие к центру земли современной науки на этом не закончилось. Ученые познакомились с «отапливающими» землю радиоактивными веществами, поддерживающими подземный жар. Астрономы, изучая солнце, помогли геологам понять устройство «слоеного пирога» земли, а геологи, изучая землю, в свою очередь помогли астрономам подробнее узнать, что происходит на солнце. Была раскрыта и загадка таинственного вещества ядра, и даже нашли кусок его. А изучение земного ядра помогло одному химику придумать об'яснение, как возникла на земле жизнь.

Но обо всем сразу не расскажешь.

Мы живем внутри нашей планеты. Над нами — таинственный газовый океан, под нами — области глубин. Но все дальше и дальше проникают ученые-путешественники в это двойное белое пятно, обступившее нас. Нет, далеко не закончилась эра великих открытий на земле!



Первый председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем — Феликс Эдмундович Дзержинский.

Народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности Николай Иванович Ежов.

Славная советская разведка

20 декабря 1917 года происходило заседание Совета народных комиссаров. Это было время, когда молодой Советской стране контрреволюция готовилась нанести смертельные удары.

Офицерские организации, эсеры, меньшевики получали деньги и оружие от иностранных дипломатов, готовили восстания против советской власти, готовили убийство Ленина.

Нужно было охранять революцию. Нужно было создать органы для защиты от тайных козней капиталистов. Ленин записывает на заседании:

«Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее...»

Ленин задумывается над тем, кому доверить этот «обнаженный меч пролетариата», как назвал Чека товарищ Сталин.

«Сюда надо найти хорошего якобинца»,— говорит Ленин.

Якобинцами называли революционеров, которые во время французской революции 1789 года беспощадно боролись с врагами революции.

«Дзержинского», — отвечают Ленину со всех сторон.

Во главе ВЧК партия и правительство поставили одного из лучших большевиков, бесстрашного рыцаря революции Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Под руководством Дзержинского ВЧК становится грозой буржуазии. ВЧК раскрывает один за другим заговоры английских

разведчиков, французских шпионов, немецкой и польской разведок, обезвреживает белогвардейские организации.

Без замечательной работы ВЧК Советская страна не победила бы на фронтах гражданской войны. Благодаря раскрытию заговоров, аресту шпионов, диверсантов и белогвардейцев ВЧК спасла сотни тысяч жизней рабочих и красноармейцев, спасла от уничтожения много заводов и железных дорог.

Советский народ высоко ценил работу ВЧК и помогал ей.

Во время наступления Юденича на Петроград был такой случай. В Петрограде действовала важная шпионская организация. Однажды дочь одного шпиона потеряла на улице сверток с военными картами и сводками. Случайно мимо проходил красноармеец и поднял сверток. Увидев в свертке военные документы, красноармеец задержал девушку и отвел ее в ЧК. Так был раскрыт заговор, участники которого чуть было не открыли белым ворота красного Питера.

— Вы меня поймали только благодаря случайности, — нагло заявил шпион на допросе.

— Ошибаетесь, — ответил ему Дзержинский. — Если бы масса нас не поддерживала, если бы каждый рабочий, каждый красноармеец не сознавал, что раскрытие заговора — это дело не только ЧК, но всех трудящихся, тогда то обстоятельство, что ваша дочь уронила сверток, не привело бы к раскрытию заговора. Ваша дочь случайно уронила сверток, но красноармеец не случайно заинтересовался им, не случайно обеспокоился и не случайно арестовал ее. Сила ЧК именно в том, что это не случайно...

Геройская жизнь первого чекиста Дзержинского оборвалась в 1926 году. Он умер от разрыва сердца после того, как на Пленуме ЦК в горячей большевистской речи разгромил предателей революции, будущих фашистских псов — Троцкого, Каменева, Зиновьева. Своим верным, чекистским чутьем Дзержинский узнал в них врагов и заклеймил их именем предателей.

После окончания гражданской войны ВЧК, реорганизованная затем в ОГПУ, ни на минуту не слагала своего грозного оружия. Наша страна окружена капиталистическими странами, и оттуда к нам ежедневно засылались и засылаются шпионы и диверсанты. Враги пытались взорвать наше хозяйство, уничтожить наши заводы, новостройки, заставить страну голодать.

ГПУ раскрыло одну за другой вредительские организации, которыми руководили бежавшие заграницу русские капиталисты, одного за другим вылавливало шпионов и диверсантов, приезжавших в СССР под видом инженеров и рабочих.

Интервенты решают в 1930 — 1931 годах напасть на СССР. Но зоркая работа советской разведки сорвала их планы, уничтожила их посланцев и помощников.

В 1936 году во главе советской разведки партия ставит сталинского питомца народного комиссара внутренних дел Николая Ивановича Ежова. Под его руководством НКВД разоблачает и обезвреживает гнезда самых остервенелых врагов советского народа, лакеев фашистских разведок—троцкистско-зиновьевских и бухаринских бандитов и шпионов.

Гнусные изменники родины убили замечательного большевика Кирова, убивали рабочих, красноармейцев, продавали военные тайны фашистским разведкам, взрывали заводы и шахты, мечтали восстановить в СССР капиталистические порядки и эксплоатировать советский народ.

Славная советская разведка обезвредила этих фашистских выродков.

Советская разведка непобедима. Она уничтожает всех врагов народа, где бы они ни скрывались. Она непобедима потому, что ею руководит партия Ленина — Сталина, потому что ей помогает весь советский народ — от красноармейцев и до пионеров.

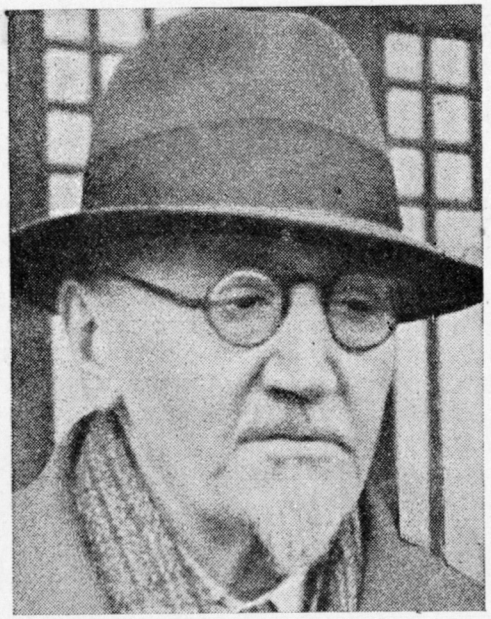
Чем больше наши успехи, тем упорнее наши враги делают попытки проникнуть в СССР, навредить нам. Но советская разведка вместе с непобедимой Красной армией зорко охраняет мир и свободный труд нашей великой родины.

Советское правительство наградило тов. Ежова за блестящее выполнение правительственных заданий орденом Ленина.

Принимая этот орден, тов. Ежов сказал:

— Мы клянемся нашему народу, нашей партии и правительству, клянемся нашему вождю товарищу Сталину, что не опозорим славного имени наркомвнудельцев-большевиков.

А. И. Куприн



Куприн создавал свои книги в ту пору, когда в России писали не только Лев Толстой, Антон Чехов и Максим Горький, но и литераторы, именовавшие себя «декадентами», сочинявшие натужные и непонятные вещи и любящие только самих себя. Считая себя творцами высокого искусства, они презирали всех, кто простыми и ясными словами писал о русской жизни и русских людях. Куприна они называли газетчиком и пророчили ему глухую безвестность.

Они ошиблись. Сочинения декадентов забылись, а книги Куприна остались жить.

Незадолго до своей смерти Горький, вспоминая как-то о Куприне, назвал его так:

— Естествоиспытатель.

И в самом деле, Куприн был своего рода естествоиспытателем. Он наблюдал жизнь не издали, холодно и осторожно, а «испытывал» ее, жадно погружался в нее, стремился на собственном опыте познать все то, что выпадает на долю людям. Надолго отрывался Куприн от письменного стола ради этого испытания жизни: скитался вместе с бродячими актерами, уплывал в море на рыбацких шаландах, пробирался по болотам с охотниками, пропадал за кулисами цирка.

«Ему знакомы мельчайшие бытовые черты из жизни офицеров, чиновников, солдат, докторов, землемеров, моряков; он знает самые сложные подробности сотен профессий и ремесел; ему известны все тонкости любого спорта...»

Так писал Куприн о Киплинге, и эти слова отлично характеризуют и Куприна: немногие среди писателей — современников Куприна — обладали такими же обширными знаниями, почерпнутыми не из книг, а из самой гущи живой жизни. Куприн описывал казармы, театры, городские трущобы, матросские кубрики, лесные сторожки так непосредственно, правдиво и естественно, что каждый раз читателю казалось, будто перед ним не вымысел писателя, а рассказ какого-нибудь безвестного офицера или актера, босяка или матроса, сторожа или атлета.

Когда зарождалась какая-нибудь новая профессия, появлялись люди нового труда, Куприн спешил их изучить. Рассказывая об Уточкине — об одном из первых русских воздухоплавателей,— Куприн писал:

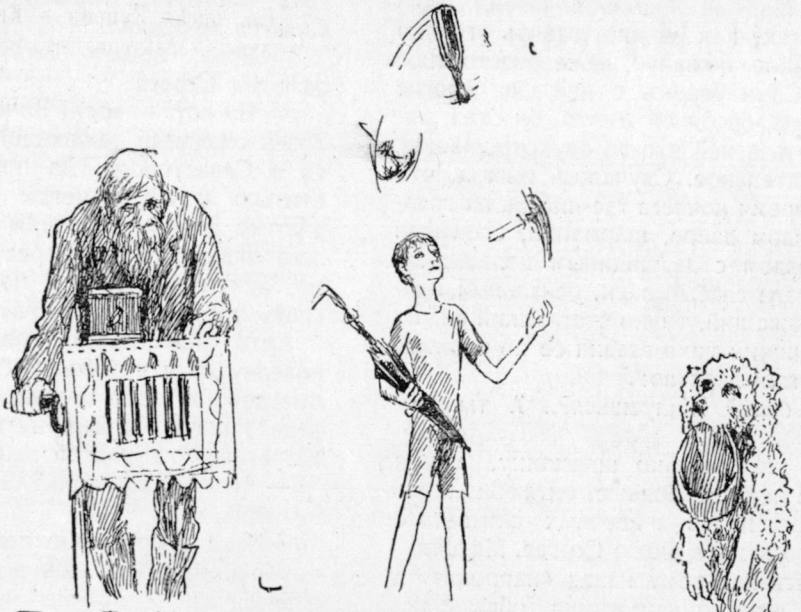
«Уточкин висит уже под самым шаром, на канате и на каком-то совершенно непонятном для меня, специальном языке отдает последние распоряжения». Непонятный для Куприна, специальный язык — это была редкость. И Куприн постарался заполнить пробел в своих знаниях: он сел в гондолу аэростата и полетел вместе с Уточкиным наблюдать людей в воздухе, как наблюдал он их на море, в лесной глуши, в закоулках портов, в казармах провинциальных городков, в столицах — во множестве углов обширной страны.

Куприн не был писателем-борцом, он полагал, что достаточно любить жизнь и интересно рассказывать о ней. Но он видел, как царизм принижает, уродует и оскверняет жизнь, которую так ненасытно любил Куприн. И потому многие произведения Куприна явились обвинением по адресу царского режима, всего строя дореволюционной русской жизни. С силой большого писателя-реалиста нарисовал Куприн в своей замечательной повести «Поединок» быт в царской армии, нарисовал правдиво и мужественно. И эта правда об офицерстве, о полузверском быте тех, кто командовал над сотнями тысяч простых русских людей, прозвучала смело и беспощадно.

После Октябрьской революции Куприн покинул Россию. Понадобились годы, чтобы Куприн понял: место его не там, среди эмигрантов, а здесь — в СССР. Поняв это, Куприн предпочел вычеркнуть из своей жизни 20 прожитых в эмиграции лет, чем вычеркнуть из своей жизни родину.

Он вернулся. На старой своей родине он увидел новых людей, новые города, новый пейзаж, новые человеческие чувства. И старый человек, он убедился, что эта страна ему незнакома, но ей все же знаком он, автор «Поединка»,— русский писатель Куприн.

А. Роскин



Белый пудель

А. Куприн

Рис. П. Митурича

Узкими горными тропинками, от одного дачного поселка до другого, пробиралась вдоль Южного берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди, обыкновенно, бежал, свесив на бок длинный розовый язык, белый пудель Арто, остриженный наподобие льва. У перекрестков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то, ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперед. За собакой шел двенадцатилетний мальчик Сергей, который держал под левым локтем свернутый ковер для акробатических упражнений, а в правой нес тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец, сзади плелся старший член труппы — дедушка Мартын Лодыжкин с шарманкой на скрюченной спине.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлем и перенесшая на своем веку не один десяток починок. Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Лаунера и галоп из «Путешествия в Китай», — обе бывшие в моде лет 30—40 тому назад, но теперь всеми позабытые. Кроме того были в шарманке две предательские трубы. У одной, дискантовой, пропал голос: она совсем не играла, и поэтому, когда до нее доходила очередь, то вся музыка начинала как бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкий звук, не сразу открывался клапан: раз загудев, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другие звуки, до тех пор, пока ей вдруг не приходило желание замолчать. Дедушка сам сознавал эти недостатки своей машины и иногда замечал шутливо, но с оттенком тайной грусти:

— Что поделаешь?.. Древний орган... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, — говорят, — гадость какая!» А ведь пьесы были очень хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают. Им сейчас «Гейшу» подавай, «Под двуглавым орлом», из «Продавца птиц» — вальс. Опять-таки трубы эти... Носил я орган к мастеру — и чинить не берется. «Надо, — говорит, — новые трубы ставить, а лучше всего, — говорит, — продай ты свою кислую дребедень в музей... вроде как какой-нибудь памятник...» Ну, да уж ладно! Кормила она нас с тобой, Сергей, до сих пор, бог даст, и еще покормит.

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись с ней за многие годы тяжелой, бродячей жизни, он стал, наконец, видеть в ней что-то одухотворенное, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега где-нибудь на грязном постоялом дворе, шарманка, стоявшая на полу, рядом с дедушкиным изголовьем, вдруг издавала слабый звук, печальный, одинокий и дрожащий, точно старческий вздох. Тогда Лодыжкин тихо гладил ее по резному боку и шептал ласково:

— Что, брат? Жалуешься?.. А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, может быть, даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скитаниях: пуделя Арто и маленького Сергея. Мальчика он взял пять лет тому назад «напрокат» у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись ему за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник вскоре умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душой и мелкими житейскими интересами.

II

Тропинка шла вдоль высокого прибрежного обрыва, извиваясь в тени столетних маслин. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя в даль, оно в то же время подымается вверх спокойной, могучей стеной, и цвет его был еще синее, еще гуще в узорчатых прорезах, среди серебристо-зеленой листвы. В траве, в кустах кизиля и дикого шиповника, в виноградниках и на деревьях — повсюду заливались цикады; воздух дрожал от их звенящего, однообразного, неумолчного крика. День выдался знойный, безветренный, и накалившаяся земля жгла подошвы ног.

Сергей, шедший по обыкновению впереди дедушки, остановился и ждал, пока старик не поровняется с ним.

— Ты что, Сережа? — спросил шарманщик.

— Жара, дедушка Лодыжкин... нет никакого терпенья! Искупаться бы...

Старик на ходу привычным движением плеча поправил на спине шарманку и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря. — Только ведь после купанья еще больше разморит. Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует... значит, мол, расслабляет... Соль-то морская...

— Врал, может быть? — с сомнением заметил Сергей.

— Ну вот — врал! Зачем ему врать? Человек солидный, непьющий... домишко у него в Севастополе. Да потом здесь и спуститься к морю негде. Подожди, дойдем ужотко до Мисхора, там и пополощем телеса свои грешные. Перед обедом оно лестно, искупаться-то... а потом, значит, поспать трошки... и отличное дело...

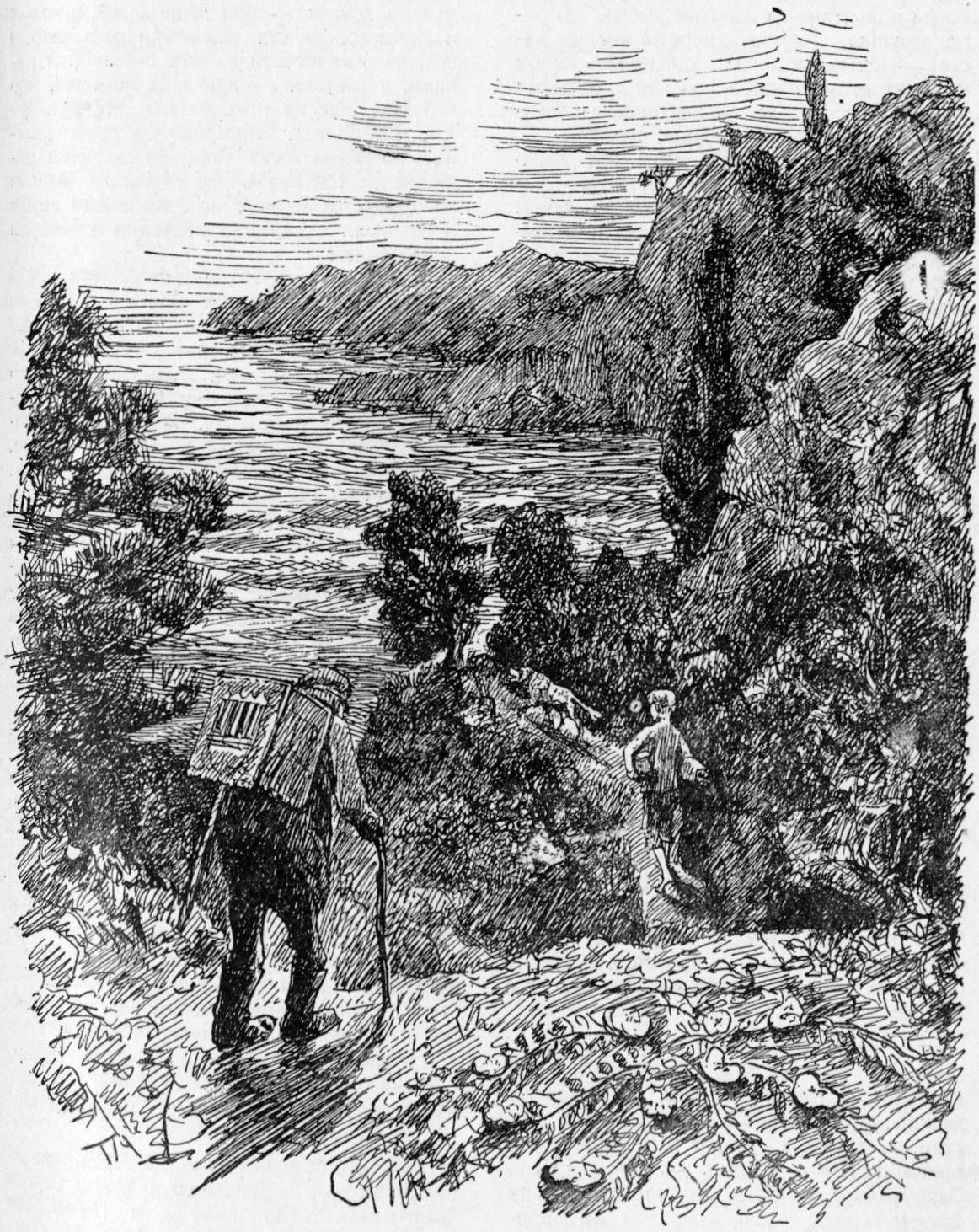
Арто, услышавший сзади себя разговор, повернулся и подбежал к людям. Его голубые добрые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания.

— Что, брат песик? Тепло? — спросил дедушка.

Собака напряженно зевнула, завив язык трубочкой, затряслась всем телом и тонко взвизгнула.

— Н-да, братец ты мой, ничего не поделаешь... Сказано: в поте лица твоего, — продолжал наставительно Лодыжкин. — Положим, у тебя, примерно сказать, не лицо, а морда, а все-таки... Ну пошел, пошел вперед, нечего под ногами вертеться... А я, Сережа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орган вот только мешает, а то, кабы не работа, лег бы где-нибудь на траве, в тени, пузом, значит, вверх, и полеживай себе. Для наших старых костей это самое солнце—первая вещь.

Тропинка спустилась вниз, соединившись с широкой, твердой, как камень, ослепительно-белой дорогой. Здесь начинался старинный графский парк, в густой зелени которого были разбросаны красивые дачи, цветники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкин хорошо знал эти места: каждый год обходил он их одно за другим во время виноградного сезона, когда весь Крым наполняется нарядной, богатой и веселой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые. Магнолии, с их твердыми и блестящими, точно лакированными листьями и белыми, с большую тарелку величиной цветами; беседки, сплошь затканные виноградом, свесившим вниз тяжелые гроздья; огромные, многовековые платаны с их светлой корой и могучими кронами; табачные плантации, ручьи и водопады, и повсюду — на клумбах, на изгородях, на стенах дач — яркие, великолепные душистые розы — все это не переставало поражать своей живой, цветущей пре-



Узкими горными тропинками, от одного дачного поселка до другого, пробиралась маленькая бродячая труппа.

лестью наивную душу мальчика. Он высказывал свои восторги вслух, ежеминутно теребя старика за рукав.

— Дедушка Лодыжкин, а дедушка, глянько-сь, в фонтане-то золотые рыбы!.. Ей богу, дедушка, золотые, умереть мне на месте! — кричал мальчик, прижимаясь лицом к решотке, огораживающей сад с большим бассейном посредине. — Дедушка, а персики! Вона сколько! На одном дереве!

— Иди, иди, дурашка, чего рот разинул! — подталкивал его шутливо старик. — Погоди, вот дойдем мы до города Новороссийского и, значит, опять подадимся на юг. Там, действительно, места — есть на что посмотреть. Сейчас, примерно сказать, пойдут тебе Сочи, Адлер, Туапсе, а там, братец ты мой, — Сухум, Батум... Глаза раскосишь глядемши... Скажем, примерно, — пальма. Удивление! Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору.

— Ей богу? — радостно удивился Сергей.

— Постой, сам увидишь. Да мало ли там чего? Апельцын, например, или хоть, скажем, тот же лимон... Видал, небось, в лавочке?

— Ну?

— Просто так себе и растет в воздухе. Без ничего, прямо на дереве, как у нас, значит, яблоко или груша... И народ там, братец, совсем диковинный: турки, персюки, черкесы разные, все в халатах и с кинжалами... Отчаянный народишко! И то бывают там, братец, эфиопы. Я их в Батуме много раз видел.

— Эфиопы? Знаю. Это которые с рогами, — уверенно сказал Сергей.

— Рогов, положим, у них нет, это враки. Но черные, как сапог, и даже блестят. Губищи у них красные, толстенные, а глазищи белые, а волосы курчавые, как на черном баране.

— Страшные, поди... эфиопы-то эти?

— Как тебе сказать? С непривычки оно точно... опасаешься немного, ну а потом видишь, что другие люди не боятся, и сам станешь посмелее... Много там, братец мой, всякой всячины. Придем — сам увидишь. Одно только плохо — лихорадка. Потому кругом болота, гниль, а притом же жарища. Тамошним-то жителям ничего, не действует на них, а пришлому человеку приходится плохо. Одначе будет нам с тобой, Сергей, языками трепать. Лезь-ка в калитку. На этой даче господа живут очень хорошие... Ты меня спроси: уж я все знаю!

Но день выдался для них неудачный. Из одних мест их прогоняли, едва завидев издали, в других — при первых же хриплых и гнусавых звуках шарманки досадливо и нетерпеливо махали на них с балконов руками, в третьих — прислуга заявляла, что «господа еще не приехамши». На двух дачах им, правда, заплатили за представление, но очень мало. Впрочем, дедушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя из ограды на дорогу, он с довольным видом побрякивал в кармане медяками и говорил добродушно:

— Две да пять итого семь копеек... Что ж, брат Сереженька, и это деньги. Семь раз по семи — вот он и полтинник набежал, значит, все мы трое сыты, и ночлег у нас есть, и старичку Лодыжкину по его слабости можно рюмочку пропустить, недугов многих ради... Эх, не понимают этого господа! Двугривенный дать ему жалко, а пятачок стыдно... ну и велят идти прочь. А ты лучше дай хошь три копейки... Я ведь не обижаюсь, я ничего... зачем обижаться?

Вообще Лодыжкин был скромного нрава и, даже когда его гнали, не роптал. Но сегодня и его вывела из обычного благодушного спокойствия одна красивая, полная, с виду очень добрая дама, владелица прекрасной дачи, окруженной садом с цветами. Она внимательно слушала музыку, еще внимательнее глядела на акробатические упражнения Сергея и на смешные «штучки» Арто, после этого долго и подробно расспрашивала мальчика о том, сколько ему лет и как его зовут, где он выучился гимнастике, кем ему приходится старик, чем занимались его родители и т. д., потом приказала подождать и ушла в комнаты.

Она не появлялась минут десять, а то и четверть часа, и чем дальше тянулось время, тем более разрастались у артистов неопределенные, но заманчивые надежды. Дедушка даже шепнул мальчугану, прикрыв из осторожности рот ладонью, как щитком:

— Ну, Сергей, счастье наше, ты только слушай меня: я, брат, все знаю. Может быть, из платья что-нибудь даст или из обуви. Это уж верно!..

Наконец, барыня вышла на балкон, швырнула сверху в подставленную шляпу Сергея маленькую белую монетку и тотчас же скрылась. Монета оказалась старым, стертым с обеих сторон и вдобавок дырявым гривенником. Дедушка долго с недоумением рассматривал ее. Он уже вышел на дорогу

и отошел далеко от дачи, но все еще держал гривенник на ладони, как будто взвешивая его.

— Н-да-а... Ловко! — произнес он, внезапно остановившись. — Могу сказать... А мы-то, три дурня, старались. Уж лучше бы она хоть пуговицу дала, что ли. Ту, по крайности, куда-нибудь пришить можно. А что я с этой дрянью буду делать? Барыня, небось, думает: все равно старик кому-нибудь ее ночью спустит, потихоньку, значит. Нет-с, очень ошибаетесь, сударыня. Старик Лодыжкин такой гадостью заниматься не станет. Да-с! Вот вам ваш драгоценный гривенник! Вот!

И он с негодованием и с гордостью бросил монету, которая, слабо звякнув, зарылась в белую дорожную пыль.

Таким образом, старик с мальчиком и с собакой обошли весь дачный поселок и уж собирались сойти к морю. По левую сторону оставалась еще одна, последняя дача. Ее не было видно из-за высокой белой стены, над которой с той стороны возвышался плотный строй тонких запыленных кипарисов, похожих на длинные черно-серые веретена. Только сквозь широкие чугунные ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно зеленый яркий шолк, газона, округлые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею, всю обвитую густым виноградом. Посредине газона стоял садовник, поливавший из длинного рукава розы. Он прикрыл пальцем отверстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги.

Дедушка собирался было пройти мимо, но, заглянув в ворота, остановился в недоумении.

— Подожди-ка малость, Сергей!—окликнул он мальчика.— Никак, там люди шевелятся? Вот так история! Сколько лет здесь хожу — и никогда ни души. А ну-ка, вали, брат Сергей!

— «Дача «Дружба». Посторонним вход строго воспрещается», — прочитал Сергей надпись, искусно выбитую на одном из столбов, поддерживавших ворота.

— Дружба?.. — переспросил неграмотный дедушка. — Во-во! Это самое настоящее слово — дружба. Весь день у нас заколодило, а уж тут мы с тобой возьмем. Это я носом чую, на манер как охотничий пес. Арто, иси, собачий сын. Вали смело, Сережа. Ты меня всегда спрашивай: уж я все знаю!

III

Дорожки сада были усыпаны ровным крупным гравием, хрустевшим под ногами, а с боков обставлены большими розовыми раковинами. На клумбах, над пестрым ковром из разноцветных трав, возвышались диковинные, яркие цветы, от которых сладко благоухал воздух. В фонтанах журчала и плескалась прозрачная вода; из красивых ваз, висевших в воздухе между деревьями, спускались гирляндами вниз вьющиеся растения, а перед домом, на мраморных столбах, стояли два блестящие зеркальные шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами, в смешном, изогнутом и растянутом виде.

Перед балконом была большая утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку на палке, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми или десяти. Он был в легком матросском костюмчике, с обнаженными руками и голыми коленками. Белокурые волосы, все в крупных локонах, растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало еще шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей во фраке, без усов и без бороды, но с длинными седыми бакенбардами; сухопарая рыжая красноносая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте и, наконец, толстый лысый господин в чесучовой паре и в золотых очках. Все они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали друг друга. Сразу можно было догадаться, что причиной их беспокойства является мальчик в матросском костюме, так внезапно вылетевший на террасу.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился животом на каменный пол, быстро перекатился на спину и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны. Взрослые засуетились вокруг него. Старый лакей во фраке прижимал с умоляющим видом обе руки к накрахмаленной рубашке, тряс своими длинными бакенбардами и говорил жалобно:

— Батюшка барин!.. Николай Аполлонович!.. Не извольте огорчать маменьку-с — встаньте... Будьте столь добренькие — выкушайте-с. Микстурка очень сладенькая, один суроп-с. Извольте подняться...

Женщины в фартуках всплескивали руками и щебетали скоро-скоро, подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала с трагическими жестами что-то очень трогательное, но совершенно непонятное, очевидно, на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках; при этом он наклонял голову то на один, то на другой бок и степенно разводил руками. А красивая болезненная дама томно стонала, прижимая тонкий кружевной платок к глазам.

— Ах, Трилли, ах, боже мой!.. Ангел мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляет. Ну прими же, прими лекарство; увидишь, тебе сразу-сразу станет легче: и животик пройдет и головка. Ну сделай это для меня, моя радость! Ну хочешь, Трилли, мама станет перед тобой на колени? Ну вот, смотри, я на коленях перед тобой. Хочешь, я тебе подарю золотой? Два золотых? Пять золотых, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, доктор!..

— Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, — загудел толстый господин в очках.

— Ай-яй-яй-я-а-а-а! — вопил мальчик, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на свое крайнее волнение, он все-таки норовил попадать каблуком в животы и в ноги возившихся вокруг него людей, которые от этого, впрочем, довольно ловко уклонялись.

Сергей, долго глядевший с любопытством и удивлением на эту сцену, тихонько толкнул старика в бок.

— Дедушка Лодыжкин, что же это такое с ним? — спросил он шопотом. — Никак, драть его будут?

— Ну вот, драть... Такой сам всякого посекет. Просто — блажной мальчишка. Больной, должно быть.

— Шамашедший? — догадался Сергей.

— А я почем знаю. Тише!..

— Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. — надрывался все громче и громче мальчик.

— Начинай, Сергей. Я знаю! — распорядился вдруг Лодыжкин и с решительным видом завертел ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сиплые, фальшивые звуки старинного галопа. Все на балконе разом встрепенулись, даже мальчик замолчал на несколько секунд.

— Ах, боже мой, они еще больше расстроят бедного Трилли! — воскликнула плачевно дама в голубом капоте. — Ах, да прогоните же их, прогоните скорее! И эта грязная собака с ними. У собак всегда такие ужасные болезни. Что же вы стоите, Иван, точно монумент?

Она с усталым видом и с отвращением замахала платком на артистов, сухопарая красноносая девица сделала страшные глаза, кто-то угрожающе зашипел... Человек во фраке быстро и мягко скатился с балкона и с выражением ужаса на лице, широко растопырив в стороны руки, подбежал к шарманщику.

— Эт-то что за безобразие! — захрипел он сдавленным, испуганным и в то же время начальственно-сердитым шопотом. — Кто позволил? Кто пропустил? Марш! Вон!..

Шарманка, уныло пискнув, замолкла.

— Господин хороший, дозвольте вам об'яснить... — начал было деликатно дедушка.

— Никаких! Марш! — закричал с каким-то даже свистом в горле фрачный человек.

Его толстое лицо мигом побагровело, а глаза невероятно широко раскрылись, точно вдруг вылезли наружу, и заходили колесом. Это было настолько страшно, что дедушка невольно отступил на два шага назад.

— Собирайся, Сергей, — сказал он, поспешно вскидывая шарманку на спину. — Идем!

Но не успели они сделать и десяти шагов, как с балкона понеслись новые оглушительные крики:

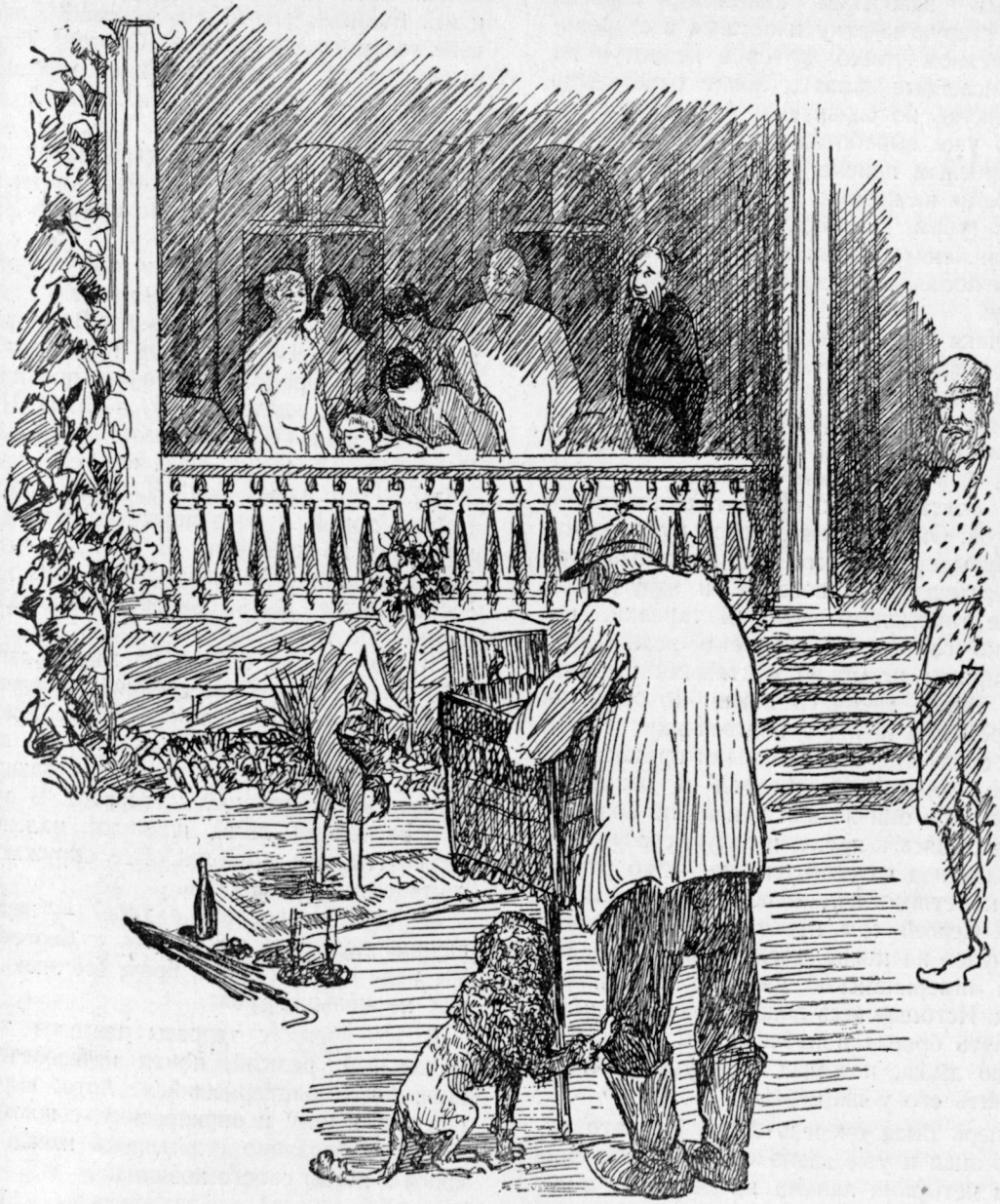
— Ай-яй-яй! Мне! Хочу-у! А-а-а! Д-а-й! Позвать! Мне!

— Но, Трилли!.. Ах, боже мой, Трилли! Ах, да воротите же их! — застонала нервная дама. — Фу, как вы все бестолковы!.. Иван, вы слышите, что вам говорят? Сейчас же позовите этих нищих!..

— Послушайте! Вы! Эй, как вас? Шарманщики! Вернитесь! — закричало с балкона несколько голосов.

Толстый лакей с разлетавшимися в обе стороны бакенбардами, подпрыгивая, как большой резиновый мяч, бегом бросился вслед уходящим артистам.

— Пст!.. Музыканты! Слушайте-ка, назад!.. Назад!.. — кричал он, задыхаясь и махая обеими руками. — Старичок почтенный, — схватил он, наконец, за рукав



В заключение Сергей несколько раз перекувыркнулся на коврике

дедушку, — заворачивай оглобли! Господа будут ваш пантомин смотреть. Живо!..

— Н-ну, дела! — вздохнул, покрутив головой, дедушка, однако приблизился к балкону, снял шарманку, укрепил ее перед собой на палке и заиграл галоп с того самого места, на котором его только что прервали.

Суета на балконе затихла. Барыня с мальчиком и господин в золотых очках подошли к самым перилам; остальные почтительно оставались на заднем плане. Из глубины сада пришел садовник в фартуке и стал неподалеку от дедушки. Откуда-то вылезший дворник поместился позади садовника. Это был огромный бородатый мужчина с мрачным, узколобым рябым лицом. Одет он был в новую розовую рубашку, по которой шли косыми рядами крупные черные горошины.

Под хриплые, заикающиеся звуки галопа Сергей разостлал на земле коврик, быстро скинул с ног парусиновые панталоны (они были сшиты из старого мешка и сзади, на самом широком месте, украшались четыре-

угольным заводским клеймом), сбросил с себя старую куртку и остался в стареньком нитяном трико, которое несмотря на многочисленные заплаты ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались путем подражания взрослым приемы заправского акробата. Взбегая на коврик, он на ходу приложил руки к губам, а потом широким театральным движением размахнул их в стороны, как бы посылая публике два стремительных поцелуя.

Дедушка одной рукой непрерывно вертел ручку шарманки, извлекая из нее дребезжащий, кашляющий мотив, а другой бросал мальчику разные предметы, которые тот искусно подхватывал налету. Репертуар у Сергея был небольшой, но работал он хорошо, «чисто», как говорят акробаты, и с охотой. Он подкидывал вверх пустую пивную бутылку так, что она несколько раз перевертывалась в воздухе, и вдруг, поймав ее горлышком на край тарелки, несколько секунд держал ее в равновесии; жонглировал четырьмя костяными шариками, а также двумя свечками, которые он одновременно ловил в подсвечники; потом играл сразу тремя различными предметами: веером, деревянной сигарой и дождевым зонтом. Все они летали у него по воздуху, не прикасаясь к земле, и вдруг, сразу, зонт оказался над головой, сигара — во рту, а веер кокетливо обмахивал лицо. В заключение Сергей сам несколько раз перекувыркнулся на ковре, сделал «лягушку», показал «американский узел» и походил на руках. Истощив весь запас своих «трюков», он опять бросил в публику два поцелуя и, тяжело дыша, подошел к дедушке, чтобы заменить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Пес это отлично знал и уже давно скакал в волнении всеми четырьмя лапами на дедушку, вылезавшего боком из лямки, и лаял на него отрывистым, нервным лаем. Почем знать, может быть, умный пудель хотел этим сказать, что, по его мнению, безрассудно заниматься акробатическими упражнениями, когда Реомюр показывает 32 градуса в тени? Но дедушка Лодыжкин с хитрым видом вытащил из-за спины тонкий кизилевый хлыстик. «Так я и знал!» — с досадой пролаял в последний раз Арто и лениво, непокорно поднялся на задние ноги, не сводя моргающих глаз с хозяина.

— Служить, Арто! Так, так, так... — проговорил старик, держа над головой пуделя хлыст. — Перевернись. Так. Перевернись... Еще, еще... Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-о? Не хочешь? Садись, тебе говорят. А-а... то-то! Смотри! Теперь поздоровайся с почтеннейшей публикой. Ну! Арто! — грозно возвысил голос Лодыжкин.

«Гав!» — брехнул с отвращением пудель. Потом поглядел, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавил еще два раза: «Гав! гав!»

— Нет, не понимает меня мой старик!— слышалось в этом недовольном лае.

— Вот это — другое дело. Вежливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаем, — продолжал старик, протягивая невысоко над землей хлыст. — Алле! Нечего, брат, язык-то высовывать. Алле!.. Гоп! Прекрасно. А ну-ка еще, нох ейн маль... Алле!.. Гоп! Алле! Гоп! Чудесно, собачка. Придем домой, я тебе морковки дам. А, ты морковку не кушаешь? Я и забыл совсем. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господ. Может быть, они тебе препожалуют что-нибудь повкуснее.

Старик поднял собаку на задние лапы и всунул ей в рот свой древний, засаленный картуз, который он с таким тонким юмором называл «чилиндрой». Держа картуз в зубах и жеманно переступая приседающими ногами, Арто подошел к террасе. В руках у болезненной дамы появился маленький перламутровый кошелек. Все окружающие сочувственно улыбались.

— Что? Не говорил я тебе? — задорно шепнул дедушка, наклоняясь к Сергею. — Ты меня спроси: уж я, брат, все знаю. Никак не меньше рубля.

В это время с террасы раздался такой отчаянный, резкий, почти нечеловеческий вопль, что растерявшийся Арто выронил изо рта шапку и вприпрыжку, с поджатым хвостом, боязливо оглядываясь назад, бросился к ногам своего хозяина.

— Хочу-у-а-а! — закатывался, топая ногами, кудрявый мальчик. — Мне! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочет соба-а-аку-у...

— Ах, боже мой! Ах! Николай Аполлоныч!.. Батюшка барин!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! — опять засуетились люди на балконе.

— Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! — выходил из себя мальчик.

— Но, ангел мой, не расстраивай себя!— залепетала над ним дама в голубом капоте. — Ты хочешь погладить собачку? Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчас. Доктор, как вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

— Вообще говоря, я не советовал бы,— развел тот руками, — но если надежная дезинфекция, например борной кислотой или слабым раствором карболовки, то-о... вообще...

— Соба-а-аку!

— Сейчас, моя прелесть, сейчас. Итак, доктор, мы прикажем вымыть ее борной кислотой, и тогда... Но, Трилли, не волнуйся же так! Старик, подведите, пожалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вам заплатят. Слушайте, она у вас не больная? Я хочу спросить, она не бешеная? Или, может быть, у нее эхинококки?

— Не хочу погладить, не хочу! — ревел Трилли, пуская ртом и носом пузыри. — Хочу совсем! Дураки, черти! Совсем мне! Хочу сам играть... Навсегда!

— Послушайте, старик, подойдите сюда, — силилась перекричать его барыня. — Ах, Трилли, ты убьешь маму своим криком. И зачем только пустили этих музыкантов! Да подойдите же ближе, еще ближе... еще, вам говорят!.. Вот так... Ах, не огорчайся же, Трилли, мама сделает все, что хочешь. Умоляю тебя. Мисс, да успокойте же, наконец, ребенка... Доктор, прошу вас... Сколько же ты хочешь, старик?

Дедушка снял картуз. Лицо его приняло почтительно-жалкое выражение.

— Сколько вашей милости будет угодно, барыня, ваше высокопревосходительство... Мы люди маленькие, нам всякое даяние — благо... Чай, сами старичка не обидите...

— Ах, как вы бестолковы! Трилли, у тебя заболит горлышко. Ведь поймите, что собака ваша, а не моя. Ну сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

— А-а-ах! Хочу-у! Дайте собаку, дайте собаку,— взвизгивал мальчик, толкая лакея в круглый живот ногой.

— То есть... простите, ваше сиятельство, — замялся Лодыжкин. — Я человек старый, глупый... Сразу-то мне не понять... к тому же и глуховат малость... то есть как это вы изволите говорить?.. За собаку?..

— Ах, мой бог!.. Вы, кажется, нарочно притворяетесь идиотом? — вскипела дама. — Няня, дайте поскорее Трилли воды! Я вас спрашиваю русским языком, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку...

— Собаку! Соба-аку! — залился громче прежнего мальчик.

Лодыжкин обиделся и надел на голову картуз.

— Собаками, барыня, не торгую-с, — сказал он холодно и с достоинством. — А этот пес, сударыня, можно сказать, нас двоих, — он показал большим пальцем через плечо на Сергея,— нас двоих кормит, поит и одевает. И никак этого невозможно, чтобы, например, продать.

Трилли между тем кричал с пронзительностью паровозного свистка. Ему подали стакан воды, но он яростно выплеснул его в лицо гувернантке.

— Да послушайте же, безумный старик!.. Нет вещи, которая бы не продавалась, — настаивала дама, стискивая свои виски ладонями. — Мисс, вытрите поскорее лицо и дайте мне мой мигренин. Может быть, ваша собака стоит сто рублей? Ну двести? Триста? Да отвечайте же, истукан! Доктор, скажите ему что-нибудь, ради бога.

— Собирайся, Сергей, — угрюмо проворчал Лодыжкин. — Истукан... Арто, иди сюда!..

— Э-э, постой-ка, любезный, — начальственным басом протянул толстый господин в золотых очках. — Ты бы лучше не ломался, мой милый, вот что тебе скажу. Собаке твоей десять рублей — красная цена да еще вместе с тобой на придачу... Ты подумай, осел, сколько тебе дают!

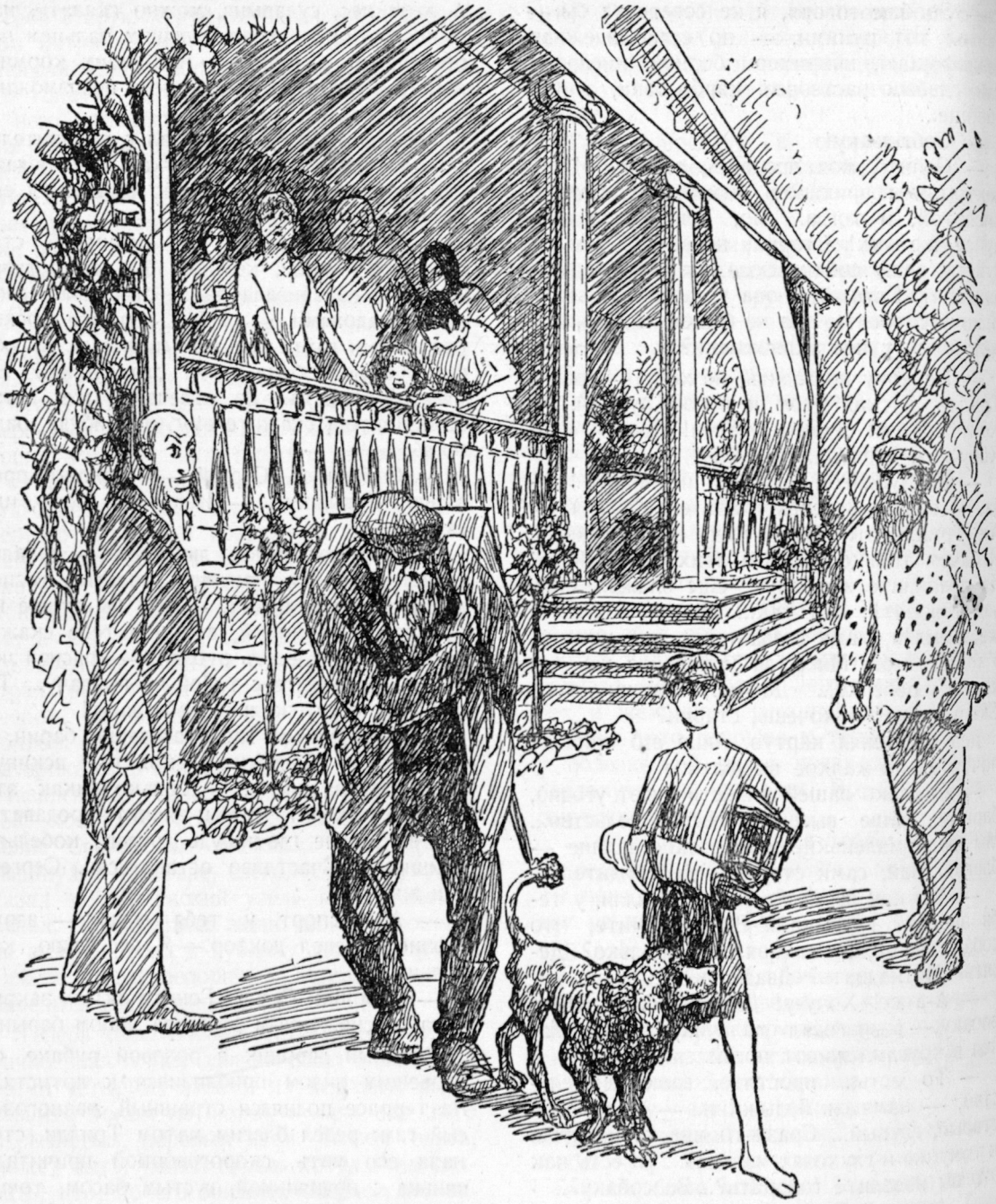
— Покорнейше вас благодарю, барин, а только... — Лодыжкин, кряхтя, вскинул шарманку за плечи. — Только никак это дело не выходит, чтобы, значит, продавать. Уж вы лучше где-нибудь другого кобелька поищите... Счастливо оставаться... Сергей, иди вперед!

— А паспорт у тебя есть?! — вдруг грозно взревел доктор.— Я вас знаю, канальи!

— Дворник! Семен! Гоните их! — закричала с искаженным от гнева лицом барыня.

Мрачный дворник в розовой рубахе со зловещим видом приблизился к артистам. На террасе поднялся страшный, разноголосый гам: ревел благим матом Трилли, стонала его мать, скороговоркой причитали нянька с подпанькой, густым басом, точно рассерженный шмель, гудел доктор. Но дедушка и Сергей уж не имели времени посмотреть, чем все это кончится. Предшествуемые изрядно струсившим пуделем, они почти бегом спешили к воротам. А следом за ними шел дворник, подталкивая старика сзади, в шарманку, и говорил угрожающим голосом:

— Шляетесь здесь, лабарданцы! Благодари еще бога, что по шее, старый хрен, не заработал. А в другой раз придешь, так и знай, стесняться с тобой не стану: намну



Мрачный дворник в розовой рубахе со зловещим видом приблизился к артистам.

загривок и стащу к господину уряднику. Шантрапа!

Долгое время старик и мальчик шли молча, но вдруг, точно по уговору, взглянули друг на друга и рассмеялись: сначала захохотал Сергей, а потом, глядя на него, но с некоторым смущением улыбнулся и Лодыжкин.

— Что, дедушка Лодыжкин? Ты все знаешь? — поддразнил его лукаво Сергей.

— Да-а, брат. Обмишулились мы с тобой, — покачал головой старый шарманщик. — Язвительный, однако, мальчугашка... Как его, такого, вырастили, шут его возьми? Скажите на милость: двадцать пять человек вокруг него танцы танцуют! Ну

уж, будь в моей власти, я бы ему прописал ижу. Подавай, говорит, собаку? Этак что же? Он и луну с неба захочет, так подавай ему и луну? Поди сюда, Арто, поди, моя собаченька. Ну и денек сегодня задался. Удивительно!

— На что лучше! — продолжал ехидничать Сергей. — Одна барыня платье подарила, другая целковый дала. Все ты, дедушка Лодыжкин, наперед знаешь!

— А ты помалкивай, огарок, — добродушно огрызнулся старик. — Как от дворника-то улепетывал, помнишь? Я думал, и не догнать мне тебя. Серьезный мужчина этот дворник!

Выйдя из парка, бродячая труппа спустилась крутой сыпучей тропинкой к морю. Здесь горы, отступив немного назад, дали место неширокой плоской полосе, покрытой ровными, обточенными прибоем камнями, о которые теперь с тихим шелестом ласково плескалось море. Саженях в двухстах от берега кувыркались в воде дельфины, показывая из нее на мгновение свои жирные, круглые спины. Вдали, на горизонте, там, где голубой атлас моря окаймлялся темносиней бархатной лентой, неподвижно стояли стройные, чуть-чуть розовые на солнце паруса рыбачьих лодок.

— Тут и выкупаемся, дедушка Лодыжкин,— сказал решительно Сергей. На ходу он уже успел, прыгая то на одной, то на другой ноге, стащить с себя панталоны. — Давай, я тебе пособлю орган снять.

Он быстро разделся, звонко хлопнул себя ладонями по голому, шоколадному от загара телу и бросился в воду, подымая вокруг себя бугры кипящей пены.

Дедушка раздевался не торопясь. Прикрыв глаза ладонью от солнца и щурясь, он с любовной усмешкой глядел на Сергея.

«Ничего себе растет паренек, — думал Лодыжкин,— даром, что костлявый — вон все ребра видать,—а все-таки будет парень крепкий».

— Эй, Сережа! Ты больно далече-то не плавай. Морская свинья утащит.

— А я ее за хвост! — крикнул издали Сергей.

Дедушка долго стоял на солнышке, щупая у себя подмышками. В воду он сошел очень осторожно и, прежде чем окунуться, старательно мочил себе красное лысое темя и впалые бока. Тело у него было желтое, дряблое и бессильное, ноги — поразительно тонкие, а спина с выдавшимися острыми лопатками была сгорблена от долголетнего таскания шарманки.

— Дедушка Лодыжкин, гляди! — крикнул Сергей.

Он перекувыркнулся в воде, закинув себе ноги через голову. Дедушка, уже влезший в воду по пояс и приседавший в ней с блаженным кряхтением, крикнул тревожно:

— Ну а ты не балуйся, поросенок! Смотри! Я т-тебя!

Арто неистово лаял и скакал по берегу. Его беспокоило, что мальчик заплыл так далеко. «К чему показывать свою храбрость? — волновался пудель. — Есть земля — и ходи по земле. Гораздо спокойнее».

Он и сам залез было в воду по брюхо и два—три раза лакнул ее языком. Но соленая вода ему не понравилась, а легкие волны, шуршавшие о прибрежный гравий, пугали его. Он выскочил на берег и опять принялся лаять на Сергея: «К чему эти дурацкие фокусы? Сидел бы у берега, рядом со стариком. Ах, сколько беспокойства с этим мальчишкой!»

— Эй, Сережка, вылезай, что ли, в самом деле, будет тебе! — позвал старик.

— Сейчас, дедушка Лодыжкин, — отозвался мальчик. — Смотри, как я пароходом плыву. У-у-у-ух!

Он, наконец, подплыл к берегу, но, прежде чем одеться, схватил на руки Арто и, вернувшись с ним в море, бросил его далеко в воду. Собака тотчас же поплыла назад, выставив наружу только одну морду со всплывшими наверх ушами, громко и обиженно фыркая. Выскочив на сушу, она затряслась всем телом, и тучи брызг полетели на старика и на Сергея.

— Постой-ка, Сережа, никак это к нам? — сказал Лодыжкин, пристально глядя вверх, на гору.

По тропинке быстро спускался вниз, неразборчиво крича и махая руками, тот самый мрачный дворник в розовой рубахе с черными горошинами, который четверть часа назад гнал странствующую труппу с дачи.

— Что ему надо? — спросил с недоумением дедушка.

IV

Дворник продолжал кричать, сбегая вниз неловкой рысью, причем рукава его рубахи трепались по ветру, а пазуха вздувалась, как парус.

— О-го-го!.. Подождите трошки!..

— А чтоб тебя намочило да не высушило! — сердито проворчал Лодыжкин. — Это он опять насчет Артошки.

Сережа схватил на руки Арто и, вернувшись с ним в море, бросил его в воду.

— Давай, дедушка, накладем ему! — храбро предложил Сергей.

— А ну тебя, отвяжись... И что это за люди, прости господи...

— Вы вот что... — начал запыхавшийся дворник еще издали. — Продавайте, что ли, пса-то? Ну никакого сладу с панычем. Ревет, как теля: «Подай да подай собаку...» Барыня послала: «Купи, — говорит, — чего бы ни стоило».

— Довольно даже глупо это со стороны твоей барыни! — рассердился вдруг Лодыжкин, который здесь, на берегу, чувствовал себя гораздо увереннее чем на чужой даче.—И опять-таки, какая она мне такая барыня? Тебе, может быть, барыня, а мне двоюродное наплевать. И пожалуйста... я тебя прошу... Уйди ты от нас, христа ради... и того... и не приставай.

Но дворник не унимался. Он сел на камни, рядом со стариком, и говорил, неуклюже тыча перед собой пальцами:

— Да пойми же ты, дурак-человек...

— От дурака и слышу, — спокойно отрезал дедушка.

— Да постой... не к тому я это... Вот,

право, репей какой... Ты подумай: ну что тебе собака? Подобрал другого щенка, выучил стоять дыбки — вот тебе и снова пес. Ну? Не правду, что ли, я говорю? А?

Дедушка внимательно завязывал ремень вокруг штанов. На настойчивые вопросы дворника он ответил с деланным равнодушием:

— Бреши дальше... Я потом сразу тебе отвечу.

— А тут, брат ты мой, сразу — цифра! — горячился дворник. — Двести, а не то триста целковых враз! Ну, обыкновенно, мне кое-что за труды... Но ты подумай только: три сотенных! Ведь это сразу можно бакалейную открыть...

Говоря таким образом, дворник вытащил из кармана кусок колбасы и швырнул его пуделю. Арто поймал его налету, проглотил в один прием и искательно завилял хвостом.

— Кончил? — коротко спросил Лодыжкин.

— Да тут долго и кончать нечего. Давай пса — и по рукам.

— Та-ак-с, — насмешливо протянул дедушка. — Продать, значит, собачку?

— Обыкновенно — продать. Чего вам еще? Главное, паныч у нас такой скаженный[1]. Чего захотелось, так весь дом перебулгачит. Подавай—и все тут. Это еще без отца, а при отце... Святители вы наши!.. Все вверх ногами ходят. Барин у нас инженер, может быть, слышали, господин Обольянинов? По всей России железные дороги строят. Мельонер! А мальчишка-то у нас один и озорует. Хочу поню живую—на тебе поню. Хочу лодку — на тебе всамделишную лодку. Как есть ни в чем, ни в чем отказу...

— А луну?

— То есть в каких это смыслах?

— Говорю, луну он ни разу с неба не захотел?

— Ну вот... тоже скажешь — луну! — сконфузился дворник. — Так как же, мил человек, лады у нас, что ли?

Дедушка, который успел уже в это время напялить на себя коричневый, позеленевший на швах пиджак, гордо выпрямился, насколько ему позволяла вечно согнутая спина.

— Я тебе одно скажу, парень, — начал он не без торжественности. — Примерно, ежели бы у тебя был брат или, скажем, друг, который с самого сыздетства... Постой, друже, ты собаке колбасу даром не стравляй... Сам лучше скушай... Этим, брат, ее не подкупишь. Говорю, ежели бы у тебя был самый что ни на есть верный друг... который сыздетства... то за сколько бы ты его примерно продал?

— Приравнял тоже!..

— Вот те и приравнял. Ты так и скажи своему барину, который железную дорогу строит, — возвысил голос дедушка. — Так и скажи: не все, мол, продается, что покупается. Да! Ты собаку-то лучше не гладь, это ни к чему. Арто, иди сюда, собачий сын, я т-тебе! Сергей, собирайся.

— Дурак ты старый! — не вытерпел, наконец, дворник.

— Дурак, да от роду так, а ты хам, Иуда, продажная душа! — выругался Лодыжкин. — Увидишь свою генеральшу, кланяйся ей, скажи: «От наших, мол, с любовью низкий поклон!» Свертывай ковер, Сергей! Э-эх, спина моя, спинушка! Пойдем.

— Значит, та-ак! — многозначительно протянул дворник.

— С тем и возьмите! — задорно ответил старик.

Артисты поплелись вдоль морского берега, опять вверх, по той же дороге. Оглянувшись случайно назад, Сергей увидел, что дворник следит за ними. Вид у него был задумчивый и угрюмый. Он сосредоточенно чесал всей пятерней под с'ехавшей на глаза шапкой свой лохматый рыжий затылок.

V

У дедушки Лодыжкина был давным-давно примечен один уголок между Мисхором и Алупкой, книзу от нижней дороги, где отлично можно было позавтракать. Туда он и повел своих спутников. Неподалеку от моста, перекинутого через бурливый и грязный горный поток, выбегала из-под земли, в тени кривых дубов и густого орешника, говорливая холодная струйка воды. Она проделала в почве круглый неглубокий водоем, из которого сбегала в ручей тонкой змейкой, блестевшей в траве, как живое серебро. Около этого родника по утрам и по вечерам всегда можно было застать набожных турок, пивших воду и творивших свои священные омовения.

— Грехи наши тяжкие, а запасы скудные, — сказал дедушка, садясь в прохладе под орешником. — Ну-ка, Сережа, господи благослови!

Он вынул из холщевого мешка хлеб, де-

[1] Сумасшедший (украинское слово).

сяток красных помидоров, кусок бессарабского сыра брынзы и бутылку с прованским маслом. Соль была у него завязана в узелок тряпочки сомнительной чистоты. Перед едой старик долго крестился и что-то шептал. Потом он разломил краюху хлеба на три неровные части: одну, самую большую, он протянул Сергею (малый растет — ему надо есть), другую, поменьше, оставил для пуделя, самую маленькую взял себе.

— «Во имя отца и сына. Очи всех на тя, господи, уповают...» — шептал он, суетливо распределяя порции и поливая их из бутылки маслом. — Вкушай, Сережа!

Не торопясь, медленно, в молчании, как едят настоящие труженики, принялись трое за свой скромный обед. Слышно было только, как жевали три пары челюстей. Арто ел свою долю в сторонке, растянувшись на животе и положив на хлеб обе передние лапы. Дедушка и Сергей поочередно макали в соль спелые помидоры, из которых тек по их губам и рукам красный, как кровь, сок, и заедали их сыром и хлебом. Насытившись, они напились воды, подставляя под струю источника жестяную кружку. Вода была прозрачная, прекрасная на вкус и такая холодная, что от нее кружка даже запотела снаружи. Дневной жар и длинный путь изморили артистов, которые встали сегодня чуть свет. У дедушки слипались глаза. Сергей зевал и потягивался.

— Что, братику, разве нам лечь поспать на минуточку? — спросил дедушка. — Дайка я в последний раз водицы попью. Ух, хороша! — крякнул он, отнимая от кружки рот и тяжело переводя дыхание, между тем как светлые капли бежали с его усов и бороды. — Если бы я был царем, все бы эту воду пил... с утра бы до ночи! Арто, иси, сюда! Ну вот, «бог напитал, никто не видал, а кто и видел, тот не обидел». Ох-ох-охонюшки-и!

Старик и мальчик легли рядом на траве, подмостив под головы свои старые пиджаки. Над их головами шумела темная листва корявых, раскидистых дубов. Сквозь нее синело чистое, голубое небо. Ручей, сбегавший с камня на камень, журчал так однообразно и так вкрадчиво, точно завораживал кого-то своим усыпительным лепетом. Дедушка некоторое время ворочался, кряхтел и говорил что-то, но Сергею казалось, что голос его звучит из какой-то мягкой и сонной дали, а слова были непонятны, как в сказке.

— Перво дело — куплю тебе костюм: розовое трико с золотом... туфли тоже розовые, атласные... В Киеве, в Харькове или, например, скажем, в городе Одессе — там, брат, во какие цирки!.. Фонарей видимо-невидимо... Все электричество горит... Народу, может быть, тысяч пять, а то и больше... почему я знаю? Фамилию мы тебе сочиним непременно итальянскую. Что такая за фамилия Естифеев или, скажем, Лодыжкин? Чепуха одна — нет никакого в ней воображения. А мы тебя в афише запустим — Антонио или, например, тоже хорошо — Энрико или Альфонзо...

Дальше мальчик ничего не слыхал. Нежная и сладкая дремота овладела им, сковав и обессилив его тело. Заснул и дедушка, потерявший вдруг нить своих любимых послеобеденных мыслей о блестящем цирковом будущем Сергея. Один раз ему сквозь сон показалось, что Арто на кого-то рычит. На мгновение в его затуманенной голове скользнуло полусознательное и тревожное воспоминание о давешнем дворнике в розовой рубахе, но, разморенный сном, усталостью и жарой, он не смог встать, а только лениво, с закрытыми глазами, окликнул собаку:

— Арто... куда? Я т-тебя, бродяга!

Но мысли его тотчас же спутались и расплылись в тяжелых и бесформенных видениях.

Разбудил дедушку голос Сергея. Мальчик бегал взад и вперед по той стороне ручья, пронзительно свистал и кричал громко, с беспокойством и испугом:

— Арто, иси! Назад! Фью, фью, фью! Арто, назад!

— Ты что, Сергей, вопишь? — недовольно спросил Лодыжкин, с трудом расправляя затекшую руку.

— Собаку мы проспали, вот что! — раздраженным голосом, грубо ответил мальчик. — Пропала собака.

Он резко свистнул и еще раз закричал протяжно:

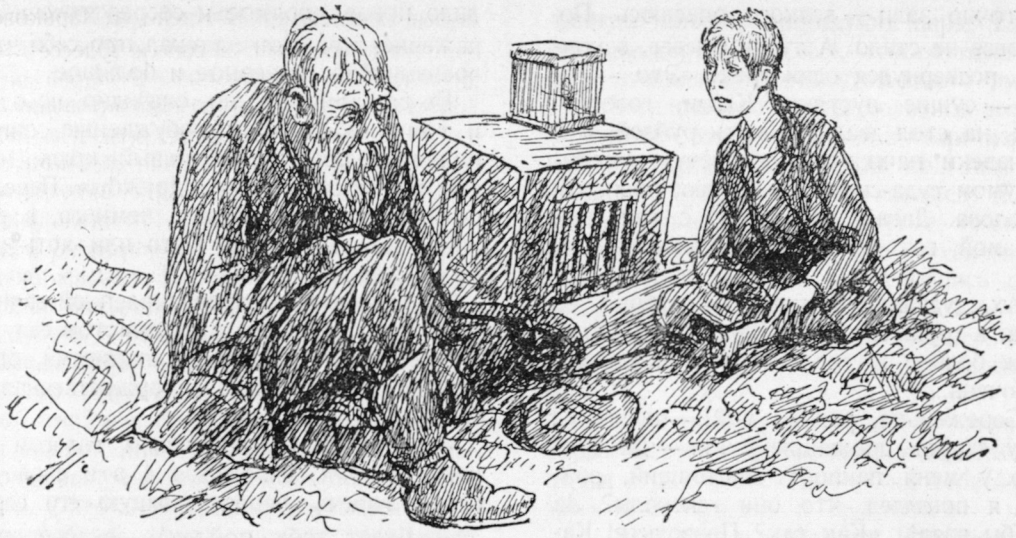
— Арто-о-о!

— Глупости ты выдумываешь!.. Вернется, — сказал дедушка. Однако он быстро встал на ноги и стал кричать собаку сердитым, сиплым со сна, старческим фальцетом:

— Арто, сюда, собачий сын!

Он торопливо, мелкими, путающимися шажками перебежал через мост и поднялся вверх по шоссе, не переставая звать собаку. Перед ним лежало видное глазу на полверсты, ровное, яркобелое полотно дороги, но на нем — ни одной фигуры, ни одной тени.

— Арто! Ар-то-шень-ка! — жалобно за-



— Свел ведь, подлец, собаку!

вый старик. Но вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

— Да-а, вот оно какое дело-то! — произнес старик упавшим голосом. — Сергей! Сережа, поди-ка сюда.

— Ну, что там еще? — грубо отозвался мальчик, подходя к Лодыжкину. — Вчерашний день нашел?

— Сережа... что это такое?.. Вот это — что это такое? Ты понимаешь? — еле слышно спрашивал старик.

Он глядел на мальчика жалкими, растерянными глазами, а его рука, показывавшая прямо в землю, ходила во все стороны.

На дороге, в белой пыли, валялся довольно большой, недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.

— Свел ведь, подлец, собаку! — испуганно прошептал дедушка, все еще сидя на корточках.— Не кто, как он — дело ясное... Помнишь, давеча, у моря-то, он все колбасой прикармливал.

— Дело ясное! — мрачно и со злобой повторил Сергей.

Широко раскрытые глаза дедушки вдруг наполнились крупными слезами и быстро замигали. Он закрыл их руками.

— Что же нам теперь делать, Сереженька? А? Делать-то нам что теперь? — спрашивал старик, качаясь взад и вперед и беспомощно всхлипывая.

— Что делать, что делать! — сердито передразнил его Сергей. — Вставай, дедушка Лодыжкин, пойдем!..

— Пойдем, — уныло и покорно повторил старик, подымаясь с земли. — Ну что ж, пойдем, Сереженька!

Вышедший из терпения Сергей закричал на старика, как на маленького:

— Будет тебе, старик, дурака-то валять! Где это видано, всамделе, чтобы чужих собак заманивать? Чего ты глазами на меня хлопаешь? Не правду я говорю? Прямо придем и скажем: «Подавай назад собаку!» А нет — к мировому, вот и весь сказ.

— К мировому... да... конечно... Это верно, к мировому... — с бессмысленной, горькой улыбкой повторял Лодыжкин. Но глаза его неловко и конфузливо забегали. — К мировому... да... Только вот что, Сереженька... не выходит это дело... чтобы к мировому...

— Как это не выходит? Закон один для всех. Чего им в зубы смотреть? — нетерпеливо перебил мальчик.

— А ты, Сережа, не того... не сердись на меня. Собаку-то нам с тобой не вернуть. — Дедушка таинственно понизил голос.— Насчет пачпорта я опасаюсь. Слыхал, что давеча господин говорил? Спрашивает: «А пачпорт у тебя есть?» Вот она какая история. А у меня, — дедушка сделал испуганное лицо и зашептал еле слышно: — у меня, Сережа, пачпорт-то чужой.

— Как чужой?

— То-то вот — чужой. Свой я потерял в Таганроге, а может быть, украли его у меня. Года два я потом крутился: прятался, взятки давал, писал прошения... Наконец, вижу, нет никакой моей возможности,

живу точно заяц — всякого опасаюсь. Покою вовсе не стало. А тут в Одессе, в ночлежке, подвернулся один грек. «Это, — говорит, — сущие пустяки. Клади, говорит, старик, на стол двадцать пять рублей, и я тебя навеки пачпортом обеспечу». Раскинул я умом туда-сюда. Эх, думаю, пропадай моя голова. Давай, говорю. И с тех пор, милый мой, вот я и живу по чужому пачпорту.

— Ах, дудушка, дедушка! — глубоко, со слезами в груди вздохнул Сергей. — Собаку мне уж больно жалко... Собака-то уж хороша очень...

— Сереженька, родной мой! — протянул к нему старик дрожащие руки. — Да будь только у меня пачпорт настоящий, разве бы я поглядел, что они генералы? За горло бы взял!.. «Как так? Позвольте! Какое имеете полное право чужих собак красть? Какой-такой закон на это есть?» А теперь нам крышка, Сережа. Приду я в полицию — первое дело: «Подавай пачпорт! Это ты самарский мещанин Мартын Лодыжкин?» «Я, вашескродие». А я, братец, и не Лодыжкин вовсе и не мещанин, а крестьянин Иван Дудкин. А кто таков этот Лодыжкин, один бог его ведает. Почем я знаю, может, воришка какой или беглый каторжник? Или, может быть, даже убивец? Нет, Сережа, ничего мы тут не сделаем... Ничего, Сережа...

Голос у дедушки оборвался и захлебнулся. Слезы опять потекли по глубоким коричневым от загара морщинам. Сергей, который слушал ослабевшего старика молча, с плотно сжатыми бровями, бледный от волнения, вдруг взял его подмышки и стал подымать.

— Пойдем, дедушка, — сказал он повелительно и ласково в то же время. — К черту пачпорт, пойдем! Не ночевать же нам на большой дороге.

— Милый ты мой, родной, — приговаривал, трясясь всем телом, старик. — Собачка-то уж очень затейная... Артошенько-то наш... Другой такой не будет у нас...

— Ладно, ладно... Вставай, — распоряжался Сергей.— Дай я тебя от пыли-то очищу. Совсем ты у меня раскис, дедушка.

В этот день артисты больше не работали. Несмотря на свой юный возраст Сергей хорошо понимал все роковое значение этого страшного слова «пачпорт». Поэтому он не настаивал больше ни на дальнейших розысках Арто, ни на мировом, ни на других решительных мерах. Но пока он шел рядом с дедушкой до ночлега, с лица его не сходило новое, упрямое и сосредоточенное выражение, точно он задумал про себя что-то чрезвычайно серьезное и большое.

Не сговариваясь, но, очевидно, по одному и тому же тайному побуждению, они нарочно сделали значительный крюк, чтобы еще раз пройти мимо «Дружбы». Перед воротами они задержались немного, в смутной надежде увидеть Арто или хоть услышать издали его лай.

Но резные ворота великолепной дачи были плотно закрыты, и в тенистом саду, под стройными печальными кипарисами, стояла важная, невозмутимая, торжественная тишина.

— Гос-спо-да! — шипящим голосом произнес старик, вкладывая в это слово всю едкую горечь, переполнившую его сердце.

— Будет тебе, пойдем! — сурово приказал мальчик и потянул своего спутника за рукав.

— Сереженька, может, убежит от них еще Артошка-то? — вдруг опять всхлипнул дедушка. — А? Как ты думаешь, милый?

Но мальчик не ответил старику. Он шел вперед большими, твердыми шагами. Его глаза упорно смотрели вниз, на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись к переносью.

VI

Молча дошли они до Алупки. Дедушка всю дорогу кряхтел и вздыхал, Сергей же сохранял на лице злое, решительное выражение. Они остановились на ночлег в грязной турецкой кофейной, носившей блестящее название «Ылдыз», что значит по-турецки «Звезда». Вместе с ними ночевали греки — каменотесы, землекопы, — турки, несколько человек русских рабочих, перебивавшихся поденным трудом, а также несколько темных, подозрительных бродяг, которых так много шатается по югу России. Все они, как только кофейная закрылась в определенный час, разлеглись на скамьях, стоявших вдоль стен, и прямо на полу, причем те, что были поопытнее, положили из нелишней предосторожности себе под голову все, что у них было наиболее ценного из вещей и из платья.

Было далеко за полночь, когда Сергей, лежавший на полу, рядом с дедушкой, осторожно поднялся и стал бесшумно одеваться. Сквозь широкие окна лился в комнату бледный свет месяца, стелился косым, дрожащим переплетом на полу и, падая на

спящих вповалку людей, придавал их лицам страдальческое и мертвое выражение.

— Ты куда носью ходись, мальцук? — сонно окликнул Сергея у дверей хозяин кофейной, молодой турок Ибрагим.

— Пропусти. Надо! — сурово, деловым тоном ответил Сергей.—Да вставай что ли, турецкая лопатка!

Зевая, почесываясь и укоризненно причмокивая языком, Ибрагим отпер двери. Узкие улицы татарского базара были погружены в густую, темносинюю тень, которая покрывала зубчатым узором всю мостовую и касалась подножий домов другой, освещенной стороны, резко белевшей в лунном свете своими низкими стенами. На дальних окраинах местечка лаяли собаки. Откуда-то, с верхнего шоссе, доносился звонкий и дробный топот лошади, бежавшей иноходью.

Миновав белую, с зеленым куполом ввиде луковицы мечеть, окруженную молчаливой семьей темных кипарисов, мальчик спустился по тесному кривому переулку на большую дорогу. Для легкости Сергей не взял с собой верхней одежды, оставшись в одном трико. Месяц светил ему в спину, и тень мальчика бежала впереди него черным, странным, укороченным силуэтом. По обоим бокам шоссе притаился темный курчавый кустарник. Какая-то птичка кричала в нем однообразно, через ровные промежутки, тонким нежным голосом: «Сплю!.. Сплю!..» И казалось, что она покорно сторожит в ночной тишине какую-то печальную тайну, и бессильно борется со сном и усталостью, и тихо, без надежды жалуется кому-то: «Сплю, сплю!..» А над темными кустами и над синеватыми шапками дальних лесов возвышался, упираясь своими двумя зубцами в небо, Ай-Петри — такой легкий, резкий, воздушный, как будто он был вырезан из гигантского куска серебряного картона.

Сергею было немного жутко среди этого величавого безмолвия, в котором так отчетливо и дерзко раздавались его шаги, в то же время в сердце его разливалась какая-то щекочущая, головокружительная отвага. На одном повороте вдруг открылось море. Огромное, спокойное, оно тихо и торжественно зыбилось. От горизонта к берегу тянулась узкая, дрожащая серебряная дорожка; среди моря она пропадала — лишь кое-где изредка вспыхивали ее блестки—и вдруг у самой земли широко расплескивалась живым сверкающим металлом, опоясывая, точно галун, весь берег.

Беззвучно проскользнул Сергей в деревянную калитку, ведущую в парк. Там, под густыми деревьями, было совсем темно. Издали слышался шум неугомонного ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыханье. Отчетливо застучала под ногами деревянная настилка моста. Вода под ним была черная и страшная. Вот, наконец, и высокие чугунные ворота, узорчатые, точно кружево, и обвитые ползучими стеблями глициний. Лунный свет, прорезавшись сквозь чащу деревьев, скользил по резьбе ворот слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону был мрак и чутко-пугливая тишина.

Было несколько мгновений, в течение которых Сергей испытывал в душе колебание, почти страх. Но он поборол в себе эти томительные чувства и прошептал:

— А все-таки я полезу! Все равно!

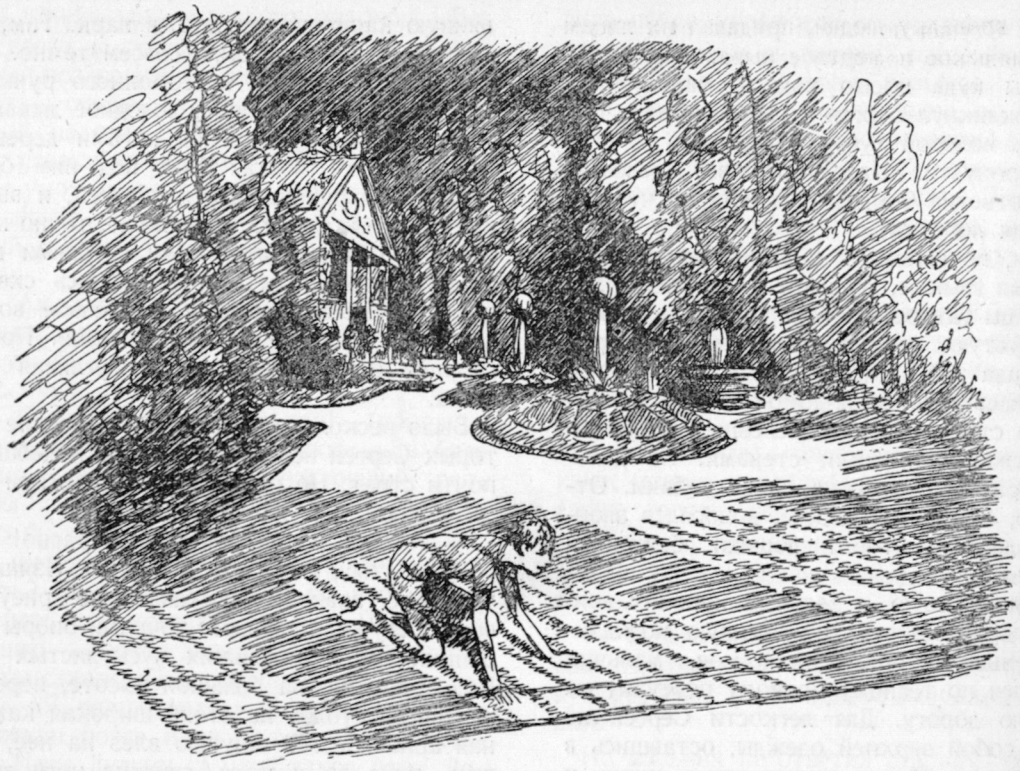
Взобраться ему было нетрудно. Изящные чугунные завитки, составлявшие рисунок ворот, служили верными точками опоры для цепких рук и маленьких мускулистых ног. Над воротами, на большой высоте, перекинулась со столба на столб широкая каменная арка. Сергей ощупью влез на нее, потом, лежа на животе, спустил ноги вниз, на другую сторону, и стал понемногу сталкивать туда же все туловище, не переставая искать ногами какого-нибудь выступа. Таким образом он уже совсем перевесился через арку, держась за ее край только пальцами вытянутых рук, но его ноги все еще не встречали опоры. Он не мог сообразить тогда, что арка над воротами выступала внутрь гораздо дальше чем кнаружи, и по мере того, как затекали его руки и как тяжелее свисало вниз обессилевшее тело, ужас все сильнее проникал в его душу.

Наконец он не выдержал. Его пальцы, цеплявшиеся за острый угол, разжались, и он стремительно полетел вниз.

Он слышал, как заскрежетал под ним крупный гравий, и почувствовал острую боль в коленях. Несколько секунд он стоял на четвереньках, оглушенный падением. Ему казалось, что сейчас проснутся все обитатели дачи, прибежит мрачный дворник в розовой рубахе, подымется крик, суматоха... Но, как и прежде, в саду была глубокая, важная тишина. Только какой-то низкий, монотонный, жужжащий звук разносился по всему саду:

«Жжу... жжу... жжу...»

«Ах, ведь это шумит у меня в ушах!» — догадался Сергей. Он поднялся на ноги; все было страшно, таинственно, сказочно-красиво в саду, точно наполненном ароматны-



Несколько секунд он стоял на четвереньках, оглушенный падением.

ми снами. На клумбах тихо шатались, с неясной тревогой наклоняясь друг к другу, словно перешептываясь и подглядывая, едва видимые в темноте цветы. Стройные темные пахучие кипарисы медленно кивали своими острыми верхушками с задумчивым и укоряющим выражением. А за ручьем, в чаще кустов, маленькая усталая птичка боролась со сном и с покорной жалобой повторяла:

«Сплю!.. Сплю!.. Сплю!..»

Ночью, среди перепутавшихся на дорожках теней, Сергей не узнавал места. Он долго бродил по скрипучему гравию, пока не вышел к дому.

Никогда в жизни мальчик не испытывал такого мучительного ощущения полной беспомощности, заброшенности и одиночества, как теперь. Огромный дом казался ему наполненным беспощадными, притаившимися врагами, которые тайно, со злобной усмешкой следили из темных окон за каждым движением маленького, слабого мальчика. Молча и нетерпеливо ждали враги какого-то сигнала, ждали чьего-то гневного, оглушительно-грозного приказания.

— Только не в доме... в доме ее не может быть! — прошептал, как сквозь сон, мальчик. — В доме она выть станет, надоест...

Он обошел дачу кругом. С задней стороны, на широком дворе, было расположено несколько построек, более простых и незатейливых с виду, очевидно, предназначенных для прислуги. Здесь так же, как и в большом доме, ни в одном окне не было видно огня; только месяц отражался в темных стеклах мертвым неровным блеском. «Не уйти мне отсюда, никогда не уйти!..» — с тоской подумал Сергей. Вспомнились ему на миг дедушка, старая шарманка, ночлеги в кофейных, завтраки у прохладных источников. «Ничего, ничего этого больше не будет!» — печально повторил про себя Сергей. Но чем безнадежнее становились его мысли, тем более страх уступал в его душе место какому-то тупому и спокойно-злобному отчаянью.

Тонкий, словно стонущий визг вдруг коснулся его слуха. Мальчик остановился не дыша, с напряженными мускулами, вытянувшись на цыпочках. Звук повторился. Казалось, он исходил из каменного подвала, около которого Сергей стоял и который сообщался с наружным воздухом рядом грубых маленьких четырехугольных отверстий без

стекол. Ступая по какой-то цветочной куртине, мальчик подошел к стене, приложил лицо к одной из отдушин и свистнул. Тихий, сторожкий шум послышался где-то внизу, но тотчас же затих.

— Арто! Артошка! — позвал Сергей дрожащим шопотом.

Неистовый, срывающийся лай сразу наполнил весь сад, отозвавшись во всех его уголках. В этом лае вместе с радостным приветом смешивались и жалоба, и злость, и чувство физической боли. Слышно было, как собака изо всех сил рвалась в темном подвале, силясь от чего-то освободиться.

— Арто! Собакушка!.. Артошенька!..— вторил ей плачущим голосом мальчик.

— Цыц, окаянная!—раздался снизу зверский басовый крик. У, каторжная!

Что-то стукнуло в подвале. Собака залилась длинным прерывистым воем.

— Не смей бить! Не смей бить собаку, проклятый! — закричал в исступлении Сергей, царапая ногами каменную стену.

Все, что произошло потом, Сергей помнил смутно, точно в каком-то ужасном, горячечном бреду. Дверь подвала широко с грохотом распахнулась, и из нее выбежал дворник. В одном нижнем белье, босой, бородатый, бледный от яркого света луны, светившей прямо ему в лицо, он показался Сергею великаном, раз'яренным сказочным чудовищем.

— Кто здесь бродит? Застрелю! — загрохотал, точно гром, его голос по саду.— Воры! Грабят!

Но в ту же минуту из темноты раскрытой двери, как белый прыгающий комок, выскочил с лаем Арто. На шее у него болтался обрывок веревки.

Впрочем, мальчику было не до собаки. Грозный вид дворника охватил его сверхестественным ужасом, связал его ноги, парализовал все его маленькое, слабое тело. Но, к счастью, этот столбняк продолжался недолго. Почти бессознательно Сергей испустил пронзительный, долгий, отчаянный вопль и наугад, не видя дороги, не помня себя от страха, пустился бежать прочь от подвала.

Он мчался как птица, крепко и часто ударяя о землю ногами, которые внезапно сделались крепкими, точно две стальные пружины. Рядом с ним скакал, заливаясь радостным лаем, Арто. Сзади тяжело грохотал по песку дворник, яростно рычавший какие-то ругательства.

С размаху Сергей наскочил на ворота, но мгновенно не подумал, а, скорее, инстинктивно почувствовал, что здесь дороги нет. Между каменной белой стеной и растущими вдоль нее кипарисами была узкая темная лазейка. Не раздумывая, подчиняясь одному чувству страха, Сергей, нагнувшись, юркнул в нее и побежал вдоль стены. Острые иглы кипарисов, густо и едко пахнувших смолой, хлестали его по лицу. Он спотыкался о корни, падал, разбивая себе в кровь руки, но тотчас же вставал, не замечая даже боли, и опять бежал вперед, согнувшись почти вдвое, не слыша своего крика. Арто кинулся следом за ним.

Так бежал он по узкому коридору, образованному с одной стороны высокой стеной, с другой — тесным строем кипарисов, бежал, точно маленький, обезумевший от ужаса зверек, попавший в бесконечную западню. Во рту у него пересохло, и каждое дыхание кололо в груди тысячью иголок. Топот дворника доносился то справа, то слева, и потерявший голову мальчик бросался то вперед, то назад, несколько раз пробегая мимо ворот и опять ныряя в темную тесную лазейку.

Наконец Сергей выбился из сил. Сквозь дикий ужас им стала постепенно овладевать холодная, мертвая тоска, вялое равнодушие ко всякой опасности. Он сел под дерево, прижался к его стволу изнемогшим от усталости телом и зажмурил глаза. Все ближе и ближе хрустел песок под грузными шагами врага. Арто тихо повизгивал, уткнув морду в колени Сергея.

В двух шагах от мальчика зашумели ветви, раздвигаемые руками. Сергей бессознательно поднял глаза кверху и вдруг, охваченный невероятной радостью, вскочил одним толчком на ноги. Он только теперь заметил, что стена напротив того места, где он сидел, была очень низкая, не более полутора аршин. Правда, верх ее был утыкан вмазанными в известку бутылочными осколками, но Сергей не задумался над этим. Мигом схватил он поперек туловища Арто и поставил его передними лапами на стену. Умный пес отлично понял его. Он быстро вскарабкался на стену, замахал хвостом и победно залаял.

Следом за ним очутился на стене и Сергей, как раз в то время, когда из расступившихся ветвей кипарисов выглянула большая темная фигура. Два гибких, ловких тела — собаки и мальчика — быстро и мягко прыгнули вниз, на дорогу. Вслед им понеслась, подобно грязному потоку, скверная, свирепая ругань.

Был ли дворник менее проворным чем два

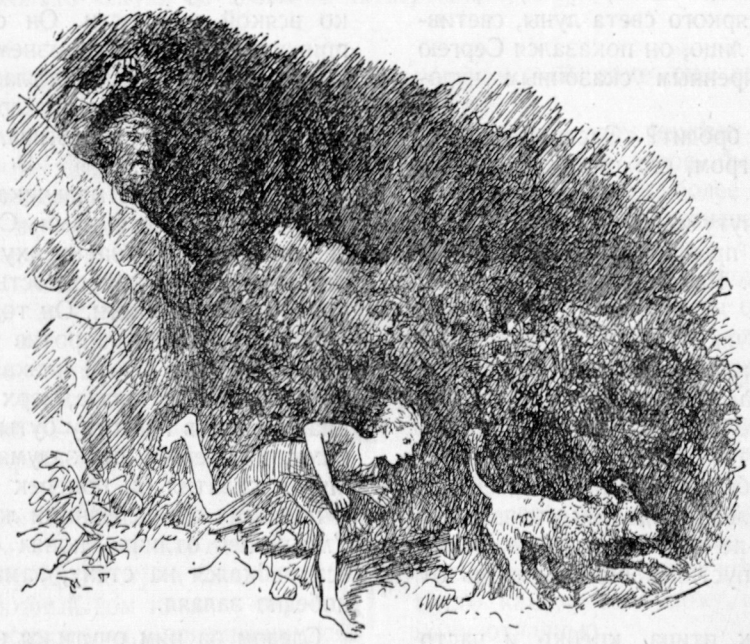
друга, устал ли он от круженья по саду, или просто не надеялся догнать беглецов, но он не преследовал их больше. Тем не менее они долго еще бежали без отдыха, оба сильные, ловкие, точно окрыленные радостью избавления. К пуделю скоро вернулось его обычное легкомыслие. Сергей еще оглядывался боязливо назад, а Арто уже скакал на него, восторженно болтая ушами и обрывком веревки, и все изловчался лизнуть его с разбега в самые губы.

Мальчик пришел в себя только у источника, у того самого, где накануне днем они с дедушкой завтракали. Припавши вместе ртами к холодному водоему, собака и человек долго и жадно глотали свежую, вкусную воду. Они отталкивали друг друга, приподнимали на минуту кверху головы, чтобы перевести дух, причем с их губ звонко капала вода, и опять с новой жаждой приникали к водоему, не будучи в силах от него оторваться. И когда они, наконец, отвалились от источника и пошли дальше, то вода плескалась и булькала в их переполненных животах. Опасность миновала, все ужасы этой ночи прошли без следа, и им обоим весело и легко было идти по белой дороге, ярко освещенной луной, между темными кустарниками, от которых уж тянуло утренней сыростью и сладким запахом освеженного листа.

В кофейной «Ылдыз» Ибрагим встретил мальчика укоризненным шопотом:

— И сто ти се сляесься, малцук? Сто ти се сляесься? Вай-вай-вай, нехоросо...

Сергей не хотел будить дедушку, но это сделал за него Арто. Он в одно мгновенье отыскал старика среди груды валявшихся на полу тел и, прежде чем тот успел опомниться, облизал ему с радостным визгом щеки, глаза, нос и рот. Дедушка проснулся, увидел на шее пуделя веревку, увидел лежащего рядом с собой, покрытого пылью мальчика и понял все. Он обратился было к Сергею за раз'яснением, но не мог ничего добиться. Мальчик уже спал, разметав в стороны руки и широко раскрыв рот.



Бойцы республиканской армии идут на поля помогать крестьянам убирать хлеб.

Капитан Энрике Монтеро

Младший из батальона танкистов

Энрике Монтеро недавно провел свой краткий отпуск в Советском союзе и уехал обратно в Испанию. Капитан Монтеро — один из выдающихся командиров республики. Эпизод, который мы печатаем, записан со слов Э. Монтеро А. Лазебниковым.

В строю на утренней поверке выстроилось многоцветное войско, одетое в рыбацкие куртки, баскские ковбойки, кожаные тужурки и пиджаки. Многие из будущих танкистов в шляпах и кепках, и только на нескольких счастливцах, которым все несказанно завидуют, — надеты настоящие танкистские шлемы.

С моим маленьким другом, танкистом Андресом Нуньо,—мы провели потом с ним четыре с половиной месяца за броней танка, громя врага у Касса дель Кампо, Арабаки, Махадаонды и Палесетты — я познакомился на... крыше. Пусть это не покажется вам смешным, но, прежде чем стать танкистами, мы стали малярами. Природа щедро раскинула защитные цвета в этом глубоком тылу республики, и только пестрые, как реклама, крыши отелей курортного городка могли открыть наше местопребывание фашистским самолетам. Четыреста курсантов, вооружившись кистями и наполнив ведра зеленой и серой краской, взобрались на крыши домиков. Жители усердно нам помогали. Мальчишки — их была целая ватага — храбро бегали по крышам, и здесь я впервые увидел Андреса Нуньо. На нем была красная кожаная тужурка и такие большие башмаки, что, казалось, нос мальчишки и носок тяжелого ботинка находились на одном уровне. Шагая по крыше домика, он подымал страшный грохот и пугал жителей.

— Друг, — сказал я ему, — ты бы лучше разводил внизу краску.

— Сержант, мне кажется, что я умею держать кисть лучше, чем разводить краску на земле, — ответил мальчик.

Он это сказал тихо, но с удивительным достоинством. Так не разговаривали наши многочисленные добровольцы — его сверстники, забравшиеся на крыши ради забавы.

Он даже покрикивал на них, приказывая пройтись еще раз кистью там, где ему казался недостаточным слой краски. И они беспрекословно исполняли его приказания.

«Неужели и этот из курсантов?» — подумал я.

В тот день я не спросил его имени. Мы почти не разговаривали, и я только невольно обратил внимание на огромные, очень толстые заплаты, нашитые кругами поверх его тужурки из красной кожи. После окончания работы я спросил мальчугана о назначении этих кожаных доспехов. Он смутился и ответил скороговоркой:

— Я их отпорю. Даю вам честное слово, сержант!

Смущаясь и путаясь, он пояснил мне, что когда он поступал в школу курсантов, мать упросила его нашить эти заплаты, надеясь, что сквозь такой слой кожи пуля не пройдет.

— Зачем срывать с себя эти прекрасные круги, — сказал я серьезно. — Они делают твою тужурку похожей на настоящую танкистскую форму.

После нескольких часов работы крыши городка даже с высокого холма казались уже непрерывной, необитаемой цепью серых и зеленых гор.

...Итак, наступал первый день учебы. Под открытым небом на зеленых террасах гор собрались курсанты, чтобы прослушать короткую речь начальника школы — полковника Паредеса. Эхо повторяло, бросая со скалы на скалу, слова коллективной клятвы:

— Республика победит! Народ будет свободным!

Какая торжественная и незабываемая минута наступает в жизни каждого учащегося, когда он чувствует, что сам может сделать то, что до сих пор умел делать только его учитель! У нас это случилось в первый же день учебы. Сначала я изображал всех: и командира танка, и механика-водителя, и командира башни. Я сам подавал себе команду и сам ее выполнял. Потом — не прошло и получаса — курсанты с трепетом начинали проделывать то же самое. И когда «красная куртка» безукоризненно отработал заводной ручкой у храповика, я невольно задал ему вопрос:

— Не приходилось ли тебе иметь дело с танками раньше?

Он был польщен моим вопросом, но не подал вида и спокойно сказал:

— Нет, мой сержант, я вижу такую машину в первый раз.

Он был без тужурки и выглядел совсем ребенком. Я спросил, сколько ему лет, он покраснел и поклялся, что ему «еще на пасху исполнилось пятнадцать лет».

— Не такой он трудный, этот танковый университет, — неожиданно заключил мальчуган, и все мы невольно засмеялись.

Да, не таким трудным оказался весь наш курс обучения. Мы рассчитывали, что по меньшей мере месяц нам понадобится, чтобы выпустить первую группу курсантов, но уже на десятый день школа отправила своих первых выпускников. Они уехали так неожиданно, что мы, инструктора, не успели даже попрощаться с нашими учениками.

Но и мы сами недолго задержались здесь: вскоре и нас вызвали в действующие части.

— Прощай, школа, прощайте, друзья! — говорили мы остающимся товарищам.

— Подбейте нам несколько «немцев» и «итальянцев» и пришлите по образцу, — напутствовали нас друзья.

Ночью мы прибыли в деревушку, откуда уже путь шел на фронт. Здесь мне сообщили, что я должен тотчас же отбыть в Фуанкараль с танком, вышедшим из капитального ремонта.

Через несколько минут я уже знакомился с моим экипажем. Механик-водитель и командир башни возились с фонариком у танка. Фары были потушены. Лейтенант из штаба представил мне в полутьме моих танкистов. У них уже немалый боевой стаж — почти десять дней непрерывных атак.

— Сержант, вы меня не узнаете?

Мне откозырял какой-то юнец, весь в кожаном облачении. Комично подставляя свое лицо под тусклый свет своего фонарика, он скороговоркой напомнил мне, что он выпускник школы и еще три недели назад вместе с Грегорио, в первой партии, был отправлен на фронт.

— Вы нас забыли! — сказал он укоризненно, продолжая освещать себя фонариком. — Меня зовут Андрес. Помните Андреса Нуньо?

И я не успел еще ответить, как он скороговоркой добавил:

— Я заводил машину, а вы меня похвалили. Это было в первый день. Помните? Вы еще меня гоняли с крыши!

Конечно, я помнил этого обстрелянного уже воина республики, которому «еще на пасху исполнилось пятнадцать».

— Мы теперь воюем вместе с капитаном, он в нашем танке.

— Я командир башни,— произнес он шопотом.

Он ждал, чтобы я, наконец, что-нибудь ему сказал.

— Горжусь, — сказал я, — что и мне придется в этом танке пробираться сейчас в Фуанкараль.

Безлунная и черная ночь. Мы вышли из городка с потушенными фарами и медленно продвигались по бесконечному шоссе.

На высоком небосводе потухали созвездия. Далеко за городом начинался рассвет. Мы шли с открытыми люками.

— На Мадрид наступает утро, — сказал Андрес.

Наш путь проходил в районе, где нетрудно было сбиться и попасть в расположение противника.

Путешествие продолжалось так долго, что я стал беспокоиться, не сбились ли мы с пути.

— Сержант, — успокаивал меня командир башни, — вы можете быть совершенно спокойны: я проведу танк и по компасу.

Мальчик забавлял нас весь долгий путь и предлагал из своего консервного запаса всевозможные лакомые блюда.

Механик-водитель Грегорио Вельгара, молчаливый юноша лет двадцати, на всякий случай снял с себя ответственность и откровенно предупредил:

— Мне кажется, сержант, мы идем не туда, куда хотим.

Но вскоре мы вступили на улицы спящего еще и погруженного в темноту Мадрида, и тогда Грегорио, не отрываясь от рычагов, спокойно сказал:

— Никогда мне не сбиться с маршрута, даже с закрытыми глазами.

Вскоре мы встретили патруль, который нас предупредил:

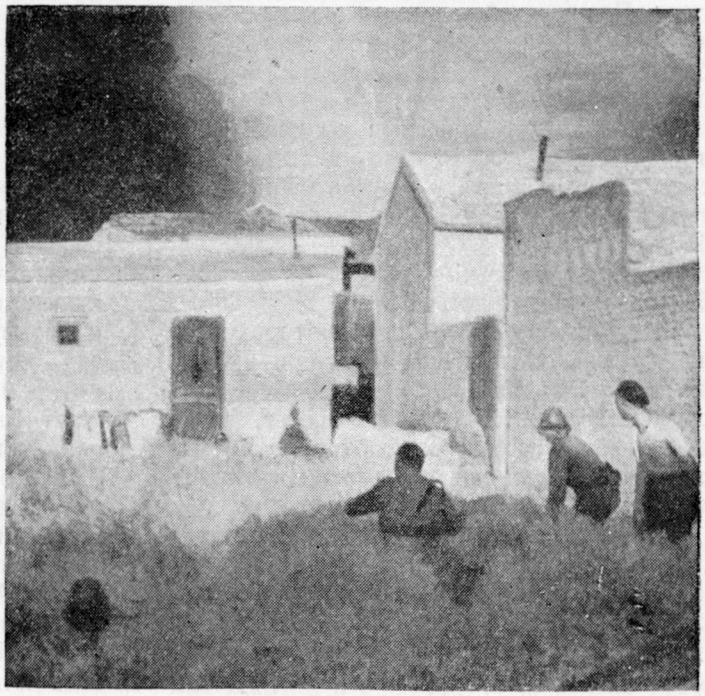
— Друзья, продвигайтесь осторожней, не так трудно попасть в руки к врагам.

Бойцы показали нам направление, и один доброволец взялся быть нашим провожатым. Он сел на багажник мотоциклета, который все время шел впереди нашего танка, и довел нас до самого Фуанкараля.

Я расскажу вам о первом бое, когда я впервые сумел оценить прекрасные качества Андреса Нуньо. Мы шли из Фуанкараля к мосту Сан-Фернандо. Наши танки были накрыты ветвями, и если бы за нами наблюдал воздушный разведчик, он мог бы решить, что лес сошел с места и странствует в поисках новой земли. Сегодня двумя танковыми колоннами мы атакуем Паласетту— маленькую деревушку, прозванную «чертовой мясорубкой».

Подается знакомая и всегда, сколько бы раз мы ни ходили в бои, волнующая команда:

— По машинам!



Отважные республиканские динамитчики бесшумно подкрадываются к позициям неприятеля (центральный фронт).

Наши две колонны расходятся в разные стороны к Паласетте. В этом местечке уже месяц шли бои с переменным успехом, и республика дорого расплачивалась здесь за каждый шаг отвоеванной земли. Немного в стороне от Паласетты стоял старинный замок. Со всех сторон его защищали скалы, и башня, где засели пулеметчики, оставалась неуязвимой для нашей артиллерии. Бойцы назвали этот замок-крепость «проклятым домом».

Центральная магистраль Паласетты—узкая асфальтированная улица—тянется метров двести и заканчивается большим фруктовым садом. Первые дома, если считать от моста Сан-Фернандо, занимал антифашистский немецкий батальон Людвига Ренна.

Последние дома к фруктовому саду были в руках марокканцев. Нейтральной зоной, раз'единявшей противников, был огромный двор за каменной стеной. Здесь осталось шумное поголовье: куры, гуси, утки, покинутые их хозяевами. В ежедневных боевых сводках дня этот двор с забором часто встречался, и Ренн даже придумал ему название — «Куриный заповедник».

Этот двор и был очень долгое время границей, которая отделяла нас от противника.

Но в день, о котором я сейчас рассказываю, мавры покинули последние по ту сторону Паласетты дома и продвигались к «Куриному заповеднику». Они решили забрать, наконец, этот выгодный и хорошо прикрытый стеной пункт.

Девять танков стояли в ожидании боя в лесу. Задача заключалась в том, чтобы с двух сторон зажать и уничтожить противника. Это нужно было выполнить во что бы то ни стало.

— Салют, друзья!—кричу я им вслед.— Да здравствует счастье!

Мы слышим тающий шум моторов первой маленькой колонны и вскоре уходим влево, между Паласеттой и Университетским городком. Прекрасное шоссе, нигде еще не изрытое снарядами, открывается перед нами. Маленький Андрес предупреждает меня, и в голосе его слышится грусть:

— Смотрите вправо.

Я вижу через телескопический прицел почерневший от огня танк. Он погиб здесь семь дней назад и три бойца республики нашли в нем могилу. Мы отдаем честь, проходя мимо наших друзей-героев. Чувство ненависти и желание победить во что бы то ни стало сильно сейчас, как никогда. В отверстие я вижу два танка, которые следуют за мной. Они идут хорошо, и от того, что так уверенна их походка, немного рассеялась грусть от только что происшедшей встречи.

Впереди разрывы снарядов. Это стреляют наши. Дорога идет в гору. И появление танков неожиданно для противника, засевшего в фруктовом саду. Выскочив на пригорок, мы увидели, как спокойно лежали под деревьями, не ожидая нашей атаки, марокканцы.

— Пулемет!— кричу я Андресу и чувствую, что никогда еще этот маленький друг не был так близок мне, как в этот волнующий миг вступления в бой.

Наш огонь начинает бушевать в тихом фруктовом саду. Враг совсем рядом: ясно видны даже лица бегущих. Мы мчимся вперед. Я не узнаю сейчас моего командира башни. Он кричит в исступлении и так громко, что, кажется, там, за броней, марокканцы должны услышать его яростные выкрики.

— Ловите, это вам! — кричит он, чтобы придать себе храбрости, подавая снаряд.

У него очень много разных обращений, всегда злых и издевательских:

— Ну, не бросайтесь же все сразу, хватит на всех!

Изливая свою злобу, он повторяет, чертыхаясь:

— О, как я ненавижу вас, макарони[1]!

Когда мы поровнялись с садом, я увидел, что две машины из первой группы, ушедшие в Паласетту, ведут огонь. «Значит, прошли!» — радуюсь я. Теперь бойцы батальона Людвига Ренна используют уже краткий миг замешательства врага, поднимаются и бегут вперед среди разрывов снарядов и треска пулеметов. Противник покидает чудесный сад, и мы преследуем из пушек вражеские группы, скатывающиеся к обрыву. Дальше нам идти некуда. Справа — крутизна, впереди — густой лес, по которому мы стреляем беспрестанно: там ищут спасения отступающие в панике марокканцы...

Много раз мы ходили в бой с Андресом и Грегорио. И сейчас, когда вспоминаешь все наши удачи и неудачи, трудно выбрать самый интересный день: ведь их было так много! Андрес Нуньо считался во всем нашем батальоне самым метким стрелком и у Араваки однажды подбил в течение получаса четыре немецких танка. В его послужном списке бойца было, пожалуй, не меньше двух десятков таких трофеев.

Мы все время дрались на центральном фронте, совсем недалеко от Мадрида, но ни разу нам не удавалось отлучиться в город. Однажды—я помню, это было в мае— Нуньо получил письмо от своих стариков. Андрес, смущаясь и краснея, передал его мне. Я быстро прочитал маленькое письмецо. Родители поздравляли своего сына с исполняющимся завтра его пятнадцатилетием.

— Значит, сегодня тебе еще четырнадцать?

Андрес утвердительно кивнул головой.

— А как же «пасха»? — спросил я улыбаясь.

---

[1] Презрительная кличка итальянских интервентов.

На арагонском фронте перед боем. Подростки-республиканцы начиняют порохом гильзы снарядов.

— Пасха была придумана для комиссии, принимающей в школу.

Я обещал моему боевому другу совместно с ним и всеми его родными отпраздновать завтра славное пятнадцатилетие танкиста под крышей его родного дома. Я готовил сюрприз Андресу. К дому Нуньо мы подкатим на нашем маленьком броневичке всем экипажем.

Рано утром мы заправили машину и с разрешения генерала Пауля Лукача, нашего командира и большого друга, поехали в Мадрид. В нашем распоряжении было только три часа. За это время мы должны были попасть к кино Риальто — там недалеко жила семья Андреса Нуньо — и прибыть обратно к девяти часам утра. Грегорио за рулем. Он побрился и даже нарядился в лучшее, что у него было.

— Честное слово, обалдеют! — непрестанно повторял Андрес. — Ведь нас никто не ждет!

В семь утра мы были уже у дома Нуньо. Андрес был в своей красной тужурке с фантастическими заплатами на груди: это забытое свое облачение он надел специально для матери.

— Пусть думает, что это мне в самом деле помогает.

Толпа сверстников и друзей Андреса окружила нас.

— Андрес, это твоя машина?

— Нет, моя машина пострашней этой коробки, — сказал Андрес.

Мы переступили порог дома и только через пятнадцать минут в полумраке передней увидели, наконец, Андреса, вырвавшегося из рук многочисленных родственников.

Через час наш маленький броневик был заполнен необычными «боеприпасами»: это были носки собственной вязки и бесконечные свертки и мешочки, наполненные вкусными произведениями матери Андреса. Он был счастлив: мы всех застали дома и теперь можем умчаться отсюда до следующего торжественного дня. Только последнее напутственное слово матери — чудесной женщины, отдавшей трех своих сыновей фронтам республики — вызывало смущение пятнадцатилетнего воина.

— Берегите моего Андреса,— попросила она меня и матерински коснулась моей щеки большой и теплой своей рукой.

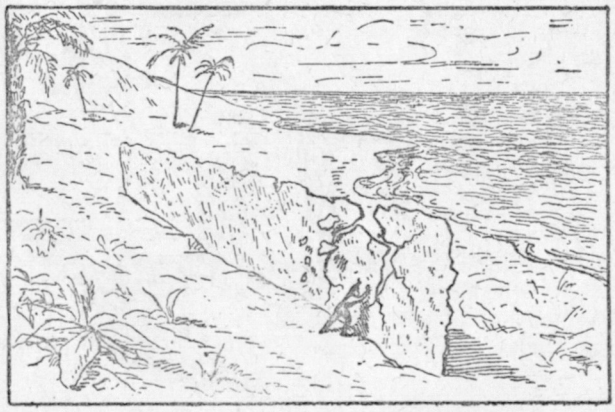
Мать трех бойцов величава и спокойна. Я знаю, что такие матери не плачут.

— Мама, как тебе не стыдно!—смущенно говорил младший из воинов семьи Нуньо.

— Андрес, — прошептал я, — даю тебе слово, что когда мне исполнится двадцать три и мы поедем к моей матери, она попросит тебя о том же.

Большие тяжести

Сергей Григорьев



1. СКАЛА ВЕСОМ В ТРИ ТОННЫ

Знаменитый американский изобретатель Эдисон незадолго до своей смерти об'явил нечто вроде научно-технической викторины. Он задал 57 вопросов из физики, химии, математики и просто житейских. В игре могли принять участие молодые американцы, только что окончившие среднюю школу, по одному от каждого штата. Участника викторины выбирал из «отличников» губернатор штата.

Приз был один, и очень ценный. Молодой человек, ответив правильно на все 57 вопросов, делался стипендиатом Эдисона, должен был окончить свое образование под личным руководством этого инженера-кудесника. Победителем викторины оказался Вильбур Гэстон, ему и присудили награду.

Вопросы этой викторины были опубликованы. Вот один из них: «Если бы вас высадили на один из тропических островов Тихого океана без всяких орудий, как сдвинули бы вы там с места трехтонный груз— скалу, имеющую 100 футов в горизонтальном протяжении и 15 футов в вертикальном?»

Вопрос этот породил целую литературу. В Германии вышла даже книжка, посвященная разбору этого вопроса и возможным на него ответам.

Одни считали, что вопрос задан неверно, другие,— что он коварно формулирован и задан лукаво, третьи спрашивали: а растут ли на этом острове деревья, есть ли там дикие звери, и почему скала находится именно на тропическом острове в Тихом океане? Быть может, там есть коралловые рифы. И нет ли там вулканов? И прочее и тому подобное.

Ответ Вильбура Гэстона на вопрос этот неизвестен. У меня есть на него свой ответ, но я его скрою. А сообщу сначала тем, кто незнаком с книжкой «Знаете ли вы физику?» Я. И. Перельмана, его ответ.

Скала весом в 3 тонны имеет об'ем в 1 кубический метр, если считать удельный вес камня равным 3. При длине скалы в 100 футов (30 метров) и высоте примерно в 15 футов (5 метров) она была бы толщиной всего в 7 миллиметров! Я. И. Перельман говорит, что опрокинуть такую скалу можно «буквально голыми руками». На острове возвышалась тонкая стена из камня всего в 7 миллиметров толщины. Чтобы подобную стену опрокинуть, достаточно упереться в нее руками или плечом. Но и самое существование такой скалы невероятно: ее опрокинул бы первый легкий ветерок.

Ответ правильный, и расчет правильный. Но обратите внимание на то, что этот ответ, правильный физически и арифметически, не заключает в себе технического решения задачи. «Сдвинуть с места»— не значит разрушить. А если бы вы уперлись, по совету Я. И. Перельмана, в

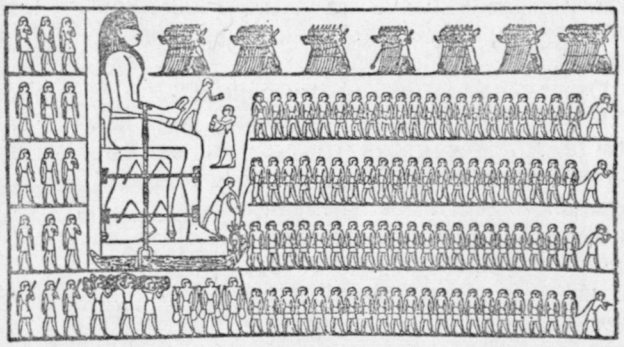
фантастическую гранитную стену толщиной в 7 миллиметров голыми руками, то, наверное, выдавили бы в ней дыру, а стена осталась бы в лучшем случае неподвижной, в худшем — стена разломится на куски, и, пожалуй, один из них чувствительно ударит по голове отважного участника викторины.

Как видите, вопрос буквально головоломный!

2. ЕГИПЕТСКИЙ КОЛОСС В 1500 ТОНН

Продолжим нашу викторину. Не подвергая участников викторины головоломной опасности, будем тотчас за вопросом давать и ответ.

ВОПРОС. Как поступили бы вы, если бы вы были 4 тысячи лет назад египетским инженером и вам поручили доставить из каменоломни монолитную статую, высеченную из одного куска камня, весом примерно в 1500 тонн? В вашем распоряжении все технические средства и вся власть, какой располагали египетские инженеры 4 тысячи лет назад. Полный ответ на этот вопрос дает прилагаемое древнеегипетское изображение. Иногда, вместо того чтобы подстилать под сани солому или тростник, египтяне подкладывали под полозья деревянные катки.

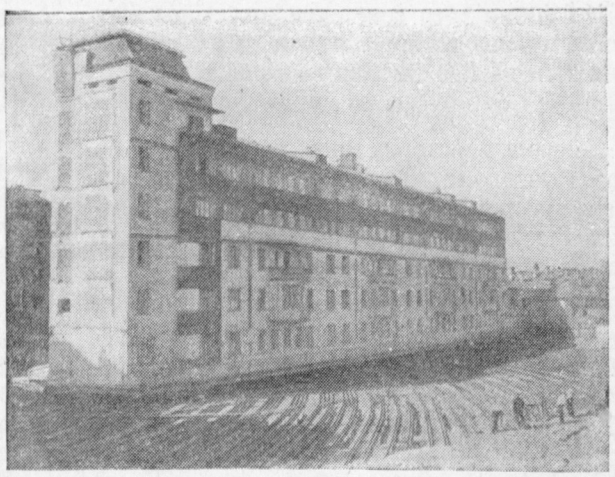


3. ДОМ В 5 ЭТАЖЕЙ ВЕСОМ В 10 ТЫСЯЧ ТОНН

ВОПРОС. Как поступили бы вы, если бы были советским инженером и в 1937 году вам поручили быстро передвинуть дом в 5 этажей весом до 10 тысяч тонн на расстояние в 58 метров?

Ответ дает рисунок, изображающий передвижку дома № 77 по Садовнической улице, у Краснохолмского моста, в Москве, в июле 1937 года. Дом мешал постройке моста.

Под дом подвели жесткую раму из железных балок. Площадку, по которой передвигали дом, укатали щебнем; на ней уложили шпалы, поверх них — деревянные брусья, а на брусья — рельсы. По этим рельсам на 1200 стальных катках дом передвинули с помощью 200 электрических домкратов мощностью в 2½ киловатта каждый. Водопровод, канализация, газ, электричество, радио и телефон действовали во все время передвижения дома через временную проводку и гибкие трубы (шланги). Нормальная жизнь в доме не нарушалась. Жители не чувствовали ни одного малейшего толчка. Дом не дал ни одной трещины. На новом месте дом опустили и поставили на заранее подготовленный фундамент.



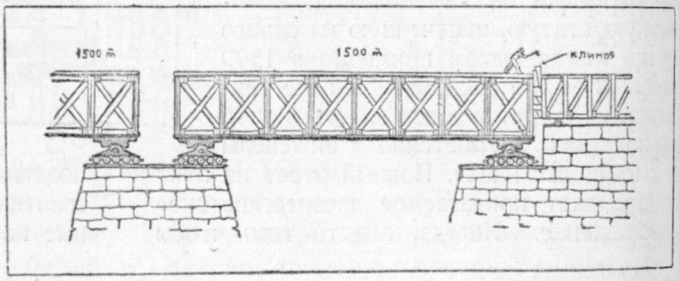
Дом уже передвинут. Видны рельсы, по которым его двигали.

4. ЖЕЛЕЗНЫЙ МОСТ ВЕСОМ В 3 ТЫСЯЧИ ТОНН

ВОПРОС. Как поступили бы вы, если бы вам в 1937 году поставили следующую техническую задачу? При сборке моста во время установки железных ферм (пролетов) на опоры — каменные быки — понадобилось 2 фермы передвинуть вдоль моста (по его длине) на 120 миллиметров, а конец каждой фермы — на 60 миллиметров поперек. Каждая ферма моста весила 1500 тонн. Обе фермы стояли концами на временных катках.

Ответ совершенно неожиданный!

Мы видели в Москве передвижку дома весом в 10 тысяч тонн на десятки метров. Видели и передвижку на катках старого Крымского моста на временные опоры. После этого предлагаемая задача кажется пустой: всего на 120 миллиметров! В вашем распоряжении электрические домкраты, краны, лебедки, сотни рабочих, десятки инженеров, вы располагаете энергией (электрической или другой) в неограниченном количестве, хоть тысячи киловаттчасов!



Как вы поступите? Не ожидая вашего ответа, я для простоты скажу сам, как поступили советские мостовики для разрешения именно этой задачи при монтаже моста через Дон в 1937 году.

Пользуясь трудом одного рабочего, вооруженного только одним молотком и несколькими железными клиньями, они передвинули пролеты моста в заданное положение.

Но кроме того советские инженеры воспользовались самым могучим из доступных нам источников энергии — солнцем.

Мост был передвинут солнечной энергией!

Впервые в истории мировой техники, по предложению инженера треста «Стальпромеханизация» тов. Шипакина, солнце выполнило, повинуясь руке одного рабочего, такую солидную работу.

Ранним летним утром между концом пролета, стоящего на катках, и соседним пролетом, уже установленным прочно на постоянные опоры, рабочий забивал несколько железных клиньев дооткказу. Вставало солнце и нагревало мост. От нагревания все тела расширяются. От солнечного нагрева мост удлинялся в сторону свободного конца фермы, так как другой ее, заклиненный конец, упираясь в соседнюю ферму, не мог перемещаться. Удлинение фермы днем составляло 20 — 25 миллиметров. Ночью, при охлаждении, ферма сокращалась. Она стояла на катках обоими концами, поэтому укорочение от охлаждения происходило к середине, и клинья со стороны упертого конца ослабевали. Можно было забить между упором и передвигаемой фермой еще клин толщиной до 15 миллиметров. На следующие сутки все повторялось в том же порядке. Понадобилось 5 суток, чтобы сначала одна ферма, а затем и другая стали точно на свои места. Один рабочий затратил на всю операцию всего 8 часов. Чтобы пролеты сдвигались не только вдоль, но и поперек, катки на одном из концов пролета были установлены несколько наискосок.

Можно спросить: почему наши мостовики прибегли к такому оригинальному способу, почему вместо того, чтобы применять мощные домкраты, они заставили работать солнце? Да потому, что общее расстояние передвижки очень небольшое и установка фермы должна быть **очень точная**. Это не то, что перекатка пятиэтажного дома на десятки метров! При передвижке моста несколько наискосок с точностью до миллиметра было бы трудно согласовать работу нескольких домкратов.

И что важнее всего: основное правило инженерного искусства говорит, что всякую техническую задачу надо решать в кратчайший срок с наименьшей затратой сил и средств, самым простым из всех возможных способов.

Укротитель

М. Лоскутов

На фотографии изображен человек, которого душит змея. На лице его написано страдание, и руки пытаются разжать кольцо змеи, толстой как полено.

Задушит змея человека или нет? Действительно ли он с таким трудом хочет освободиться от змеиных об'ятий, или это только поза для фотографа или публики?

Человек, идущий по проволоке, вдруг начинает насвистывать веселую песенку. У него совершенно равнодушное лицо, и публика не знает, что сейчас в его работе—самый опасный момент, полный большого риска. Но вот циркач просит публику быть тише, оркестр перестает играть, артист садится на велосипед и катится на нем по трубе кверху ногами. Тревогу он создает нарочно: он-то прекрасно знает, что в этом меньше риска чем в хождении по проволоке.

Так и не поймешь этих хитрецов, когда они серьезно волнуются и когда спокойны.

Помню, еще мальчиком я был в цирке и смотрел на тигров за решоткой. Клетка была у самого моего носа, и мне все казалось, что какой-нибудь тигр схватит меня лапой. Такое же ощущение было у всей публики. Она с волнением смотрела на беснующихся в двух шагах зверей, с которыми укротитель никак не мог справиться.

Только один какой-то пожилой зритель смотрел спокойно.

— Мудрует, — говорил он, показывая рукой на укротителя, который в волнении скакал по арене.

— Как мудрует?

— Форсит. Пыль в глаза пускает для публики.

С тех пор в мою душу закралось сомнение насчет укротителей. Неизвестно, где серьезно, а где нет.

На огромном плакате нарисован человек в русской рубахе, с локонами на голове. Он повалил медведя и раскрывает ему пасть. А вокруг расположились львы, собаки, белые медведи и смотрят на эту борьбу.

«Русский богатырь. Борьба человека с медведем» — написано на плакате.

«Бурые и белые медведи и львы. Комбинированная группа зверей в одной клетке» — изображено на всех заборах.

В Москве все знают, что это Николай Павлович Гладильщиков, первый советский укротитель, показывающий свой замечательный номер в цирках столицы.

Многие видали его работу в цирке и благодарны ему за интересное и поучительное зрелище. Многие помнят его лицо и фигуру на афишах. Но на афишах он то в костюме русского богатыря, то в ковбойке, то в индийской чалме. Встретив его на улице без чалмы, в обыкновенной шляпе, многие так и не узнали бы его. Конечно, в жизни он чалму не носит. Это только для арены.

В жизни это простой и тихий человек. Мы недавно были у него в гостях и видели, как он живет и работает за кулисами.

Живет он в комнате вчетвером: он, жена, змея и обезьянка.

Змея живет в большом деревянном ящике. Зовут ее Крошка. Весит Крошка несколько пудов. Лежит она в ящике, закрытая подушками, так как любит тепло, и дремлет. Пока она видит свои змеиные сны, Николай Павлович сидит на ящике и держит на руках обезьянку. Обезьянка дрожит и косится на ящик: она не особенно дружит с удавом. Да и характер у змеи не особенно дружелюбный. Хорошо к ней может относиться только, разве, Николай Павлович, очень любящий всяких животных.

Недавно она сожрала пятого обитателя квартиры. Это был бульдог Пепо, любимая собачка Гладильщикова. Он куда-то вышел, а удав молниеносно обхватил бульдога своими кольцами и задушил. Когда прибежал хозяин, собаку уже спасать было нечего; нужно было спасать удава: если он проглотит собаку с медным ошейником, то повредит себе внутренности. Николай Павлович успел только щипцами разорвать ошейник, а от собаки и след простыл.

Поэтому змея теперь вылезает из своего ящика только для представления или фотографироваться. Для этого вытащили ее и мы. Вернее, не мы, так как вдвоем с приятелем мы ее не подняли бы, а Гладильщиков, человек необыкновенной силы. В прошлом он не только укротитель, но и всероссийский чемпион по французской борьбе и по поднятию тяжестей.

Поэтому он поднимает змею двумя руками и кладет себе на плечи. Удав медленно обхватывает плечи, ползет, плавно изгибая свои кольца.

Он пытается обвить шею: это инстинкт удава, — но Гладильщиков одной рукой отводит его тело в сторону. Тогда кольцо появляется над головой и другая рука должна отвести его.

Рука не должна довести смыкание кольца до того предела, когда уже обеими руками нельзя будет вырваться. Кроме огромного напряжения мускулов здесь необходимо и постоянное внимание. Были случаи, которые чуть не стоили Гладильщикову жизни.

Поэтому фотография со змеей правильна. Тут и то и другое: и поза для арены и действительно огромное напряжение очень ответственно работающего человека.

Лев и медведь подвергались докторскому осмотру и должны были быть засняты в момент осмотра. Но ничего из этого не вышло.

Были закрыты все двери. Врач надел белый халат. От клеток до амбулатории были удалены все лишние люди. Из амбулатории были вынесены все хрупкие предметы. Львенок величиной с огромного пса приведен Гладильщиковым и помощником в амбулаторию и выпущен. И вот мы остались в комнате со львом.

Он ходит около меня и обнюхивает мои ноги. Он знакомится со всеми присутствующими и новыми предметами, и все стоят молча, ожидая, пока он успокоится.

Это острое чувство соседства со львом должен был когда-то испытать укротитель, впервые встретившийся со зверем.

Теперь он остается в клетке со львами и медведями ежедневно. Это профессия. Что должен ощущать человек, работая по такой редкой специальности?..

Фотографии нам сделать не удалось: свету было мало; дело было дрянь, на языке фотографов, — сплошная «шевеленка». Львенка увели и привели огромного медведя. Его повалили, но он вырывался. Я смотрел на человека, который поворачивал медведя, раскрывал его пасть. Гладильщиков был без ковбойки и чалмы, в обыкновенном пиджаке. Он утирал пот со лба и, видимо, устал. Никакой музыки и блеска арены не

Николай Павлович Гладильщиков и его Мишук.

было. Докторский стетоскоп, которым выслушивают у медведя сердце; обычные докторские вопросы. Но все это внушало еще большее уважение к этому человеку, который отдал себя напряженнейшей работе среди зверей и со зверями.

Когда-то давно среди лесов западных наших окраин жил у одного лесника внук. С дедом он «лесовничал» и охотился. Здесь и зверей полюбил, как и вообще всякую природу. Да только никогда бы не мог сказать, что станет когда-нибудь укротителем.

Подрос — уехал в город, учился в университете, в родной Торопец приезжал только поохотиться, по лесам побродить. А потом фронт, борьба с бандитами, с кулаками в тех же лесах. Стал Гладильщиков красным командиром.

Однажды в городе Торопце, на уездной сельскохозяйственной выставке, народ собрался вокруг необыкновенного экспоната: старый мельник привез живого бурого медведя и посадил его на цепь, а сам пошел стопку выпить.

То ли обиделся медведь, что его мельник не пригласил, то ли народ его раздразнил, только рванул он цепь, и цепь лопнула. Народ — врассыпную. А один какой-то мальчуган зазевался. Медведь на него. Повалил мальчика. Тот закричал, но помощи ждать было неоткуда.

Вдруг из толпы выскочил человек в красноармейской шинели, бросился на медведя, и начали они бороться.

Медведь был силен, но человек оказался еще сильнее. Это был Гладильщиков. Он привязал медведя опять к столбу. А тут и мельник подоспел. Видит, что наделал его экспонат, стал просить, чтобы убили его медведя или взяли от него куда-нибудь.

— Не надо убивать. Лучше продай мне его, — сказал Гладильщиков. — Зверь чудесный. Из него толк выйдет.

Купил он медведя, потом демобилизовался из Красной армии и думает: «Что же мне теперь делать с медведем?» И решил ездить по деревням, показывать французскую борьбу с медведем, рассказывать о значении физической культуры.

Так и поступил. Ездил на санях с медведем по городам и селам, боролся с ним и

читал лекции. Время тогда страна переживала напряженное: людям не хватало еды, а не то что медведям. И частенько Мишук питался вместо мяса жмыхами. А однажды, в буран, Николай Павлович пошел дорогу поискать, а медведь навалился на лошадь. Та бросилась скакать, а медведь вцепился ей в спину, так до жилья и доскакал верхом. Тут насилу его угомонили.

Известно, что медведь есть медведь и образовать его очень трудно. Гораздо даже труднее, чем бороться с ним.

Но Гладильщиков кропотливо продолжал обучать Мишука.

Выучил он медведя и решил в столице попробовать свои силы. Очень волновался на пробном спектакле в «Аквариуме» Гладильщиков, а медведь — еще больше: свет и музыка его раздражали. Но прошел спектакль хорошо, и с Гладильщиковым подписали первый контракт.

Потом четвероногий артист стал работать не только на сцене: его пригласили и в кино. Есть картина «Медвежья свадьба». Там медведь в лесу нападает на женщину и тащит ее. Это Мишук Николая Павловича. Научил Гладильщиков медведя как следует, и тот все выполнил на «отлично»; даже по снегу женщину катил бережно, точно ком снега.

Но с другой картиной вышло хуже. Снимали «Северную любовь». Во время инсценировки охоты было приказано не стрелять, а кто-то выстрелил. Медведь раз'ярился, повалил Гладильщикова и стал его рвать. А все остальные разбежались. Тогда Николай Павлович ухватил зверя за язык рукой и не выпускает. Выдержка и находчивость спасли его.

Стена, увешанная афишами прежних представлений, парадные фотографии, запылившийся реквизит в углу, пожелтевшие вырезки из газет — в комнате. Внизу запах конюшни, вечная возня зверей, рычанье....

Между двумя рядами клеток идет человек в высоких сапогах. Он подходит к старому льву и протягивает ему палец, покрикивает на медведя. Тут все его старые знакомые и приятели. Но с этими приятелями не шути: человек обернулся спиной ко льву, а тот уже протягивает через решотку лапу. Укротитель настороже, он оборачивается и грозит льву пальцем...

Однажды при перевозке лев Гладильщикова поранил мальчика, который подошел слишком близко к вагону с клеткой. Другой раз лев Таймур прыгал во время спектакля через огненный обруч, и на нем загорелась шерсть. Звери раз'ярились. Лев убил дога и напал на медведя. Другой лев набросился на Гладильщикова и начал его рвать. Весь в крови, укротитель загнал все-таки зверей в их клетки.

Можно было бы много рассказать еще происшествий.

Но гораздо труднее рассказать о тех днях, в которых нет происшествий. Это ежедневная, очень трудная и самая важная работа укротителя со зверями.

День укротителя начинается на арене с рассвета и кончается в конюшне ночью. Ежедневные репетиции и кропотливая работа со зверями — это путь к звериному сердцу, к взаимному пониманию.

Особенно труден этот путь был вначале, когда укротитель задумал неслыханное дело: выпускать на арену вместе разных зверей: медведей бурых и белых, собак, львов, змею и крокодила.

Ученых зверей на свете не так уж и много. Те, которые находятся в Зоопарке, ни прыгать в обруч, ни на бочках кататься не могут. А попробуй им мясо из своего рта дать — они с головой откусят.

И вот, когда выступает Н. П. Гладильщиков на арене и дает кусок мяса льву из своего рта, нужно представить, сколько труда и терпенья потрачено на это.

И теперь, когда я смотрю на представление укротителя Гладильщикова, я иначе вспоминаю того дядю в цирке, что насчет «пыли в глаза» говорил. Я знаю, что Гладильщиков не «форсит» и нет здесь револьверов-хлопушек, как у иных укротителей. Это—настоящее мужество и работа, опыт и самообладание.

Недавно в газетах было напечатано происшествие. В одном цирке девочка неосторожно подошла к клетке со львом, и тот поранил ее. А вечером тот же лев поранил и самого Гладильщикова, и его отправили в больницу.

Сейчас укротитель выздоровел и опять работает. Что же касается девочки, то она, наверное, тоже выздоровела. А случай тот говорит, что к клеткам не нужно подходить близко и, кроме смелости, нужна осторожность, зоркость и находчивость.

Летающая станция

Фантастический роман Г. Гребнева *Рисунки Ю. Кискачи*

Часть третья

Мертвецы ведут себя словно живые

Субмарина архиепископа-пирата Куроды согнала с Северного полюса газопонтонную станцию; нитроманнитовые мины крестовиков превратили в пустырь маленький благоустроенный островок в архипелаге Вейпрехта—Пайера; белоголовый мальчик, снедаемый жаждой полярных подвигов, опущен на дно океана, в загадочное логово последних контрреволюционеров. Таков краткий список событий в Арктике за 24 дня — с 21 мая по 15 июня — этого памятного для многих года. Но Земля не изменила из-за этих событий своего пути в мировом пространстве, и люди не перестали трудиться, смеяться и видеть солнце. Конференция по выработке единого алфавита собралась в Париже. Профессор Британов готовился к докладу о своем историческом опыте на внеочередном всемирном с'езде биологов. Обе партии экспедиции Ливена стояли на берегах Гибралтарского пролива, готовые в любую минуту, по первому слову своего начальника, послать в глубь земли солидные заряды радия.

Тем не менее инцидент в Арктике продолжал занимать умы миллионов людей. Арктические корреспонденты не забывали ни на минуту о последнем выступлении заместителя председателя Верховного Совета, и радиогазеты по нескольку раз в день возвращались к этой теме. 15 июня газеты передали, что через два дня после выступления по «Гениозору» Джо Аткинса известный французский ученый, профессор Оноре-Жан Ливен, сын автора проекта Гибралтарской плотины Оноре-Жака Ливена, и молодой испанский инженер Силера посетили на Диксоне, в городе Арктания, председателя Чрезвычайной арктической комиссии и долго беседовали с ним. Но сенсацией стало сообщение о том, что политический авантюрист Шайно, называющий себя апостолом Петром, вступил в переговоры с Чрезвычайной комиссией и комиссия согласилась выслушать его представителя на экстренном своем заседании.

Это заседание состоялось в Арктании в тот же день, 15 июня, в 20 часов 30 минут. В просторном кабинете начальника воздушных путей Арктики собрались члены Чрезвычайной комиссии. Пришли специально приглашенные на заседание Владимир и Ирина Ветлугины, профессор Ливен с инженером Силера. Последними явились старик Андрейчик и Рума.

Представитель крестовиков барон Курода должен был появиться на экране стереовизора ровно в 20 часов 30 минут. Курода собирался разговаривать с комиссией из своей субмарины, предварительно пообещав, что если большевики во время переговоров попытаются захватить субмарину, в ту же минуту сын безбожника Ветлугина, арестованный на льду воинами сына господня при попытке напасть на них с ножом в руках, будет пригвожден к кресту.

Барон Курода появился на экране точно — секунда в секунду. Он возник на сафьяновом поле стереовизора очень прозаично: внезапно на экране в глубине комнаты перед членами комиссии и приглашенными уселся в кресло крохотный старичок с зеленоватым лицом, косоглазый и скуластый, похожий на злых старух классических японских гравюр. Архиепископ военно-морской епархии был чистокровным самураем. Одежда на старичке была незамысловатая: военная серая гимнастерка крестовиков с опрокинутым черным крестом, нашитым на спине и на груди, рейтузы стального цвета, желтые краги. Когда-то этот человек хладнокровно пускал ко дну пассажирские теплоходы с женщинами и детьми, топил торпедами японские мятежные крейсера с революционными командами, обстреливал портовые города нитроманнитовыми снарядами. Сейчас он был уже нестрашен никому. Даже маленький индеец-курунга независимо и враждебно поглядывал на изображение своего недавнего властелина. И только Ирина Ветлугина с ужасом смотрела на раскосого старичка: она знала, что этот человек, сидящий сейчас в своей субмарине где-то во льдах, в любую минуту может послать ее ребенка на мучительную, варварскую смерть.

Молчание продолжалось почти полминуты. Наконец, председатель Чрезвычайной комиссии, розовый человек с блестящей бритой головой, сказал:

— Мы готовы выслушать ваше заявление.

Японец шевельнулся, но глаз не поднял (он как уселся в кресло, как заслонил дряблыми красноватыми веками свои глаза, так и сидел, не шевелясь, словно буддийский божок). Заговорил он по-английски:

— Я не говорю по-русски. У вас есть переводчик?

Голос у него был резкий, как скрежет ножа о тарелку.

— Я думаю... — председатель обвел глазами всех присутствующих. — Я полагаю, здесь все понимают по-английски.

Все закивали головами.

— За исключением одного, — сказал дед Андрейчик. — Но это ничего: я Руме потом все изложу досконально.

— Его святость господин апостол, — вяло сказал Курода, — изволил приказать мне, чтобы я передал вам следующее. Его святость господин апостол много лет назад изволил покинуть ваш греховный мир и удалился в далекую обитель. Его святость господин апостол изволит все свое время проводить в посте и молитве. Это единственно, в чем его святость господин апостол видит цель всей своей дальнейшей жизни. Устремления его святости господина апостола разделяются всеми господами архиепископами, также покинувшими мир греха и соблазна. В том числе и мною. Нам ничего не нужно от вашего мира, и мы хотели бы, чтобы ваш мир также оставил в покое нас.

Курода замолчал, минуту подумал и продолжал все так же нехотя:

— Его святость господин апостол приказал передать, что готов отпустить своего пленника с миром, но не ранее, как после освобождения вами сына его святости.

Наступило молчание.

— Все? — спросил председатель.

— Все, — безразличным тоном ответил японец.

— Прежде чем мы вам дадим ответ, разрешите задать несколько вопросов? — сказал председатель.

— Разрешаю, — сказал Курода. — Но предупреждаю, что отвечу только на те из них, на которые сочту нужным ответить.

— Хорошо. Скажите: зачем вашему апостолу понадобились орудия, мины и прочее вооружение, если он, как вы говорите, удалился из мира для поста и молитвы?

Японец попрежнему не поднял глаз, но в голосе его все почувствовали явную иронию.

— Его святость господин апостол, — сказал он, — опасается, что посторонние люди помешают его молитве. Оружие его святости нужно лишь для ограждения своего покоя.

— Так. Разрешите тогда спросить: разве кто-нибудь из жителей поселка на острове Седова нарушил покой вашего апостола?

— Да, его нарушил беглый индеец.

— Чем?

— Тем, что он ушел от своего господина.

— У кого еще есть вопросы? — спросил председатель.

Переговоры начинали походить на общее собрание, когда докладчику задают вопросы.

— Скажите, — спросил Ветлугин, — это вы хотели видеть меня? Я говорю об одном посещении станции неизвестными мне людьми, когда я был в Арктании.

— Нет, — скучным голосом ответил Курода.

— Зачем вы украли моего сына и для чего держите его у себя? — тяжело дыша, спросила Ирина.

— Вопрос задан в оскорбительной форме. Я на него не отвечаю.

Курода, видимо, тяготился допросом, и только какие-то дипломатические соображения заставляли его продолжать переговоры.

— Разрешите мне вопрос, — по-русски сказал дед Андрейчик.

— Пожалуйста,—разрешил председатель.

— Известно ли тебе... — начал дед Андрейчик по-русски и запнулся. — Известно ли вам, — продолжал он по-английски, — как ушел мальчик-индеец из вашей норы?.. Виноват, я хотел сказать из вашей обители.

Все насторожились. Председатель посмотрел на деда Андрейчика укоризненно: вопрос был явно нетактичным.

И вдруг японец поднял опущенные веки. Поднимал он их медленно и тяжело, как гоголевский Вий. Поднял, прищурился и отыскал в углу деда Андрейчика. Глаза их встретились: голубые лукавые — у старого радиста и черные настороженные — у Куроды.

— Известно, — нетвердо сказал японец.

Дед Андрейчик захохотал.

— Врешь! — крикнул он и вскочил с места.

Раздался шорох выключенного радиофона, и экран опустел.

Рума тоже вскочил и, гневно поводя глазами, приготовился защищать деда Андрейчика.

Маленький курунга успел привязаться к старику за эти несколько дней. Во все время беседы с Куродой здесь, в кабинете, он лишь несколько раз глянул враждебно на изображение японца и безразлично — на председателя. С деда Андрейчика же Рума не сводил преданных, обожающих глаз. Он, наверное, искренно полагал, что во всей этой церемонии главная роль принадлежит его учителю и другу. И когда дед Андрейчик возбужденно выкрикнул какое-то слово и вскочил, Рума тоже вскочил, ибо привык уже во всем подражать старику.

— Это вы напрасно, товарищ Андрейчик, — сказал председатель. — Вы его спугнули раньше времени.

— Извините, товарищи, трудно удержаться, когда видишь перед собой живого палача и бандита.

— Мало ли что, — сказал один из членов комиссии. — Нам тоже трудно было смотреть на него. А раз надо, значит смотри и вежливо разговаривай.

— Ну, вы все-таки помоложе, вы совсем другой народ,— посмеиваясь сказал старик.

Рума ткнул пальцем в экран, потом со всего размаху хлопнул себя по щеке.

— Он... мне... вот!.. — сказал он деду Андрейчику ломаным русским языком и прибавил, совершив чудовищное усилие губами и нёбом: — Факт!

Председатель Чрезвычайной комиссии обвел глазами всех присутствующих.

— Конечно, это наглость,—сказал он.— Конечно, нам смешно выслушивать их наглые требования. Мы не оставим их в покое. За свои преступления они должны предстать перед судом. Кроме того они опасны — их нужно обезвредить. Но Верховный Совет поручил нам прежде всего спасти сына товарища Ветлугина. Поэтому мы пригласили на заседание родственников мальчика... Что мы можем сделать? Мы можем предложить крестовикам обмен сына Шайно за сына товарища Ветлугина. Мы можем удержать арестованного крестовика и спасти мальчика прямой атакой. Вот два пути спасения пленника. Первой прошу высказаться мать мальчика.

Все обернулись к Ирине.

Обращение председателя застало Ирину врасплох. Она растерянно оглянулась, провела рукой по лбу, сказала неуверенно:

— Я думаю... Мне кажется... — и внезапно умолкла в раздумье.

Так она сидела молча несколько долгих секунд. Мужчины, затаив дыхание, ждали. Перед ними была мать. Это обстоятельство создавало мучительную серьезность положения. Так или иначе, но в эту минуту решалась судьба ее сына — и самое веское слово принадлежало ей.

— Мне очень хочется спасти нашего мальчика... — сказала она тихо.

И потом громче добавила:

— Но я подумала: неужели мы так беспомощны? Неужели только договор с врагами коммунизма может спасти моего сына?

— Браво, дочка! — загремел дед Андрейчик. — Она говорит сущую правду! Факт!

Он вскочил, и вместе с ним опять вскочил Рума.

Ветлугин пожал жене руку под столом; чувствительный Ливен украдкой смахнул слезу; и все заговорили сразу, и все заговорили об одном: комиссия не допустит никаких сделок и сговоров с политическими авантюристами, разыгрывающими из себя капитана Немо; комиссия будет действовать осторожно, чтобы не подвергнуть опасности жизнь мальчика, но вместе с тем и очень решительно.

— Итак, разрешите зачитать ответ, — сказал председатель.

Секретарь включил фонограф.

— Северный Ледовитый океан, гражданину Куроде... — начал председатель. — Чрезвычайная комиссия, созданная Всемирным Верховным Советом, обсудила ваше заявление и нашла его неприемлемым. Чрезвычайная комиссия предлагает вам и другим лицам, проживающим вместе с вами, немедленно явиться на остров Диксон, в город Арктанию, и поселиться там, где вам укажет комиссия. Чрезвычайная арктическая комиссия предупреждает: вам и проживающим с вами лицам, замешанным в контрреволюционной деятельности в прошлом и виновным в диверсионных актах против населенных мест в Арктике, придется предстать перед народным судом. Но если вы тотчас же по получении нашего ответа освободите своего пленника и явитесь в суд добровольно, вы облегчите вашу участь в дальнейшем.

Все закивали головами, зашевелились; раздались восклицания:

— Очень хорошо!

— Факт!

— Товарищ секретарь, отправьте радиограмму на субмарину, — сказал председатель. — А теперь, товарищи, поговорим о предложении профессора Ливена и инженера Силера... Конечно, Шайно и его банда, получив наш ответ, не примчатся на Диксон с повинной. Но и нападать на нас они вряд ли станут без нужды. Думаю, что они еще не совсем спятили с ума и учитывают соотношение сил. Скорее всего старый разбойник зароется в свою нору и покажет зубы только тогда, когда мы попытаемся его оттуда вытащить. Вот на этот случай у нас и припасен замечательный проект товарищей Ливена и Силера. Этот проект очень поможет нам освободить мальчика.

Председатель, продолжая говорить, поднял руку и показал на карту: огромная рельефная панорама Арктики, выполненная знаменитым художником, эскимосом Каукеми, висела на стене над круглой головой председателя.

— Мы уже точно установили, где находится скромная обитель апостола Шайно. Вот...

Председатель чуть шевельнул на столе световой регулятор — и тонкий красный луч с другого конца комнаты окрасил пурпуром два небольших островка, самых крайних на севере архипелага Вейпрехта — Пайера.

— Между островом Рудольфа, ныне Седова, и островом Гогенлоэ, ныне Брусилова. Как раз вот в этом проливчике между ними, на дне. Глубина пролива — 400 метров, ширина — 4 километра.

— В пять раз уже Гибралтарского пролива у Джебель-Миса и в два с половиной раза мельче, — сказал Силера.

— Совершенно верно,—подтвердил председатель. — Итак, что же предлагают нам товарищи Ливен и Силера?..

Все слушали, затаив дыхание. Дед Андрейчик также с величайшим вниманием вслушивался в слова председателя Чрезвычайной комиссии. Время от времени он записывал что-то в свой старенький, потрепанный блокнот (старик никак не мог привыкнуть к фонографу), и сидевший рядом с ним Рума благоговейно следил за движением нехитрого «вечного пера» деда Андрейчика.

Наконец, старик кончил записывать. Воспользовавшись тем, что вся комиссия и Ветлугины вместе с гибралтарскими инженерами собрались подле директорского стола и стали разглядывать модель какого-то прибора, дед Андрейчик мигнул Руме и на цыпочках вышел вместе с мальчиком из кабинета.

*

Покинув заседание Чрезвычайной комиссии, дед Андрейчик вышел на улицу и зашагал по широкому тротуару. Мощная серая лента синтетического каучука, сверкающая как новая калоша, неторопливо ползла вдоль улицы: тротуар был движущимся. Рядом с дедом Андрейчиком с независимым видом шагал Рума.

Небольшой поселок на острове Диксон возник в первые годы строительства социализма. Огромный же социалистический город Арктания с населением в 500 тысяч человек насчитывал всего 10 лет существования. Это была своеобразная столица Арктики. Вполне благоустроенный, мало чем отличающийся от лучших городов Азии, Европы и Америки, город Арктания, однако, имел свое собственное лицо. Это был город-полярник. Здесь сосредоточены были учреждения, ведающие хозяйством Арктики, научно-исследовательской работой в полярных областях, промыслами, морскими путями, службой погоды. На улицах Арктании не стояли шпалеры пальм и кактусов-алоэ, как стояли они на улицах многих северных столиц: ель, сосна и кедр чинно выстроились здесь вдоль тротуара. Аэросаням как средству передвижения жители Арктании явно отдавали предпочтение. Город жил деловой жизнью, чуждый резких жестов и шумов. Часто он погружался на дно необозримых как моря туманов и замирал летом среди бела дня, именуемого здесь «ночью».

Дед Андрейчик часто бывал на острове и любил этот город. Рума всего несколько дней назад увидел это чудо во льдах и привыкал к нему. Кроме того он учился русскому языку и все время находился в состоянии азарта.

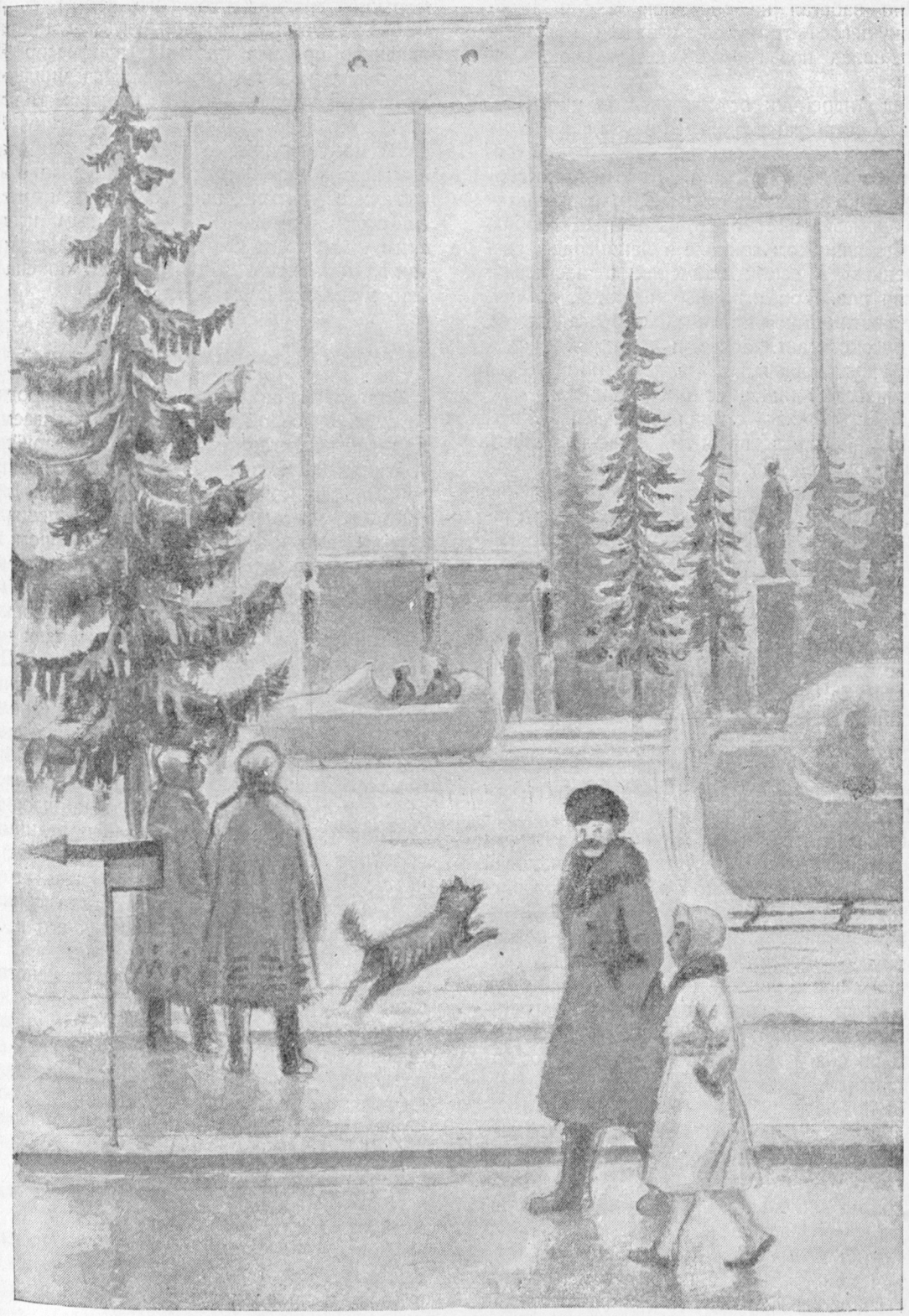
Дед Андрейчик шел рядом с Румой и время от времени тыкал пальцем вниз, в сторону, вверх:

— Резина... сосна... сани... — говорил он.

И мальчик, внимательно вглядываясь в каждый указанный ему предмет, с трудом повторял:

— Ре-зина... со-сна... са-ни...

В одном месте тротуар запрудила целая семья закутанных в меха медлительных любопытных чукчей. Белые лайки оглуши-



Дед Андрейчик шел рядом с Румой.

тельно лаяли на вереницу аэросаней и, случайно забегая на соседнюю левую ленту движущегося тротуара, уезжали вместе с нею назад под громкий хохот своих хозяев.

Дед Андрейчик остановился на углу площади Северного сияния и показал рукой на огромный, десятиэтажный дом, почти совершенно лишенный по прихоти архитектора двух первых этажей. Дом был похож на броневик-постамент памятника Ленина на Финляндском вокзале в Ленинграде, увеличенный в своих размерах в несколько тысяч раз. Три огромных надписи, сделанные светящимися красками на фасаде дома, на русском, английском и норвежском языках удостоверяли, что в доме помещается Арктический институт океанографии.

— Я туда... — сказал дед Андрейчик. Потом показал пальцем, куда-то влево, вдоль улицы.— Ты... домой.

Мальчик кивнул головой в подтверждение того, что он понял. И все с тем же независимым видом зашагал вдоль улицы по каучуковой ленте тротуара.

★

Чрезвычайная комиссия и лица, приглашенные на ее заседание, склонившись над столом, разглядывали модель замечательного снаряда «Тератом», изобретенного профессором Ливеном. Французский ученый Оноре-Жан Ливен был сыном инженера Ливена, который во втором десятилетии Октябрьской революции разработал интереснейший проект электрификации средиземноморских стран и обводнения Сахары при помощи мощной гидростанции, получающей энергию от исполинской плотины, воздвигнутой через Гибралтарский пролив. Ливену-отцу капиталистическое общество не позволило осуществить его гениальный проект, и лишь после ликвидации капитализма на земле сын инженера Ливена, профессор Ливен, приступил к реализации идеи своего отца на благо всех народов средиземноморских стран.

Но профессор Ливен не просто осуществлял проект отца: он внес в этот проект свои, чрезвычайно интересные поправки. Он долго изучал природу геологических процессов и, наконец, убедился, что все процессы горообразования, опускание и поднятие суши и морского дна происходят благодаря присутствию в недрах земли радия. Тогда профессор Ливен сконструировал особую подземную торпеду «Тератом», которая уносит к недрам земли большие запасы радия и вызывает искусственное поднятие и опускание земной поверхности или морского дна. Вместо того чтобы сооружать на тысячеметровой глубине Гибралтарского пролива плотину, профессор Ливен решил поднять опустившийся миллионы лет назад на дно этого пролива горный кряж, который заменит собой плотину. Работы по сооружению гибралтарской станции находились в разгаре, но, узнав о событиях в Арктике, профессор Ливен вместе со своим помощником — молодым испанским инженером Силера — приехал в Арктанию и предложил свои услуги по спасению мальчика Юры Ветлугина.

Жилец „аварийной гостиницы"

Золтан Шайно жил при здании народного суда, в особой пристроечке, называемой жителями Арктании иронически «аварийной гостиницей». В первые годы строительства социализма, когда возник поселок на Диксоне, его жители обходились без специальных тюремных сооружений, в большом же социалистическом городе Арктании тюрьму строить было незачем: преступления нечасто совершались в Арктике, а совершаемые не заслуживали того, чтобы ради них строить особый дом лишения свободы. Вот почему редкие клиенты подследственных органов народного суда в Арктании помещались в пристроечке подле здания суда, именуемой «аварийной гостиницей». Особым комфортом эта «гостиница» не отличалась: это был обыкновенный дом с коридорной системой и комнатами, меблированными просто и строго всем необходимым. Отпечаток неволи ложился не на самый этот дом, а на сознание жильца, когда сонный от безделья надзиратель, поселяя его в одной из комнат, угрюмо бормотал:

— Дом оборудован самой усовершенствованной сигнальной аппаратурой. Здесь нет замков, вместо них есть невидимые инфракрасные лучи и фотоэлемент. Убежать невозможно. Правила внутреннего распорядка висят на стене. Радиофоном и стереовизором можно пользоваться с разрешения следователя. Питание — в обыкновенное время. Библиотека — напротив.

Золтан Шайно валялся на диване в седьмом номере «аварийной гостиницы».

Молодой белокурый человек попросил у Золтана Шайно разрешения войти, поздоровался и понес к столу изящный аппаратик — фонограф.

Золтан Шайно снял ноги с дивана и настороженно поглядел на своего гостя.

— В прошлый раз мы с вами только познакомились, — сказал белокурый человек, устанавливая на столе свой аппаратик. — Теперь, я надеюсь, мы сможем поговорить подробнее.

Молодого человека звали Алексеем Ивановичем Померанцевым, и работал он следователем при народном суде в Арктании.

Померанцев испытующе глянул на бледнолицего крестовика.

— Простите, почему вы никогда не снимаете очков?

— Не выношу солнечного света.

— Ах, да, у вас там аргон. Оттого у вас такое бледное лицо. Вы мне напоминаете какое-то опытное растение, лишенное хлорофильных зерен.

Золтан Шайно засопел и отложил книгу.

— Вы в каком возрасте переселились в подводный штаб?

— Пятнадцати лет. Но откуда вы взяли, что это штаб?

— Его так называет мальчик-курунга.

— Мальчик врет. Отец называет свое жилье обителью. У нас даже комнаты именуются кельями.

— Да? Вы знаете, я никак не пойму: как же все-таки ушел из штаба мальчик?

— Я тоже этого не знаю, — угрюмо сказал Золтан Шайно. — Вам лучше всего спросить об этом у него самого.

— Он говорит, что ушел общим выходом.

— Ушел через шлюзовую систему, минуя несколько камер с личным конвоем отца? Он фантазер!

— Разве система шлюзов так уж сложна? — осторожно спросил Померанцев.

Молодой Шайно прикусил нижнюю губу и замолчал. Потом сказал:

— Очень. И прекрасно охраняется. Передайте это всем, кто захочет проникнуть в колонию носителей креста. А те, кто выпустил мальчишку-индейца и его отца, уже сожжены кармонзитом. Это можете сообщить своему краснокожему выродку.

Померанцев внимательно глянул на своего подследственного, проверил, работает ли фонограф, и спросил:

— Да, хорошо, что напомнили. Откуда вы знаете язык курунга?

— Выучился.

— Как?

— От работавших на кесонных работах индейцев.

— И затем уже выучили этому языку других в колонии?

— Да.

— Значит, вы присутствовали при постройке штаба?

— Да.

— Шлюзовую систему выхода строил инженер Варенс?

— Да...

— Талантливый инженер. Как он погиб? Расскажите.

— Не помню. Это было давно.

— Кажется, он не поладил с начальницей вашей разведки Лилиан? — спросил Померанцев.

— Он хотел уйти из колонии, — глухо ответил Золтан Шайно.

— Кто его судил?

— Не помню... Кажется, заочно.

— Как мальчик Юра Ветлугин попал в ваше убежище?

— Барон Курода подобрал его на льду. Мальчишку засыпало битым льдом и снегом почти рядом с автожиром. Ваши летчики сразу же наткнулись на того краснокожего и обрадовались. Так что, если рассуждать правильно, вашего мальчика спасли мы.

— А почему вы стали его искать?

— Странно... — Золтан Шайно презрительно скривил губы. — Неужели вы сами не догадываетесь?

— Нет, я обо всем отлично догадываюсь, — иронически поглядывая на крестовика, сказал Померанцев. — Пожалуйста, я вам могу сказать, почему вы стали искать Юру Ветлугина. От вас когда-то сбежал мальчик-индеец, который мог раскрыть местопребывание Петера Шайно. Вы его искали, но не нашли, так как он тотчас же погиб, как только выкарабкался на лед, и лед отнес его труп в открытый океан. Но вот однажды ваши радисты приняли радиокорреспонденцию о том, что другой мальчик погиб на 86-й параллели, что труп его, облаченный в какой-то странный скафандр, подобран противоштормовой экспедицией. Вы тотчас же догадались, что летчики ошиблись и приняли за Юру маленького курунга, удравшего от вас. Тут вмешался профессор Британов, и вам угрожало разоблачение. Был смысл поэтому порыться во льду и живым или мертвым подобрать Юру. Его вы собирались выменять на Руму.

— Зачем вы мне все это говорите? — с раздражением спросил Золтан Шайно.

— Затем, чтобы вы, наконец, поняли, с кем имеете дело, — сказал Померанцев и добавил: — Так что вы свои шутки насчет спасения бароном Курода мальчика Юры

оставьте раз и навсегда, тем более, что ваш выживший из ума барон оказался откровеннее вас и уже успел выболтать, что «мальчик арестован на льду воинами сына господня при попытке напасть на них с ножом в руках». Нам теперь ясна вся цепь злоключений Юры Ветлугина. Мальчик в обморочном состоянии был засыпан снегом, электродоха не дала ему замерзнуть, очнулся он и выбрался из своей временной ледяной могилы лишь после того, как дивизион подобрал Руму. Очевидно, Юра побрел по льду пешком, тут-то на него и накинулся ваш японец. Обращался он с мальчиком, видимо, грубо, и Юра, наверное, прибегнул к ножу как к орудию самозащиты.

Следователь шагал по комнате и говорил, почти не обращая внимания на своего подследственного. Он словно рассуждал вслух. Золтан Шайно, не сгоняя со своего лица презрительного выражения, провожал его глазами из угла в угол.

Вдруг Померанцев остановился.

— Я совсем забыл спросить вас: сколько человек было в штабе крестовиков к моменту нападения на Советский союз?

— Не помню, — буркнул Шайно. — Мне тогда было пятнадцать лет.

Померанцев внимательно оглядел коротконогого человека с фарфоровой физиономией, сидевшего против него, будто только что заметил его:

— С какого возраста у вас плохо работает память?

— С пятнадцати лет, — сказал Шайно и усмехнулся. — С того момента, как я попал в подводную колонию. Это тоже от аргона. Прошу учесть смягчающее обстоятельство.

— И вы не помните даже, сколько людей живет сейчас под водой?

— Точно знает один отец. Но я полагаю, человек четыреста, не меньше.

— Рума перечислил всех — получилось тридцать два человека.

Шайно презрительно хмыкнул и пошел к окну.

— Вы у него обо всем и расспросили бы. Почему вы ко мне пристаете с расспросами? Вы что думаете, я не понимаю? — резко сказал он. — Против моего отца готовится карательная экспедиция, и вы хотите обо всем выведать у меня. Так знайте, что у отца и его людей хватит продуктов, чтобы продержаться еще десять лет, а нитроманниту и кармонзиту хватит, чтоб уложить всю вашу милицию, если вы ее пошлете против подводной колонии.

Золтан Шайно свирепо оттопырил губы и пошел по комнате, хватаясь за свои очки.

— Разве ваша подводная химическая лаборатория и сейчас вырабатывает кармонзит? — быстро спросил Померанцев. — Я слыхал, что знаменитый химик Кармон убит начальницей вашей разведки Лилиан одновременно с Варенсом.

— Чепуха! — крикнул Шайно. — Не утешайте себя. Кармон еще жив!

— Он также проводит все свое время в посте и молитве?

Шайно остановился и недоуменно поглядел на следователя:

— Что такое? Откуда вы это взяли?

— Это я цитирую барона Куроду, — невозмутимо сказал Померанцев. — Барон вчера вел переговоры с Чрезвычайной арктической комиссией о вашем освобождении. При этом он утверждал, что ваш отец и весь его штаб проводят время в постоянном посте и молитве.

Золтан Шайно ухмыльнулся:

— Раз барон это утверждает, — значит, это так и есть...

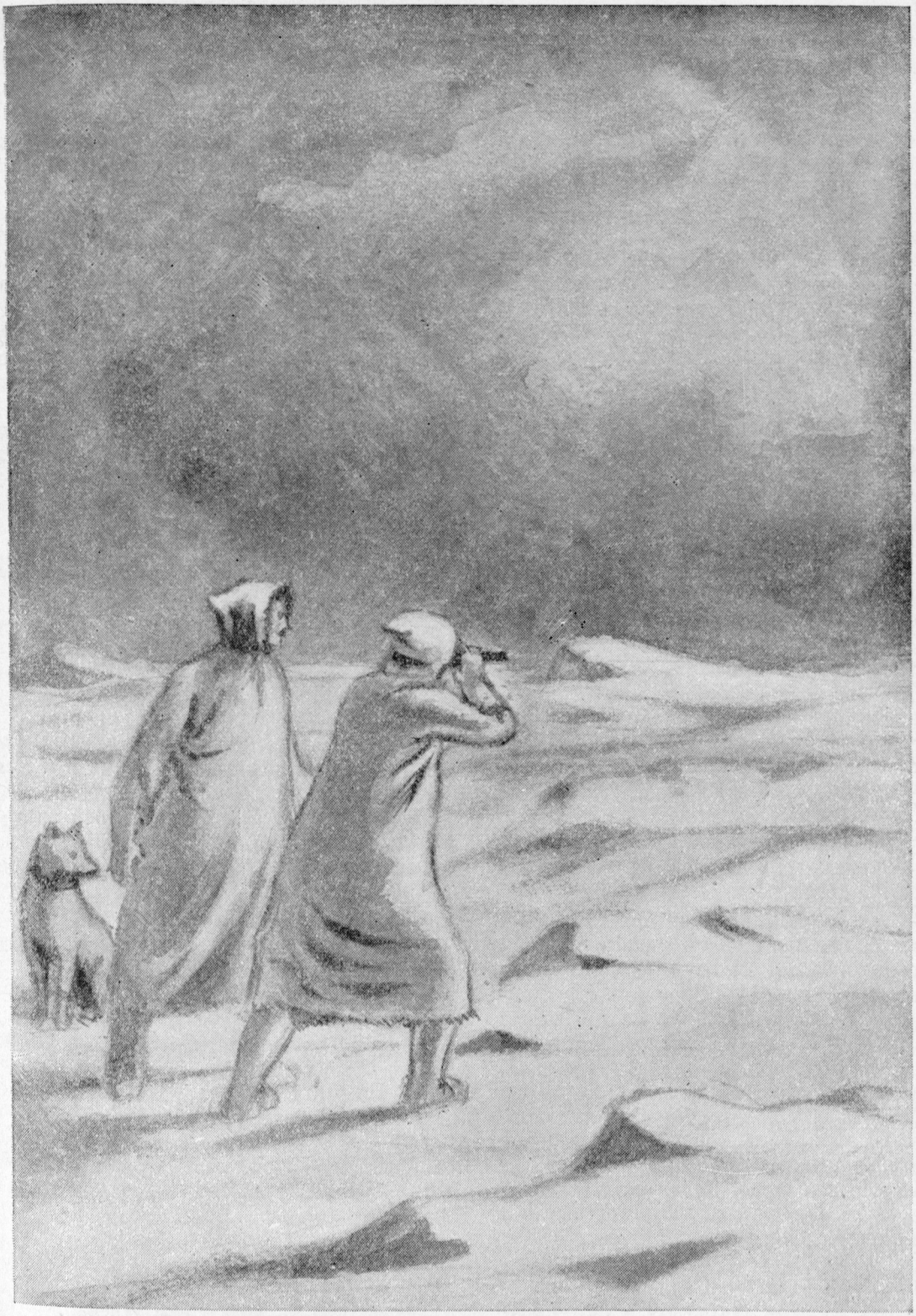
„Степан Никитич Андрейчик и мальчик Рума уехали далеко, но полагают, не надолго"

Профессор Ливен во главе специальной геофизической экспедиции, в состав которой вошли работники строительства гибралтарской гидроэлектростанции, Силера и другие, а также супруги Ветлугины, Эрик Свенсон и механик станции «Северный полюс» Хьюз, тайком пробрался к острову Брусилова (соседнему с островом Седова). На этом островке были заброшенные шахты некогда работавших рудников. Вот из этих-то шахт и решил Ливен послать в глубь земли свой радиевый снаряд «Тератом», который должен был поднять дно пролива, где засел со своим штабом Шайно и где томился в качестве заложника Юра Ветлугин.

Впереди экспедиции Ливена пошли в качестве разведчиков опытные полярники Ветлугин и Свенсон.

С тех пор как из гостиницы «Скандинавия» уехали Ливен, Силера, Эрик Свенсон, Хьюз и Ирина Ветлугина с мужем, прошло десять дней. Асю мать увезла куда-то к себе на родину, в Чернигов. И только дед Андрейчик и Рума продолжали жить все в той же гостинице и в том же номере.

Старик часто отлучался из дому. Он



Впереди экспедиции Ливена пошли в качестве разведчиков опытные полярники Ветлугин и Свенсон.

каждый день бегал по каким-то своим таинственным делам и приводил в номер молодых техников, вместе с которыми часами копошился над левыми рукавами двух Водоходов, разложенных по всей комнате в разобранном виде. Молодые техники приспосабливали их для каких-то иных функций.

Наведывался дед Андрейчик и к председателю Чрезвычайной комиссии и к следователю Померанцеву.

— Как вы думаете, за что крестовики убили строителя подводного штаба Варенса? — спросил он однажды Померанцева, когда тот познакомил его с показаниями Золтана Шайно.

— Не знаю, — ответил следователь. — У меня такое впечатление, что мой подследственный вряд ли и сам знает, что у них там произошло.

— А я знаю...

Померанцев недоверчиво поглядел на старика:

— Интересно... Скажите.

— Извольте. Рума ушел от крестовиков через тайный шлюзовой ход, в котором, по словам его отца, Маро, обитала какая-то таинственная женщина. Маро знал ее имя, но ни он, ни Рума в секретной комнате никогда эту женщину не видели, хотя и умели проникать в шлюз, чего не умели прочие крестовики.

— Да, я это знаю со слов Румы, — сказал Померанцев.

— Имя женщины...

— Лилиан. Мальчик слыхал это имя от отца. Вы правы, Степан Никитич.

— Так, — дед Андрейчик прищурил один глаз и продолжал с видом фокусника, раз'ясняющего секрет своего искусства: — Теперь слушайте дальше. Варенс, когда строил штаб, по особому заказу Лилиан сделал один тайный выход специально для атаманши апостольских шпионов на тот случай, если дела у апостола совсем испортятся, чтобы красивая немка могла, бросив апостола и всех своих сообщников, вовремя удрать из штаба. Индейцы и техники, которые строили штаб, были убиты. Вы это знаете. Те индейцы, которых оставили в живых, ничего не знали о тайной лазейке. После смерти Варенса оставался, следовательно, один единственный человек, который знал об этом секретном ходе, — красивая немка Лилиан. Но как ни хитра Лилиан, все же она промахнулась, оставив в живых одного индейца, отлично знакомого с устройством тайного хода и притом самого смышленного из всего племени. Факт. Я в этом уверен.

— Вы имеете в виду отца Румы, Маро? — спросил Померанцев.

— Да, его.

— Я спрашивал мальчика через Грасиас, но он ничего не говорил мне о взаимоотношениях Варенса и Лилиан.

Дед Андрейчик расхохотался:

— Ну еще бы! Откуда ему знать обо всех фортелях «апостольской» разведки? Относительно Варенса — это так... плоды моих собственных размышлений. Тот, кто хорошо помнит мастера высшего класса провокации, красивую немку Лилиан, тот знает, как умеет маскироваться и на что способна эта обольстительная дама.

— Возможно, что вы и правы. Но... не во всем, — сказал Померанцев. — Да, кстати. Я собрался завтра еще раз побеседовать с вашим приемышем. Можно к вам зайти часов в пятнадцать?

— Нет.

Померанцев удивленно глянул на старика.

— Почему?

— Завтра мы с Румой будем далеко отсюда.

— Как?!

— Так...

— Значит, вы все-таки получили разрешение Чрезвычайной комиссии на эту свою экспедицию?

— Получил. А вы откуда о ней знаете, товарищ Померанцев?

— Да вы же при мне с председателем беседовали.

— А-а!

Дед Андрейчик пошевелил усами, помолчал и стал собираться.

— И сколько людей идет с вами? — спросил следователь.

— Нас будут провожать человек сорок, но до конца пойдет со мной один Рума.

— Почему один Рума?

— Это — очень рискованное дело. Мы с Румой его придумали, и мы вдвоем только и имеем право рисковать собой. А кроме того... там, где пройдут два человека, там не пройдут четыре. Понятно?

— Понятно.

Следователь уже с явным уважением смотрел на старика:

— Ну что ж, желаю вам успеха...

— Благодарю.

— Передайте привет красивой немке Лилиан.

— Незамедлительно.

— При первом же знакомстве с ней вас, Степан Никитич, ждет большой сюрприз.

— Факт. И не один. Я в этом не сомневаюсь.

— Но об одном сюрпризе вы все-таки не догадываетесь.

— И не берусь догадываться.

— Вы меня перещеголяли в своей догадке насчет смерти Варенса, а я вас перегнал по части личности самой красивой немки, — загадочно улыбаясь, сказал Померанцев.

Старик внимательно взглянул на белокурого следователя:

— Если эти данные могут способствовать моей экспедиции...

— Очень мало, — сказал Померанцев. — Но я вам все же скажу. Вы знаете, кто такая красивая немка Лилиан?..

— Знаю. Квалифицированная шпионка, стоявшая во главе апостольской разведки.

Померанцев расхохотался. Он поманил к себе пальцем деда Андрейчика:

— Красивая немка Лилиан...

Следователь наклонился к уху старика и, щурясь от удовольствия, прошептал несколько слов. Дед Андрейчик вытаращил глаза от изумления и с минуту смотрел на следователя недоверчиво:

— Шутите, молодой человек?

— Честное слово...

— От кого вы это узнали?

— А это, видите ли, — Померанцев улыбнулся, — это тоже... плоды собственных размышлений.

— Так вы думаете, что красивая немка Лилиан...Ха-ха-ха!.. Вот это здорово!

Дед Андрейчик хохотал, похлопывая себя по бедрам, приседая и всхлипывая от восторга. Наконец, успокоился и сказал серьезно:

— Я это проверю. Если окажется, что вы правы, я буду считать вас очень сообразительным юношей. Хотите?

— Очень хочу! — с жаром сказал Померанцев.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

★

Целую ночь после этой беседы дед Андрейчик обучал вместе с молодыми техниками Руму, как управлять скафандром-Водоходом. Утром старик и мальчик исчезли из гостиницы. Местному корреспонденту радиогазеты «Юманите», который явился утром раньше всех своих коллег, чтобы разузнать от деда Андрейчика, не слышно ли чего нового о Юре, сообщили:

«Степан Никитич Андрейчик с мальчиком Румой просили отвечать всем, кто их будет спрашивать, что они уехали далеко, но полагают, не надолго...»

Манометр показывает давление в 30 атмосфер

Занесенный снегом и вечным льдом, маленький остров Брусилова сиротливо стоял в серой каше берегового припая. Пасмурный безветренный день и тишина делали крохотный островок еще более сиротливым и хмурым. Тихо было в воздухе над островом, тихо и сумрачно было в воде у его берегов. Вода подле острова Брусилова была покрыта тяжелой корой битого и рыхлого льда.

На дне Ледовитого океана, в четырех километрах от острова Седова, у берегов маленького, соседнего с ним островка Брусилова, было абсолютно темно. Дневной свет терялся где-то вверху, на глубине ста метров, а здесь, на самом дне, на многие десятки метров вглубь и вширь стояла непроницаемая тьма. И, тем не менее, в этот день по дну моря, на глубине в 300 метров, мимо подводных скал острова Брусилова пробирались люди. Они не видели друг друга, они только знали, что их пятьдесят человек, что идут они вперед сквозь холодную коричневую мглу, все время вперед.

Малейший звук в воде отдается десятикратным грохотом, но высокие металлические подошвы их скафандров были защищены толстыми каучуковыми пластинами — и шаги могучих Водоходов глохли тут же, в песчаном грунте. Люди осторожно обходили последнюю скалу, ставшую на их пути у острова Брусилова.

Во главе отряда шли трое. Огромные скафандры этих троих были связаны прочным тросом-кабелем, который был для них и телефонным проводом.

Внезапно кабель-трос обмяк и упал на дно: три передовых подводных путешественника стали сходиться. На миг из трубчатой руки одного скафандра брызнул сиреневый луч, осветил вместе с серой мутью, поднятой в воде, какую-то полуслепую рыбешку и остановился на огромном металлическом шлеме. В иллюминаторе шлема неверно обрисовалось темное лицо Румы; усталое и сонное, в сиреневом свете аргона оно казалось лицом мертвеца. Затем луч погас, и Рума услышал чуть приглушенный телефоном голос деда Андрейчика:

— Ну как, парень? Идешь?

Рума шевельнул плечами в своей броне, обвел глазами тьму, обступившую его со всех сторон, и сказал по своему обыкновению в два слога:

— И-дешь...

Затем луч скользнул в сторону и осветил лицо другого человека в иллюминаторе Водохода. У человека были строго сдвинуты брови, он смотрел перед собой не мигая; казалось, человек этот силится услышать далекий шум. Это был второй спутник деда Андрейчика, который вместе с ним и Румой шел впереди подводного отряда. Он прислушивался к голосу деда Андрейчика, глухо резонировавшему в его огромном шлеме.

— Через десять минут я отцеплю твой кабель, Валь, и мы с Румой дальше пойдем одни, — говорил дед Андрейчик. — Ты меня слышишь, Валь?

— Слышу, — сказал Валь, глядя немигающими глазами в сиреневый пучок света.

Затем между двумя подводниками произошел следующий разговор:

— Сигнал я тебе подам только в случае серьезной опасности. Понятно?

— Да.

— До того — никаких сигналов: ни вы мне, ни я вам.

— Да.

— Эта часть дна тебе знакома?

— Да.

— Своим радиокомпасом я приведу тебя и твоих людей к себе, если понадобится.

— Хорошо.

— Нитроманнитом пользуйтесь только в крайнем случае. Лучше обойтись без взрывов.

— Да.

— Пошли...

Луч погас. Подводные путешественники вновь двинулись вперед, и кабель вновь натянулся. Тотчас же, как только шевельнулись автоматические ноги Водохода, над головой у Румы, в просторной коробке его шлема, тонкоголосой кукушкой закуковал радиокомпас:

— Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!..

Компас куковал размеренно, однотонно, автоматичностью своих сигналов он напоминал стук маятника, но Рума с удовольствием прислушивался к этим шорохам оставленного им мира, далекого и такого же интересного, как рассказы отца Маро о лесах Боливии. Стоило только ему направить Водоход на несколько метров в сторону: влево или вправо — и кукование подводного радиокомпаса замирало. Это означало, что он уклоняется от правильного пути.

О Руме нельзя было сказать, что он устал от ходьбы, ибо шел не он, а тот непроницаемый автомат, в котором он был заключен. И, тем не менее, Рума устал от ходьбы. Уже около пяти часов мальчик шел вместе со своим Водоходом. Ничто не стесняло его в этом металлическом человеке, защищающем тело от тысячетонного давления, электролизующий воду аппарат исправно обогащал воздух внутри скафандра кислородом, но постоянная ритмическая встряска утомляла и усыпляла Руму. Все чаще стал затихать голос радиокукушки, и Рума не замечал этого. Просыпался он от тонкого телефонного окрика:

— Кабель порвешь! Рума! Никак, заснул?!.

Рума не понимал всех слов деда Андрейчика, но сразу соображал, в чем дело, и ступнями ног энергично выворачивал ходовые рули Водохода. Радиокукушка начинала вновь куковать, и вновь шагал в коричневой мгле вперед большой стальной человек с маленьким смуглым дикарем внутри.

Наконец, Рума услышал шопот у себя над ухом:

— Стоп... Тш-ш-ш...

Радиокомпас умолк.

Несколько секунд оба стояли неподвижно, окутанные серой мутью, слабо различая друг друга. Повидимому, море над ними очистилось от льда, а небо — от облаков, потому что муть вокруг из коричневой превратилась в белесую.

— Здесь мы вас оставим, Валь, — сказал дед Андрейчик, и тотчас кабель, соединяющий его скафандр с Водоходом третьего передового, упал на дно.

— Рума! Близко... Хижина... Апостола... — услышал Рума голос деда Андрейчика.

Эти слова сразу прогнали всю сонливость маленького курунга.

— Хи-жина... Апо-стол... — шопотом повторил он, вглядываясь в темную громаду базальтовой скалы, смутно видневшуюся впереди.

— Ход... — тихо произнес дед Андрейчик у Румы над ухом. — Где ход?.. Где Аранга?..

— Аран-га... — так же тихо повторил Рума.

С минуту мальчик напряженно вглядывался сквозь иллюминатор в темную стену, смутно маячившую перед ним. Затем его Водоход решительно двинулся вперед.

Он шел, чуть дотрагиваясь металлической клешней до бородавчатой, скользкой от серых мхов стены, вставшей над его головой. Мальчику очень хотелось пустить впереди себя сильный луч аргонового рефлектора, но он вовремя вспомнил, что ему категорически запрещено зажигать свет здесь, у самой подводной крепости крестовиков.

Несколько раз дотронувшись клешней до какого-то большого бугристого камня и обойдя его вокруг раза три, Рума уже уверенней повел Водоход вперед. Дед Андрейчик двинул свой скафандр вслед за ним. Так они шагали несколько минут. Наконец, старик заметил, как окружавшая его серая муть потемнела, расплывчатая громада скалы нависла над головой: они входили в подводный грот. Дед Андрейчик пошел в темноте наугад, время от времени окликая Руму по телефону. Оба Водохода шли с самой минимальной скоростью.

В просторном шлеме Водохода перед глазами у деда Андрейчика прикреплены были часы и компас, но старик не хотел зажигать свет, чтобы узнать, сколько времени они шли внутри скалы. Грот, повидимому, превратился уже в подводный туннель. Внезапно он услышал голос Румы:

— Хо-ди... верх... но-га... верх...

«Лестница, ступеньки», — сразу сообразил старик и осторожно пошарил внизу стальной ногой Водохода. Нога стукнулась о камень. Тогда он согнул в полой стальной ноге скафандра свою собственную ногу, упер коленом в укорачивающий рычаг — стальная нога Водохода укоротилась и ступила на ступеньку. То же проделала другая нога. Водоход медленно поднимался по невидимой лестнице, как некая подводная статуя Каменного гостя. Тьма окружала его со всех сторон.

— Ходи-ла?.. — услышал дед Андрейчик осторожный вопрос Румы.

— Ходила, ходила,— весело ответил старик и в тот же миг заметил вдали и вверху небольшое светлое сиреневое пятно, будто где-то там, в конце лестницы, брезжил хилый пучок света. Дед Андрейчик вгляделся в пятно.

— Там... — сказал Рума.

Да, там, впереди, был свет. Теперь старик ясно видел грандиозные очертания поднимающегося впереди по ступенькам Водохода Румы. Свет все усиливался. Дед Андрейчик уже различал грубо отесанные ступени и корявые базальтовые своды туннеля, покрытые коричневым мхом и полипами. Но откуда исходил свет, понять он не мог.

Едва передвигая трубоподобные ноги, то укорачивая, то выдвигая их, осторожно всходили по лестнице два стальных гиганта, окруженные плотной массой зеленоватой воды. Так они дошли до бокового хода, из которого вырывался яркий сиреневый сноп света. Передний Водоход остановился и поднял свою руку, похожую на дуло гаубицы. Из руки выдвинулась короткая труба с мушкой на конце. Второй Водоход тоже грозно выставил свою левую руку, внезапно превратившуюся в пулемет. Так они стояли в трех шагах от бокового входа минуты две и вдруг разом рванулись вперед...

Несомненно, это была комната, комната-бассейн, доверху наполненная светом и до половины — водой. Несколько гранитных ступенек вело наверх, к узкой стальной площадке, сооруженной перед входной дверью этой комнаты, на уровне воды. Даже со дна бассейна было видно, что она необычайно массивна и сделана, повидимому, из толстых листов стали, так же как и стены этой странной комнаты. Рума, как только ввел свой Водоход в бассейн, тотчас же направил указующим жестом свою руку-пулемет прямо в дверь над площадкой. Дед Андрейчик с минуту подождал, огляделся вокруг и только тогда повел свой Водоход по ступенькам к площадке. За ним двинулся Рума.

— Стой... — сказал старик, когда они вышли из воды и ступили на площадку.

Он кивнул в своем иллюминаторе на дверь:

— Смотри...

— Смо-три...—повторил Рума и зверски вытаращил глаза на дверь.

— Кто войдет, стреляй.

— Вой-дет... Стре-ляй...— тяжко дохнув, сказал мальчик.

Дед Андрейчик направил свой Водоход к манометру, висевшему на стальной стене.

— Ого! — тихо сказал он и с уважением взглянул на круглый бесстрастный лик прибора. — Давление в тридцать атмосфер! Факт любопытный. Значит, мы на глубине в триста метров. Отлично, отлично.

— Рума! — окликнул старик мальчика по телефону. — Можешь опустить пулемет. В эту спресованную атмосферу вряд ли кто сунется. Руку!..— сказал он, видя, что Рума его не понимает.

Мальчик отвел дуло с мушкой от двери. Водоход деда Андрейчика сделал пово-

рот. Старик, вертя головой в своем скафандре, озирался, как человек, всю жизнь проработавший в машинном отделении старинного парохода и вдруг внезапно попавший в моторное отделение новенького электрохода. Значит, вот эта стальная комната и есть секретный шлюз? Какие-то рычаги, манометр, стальные стены, стальные потолок и площадка. И все? Маловато! Оставалось предположить, что все движущие механизмы этого секретного шлюза находились по ту сторону стен, здесь же было только самое необходимое: манометр, рычаги, толстые осветительные трубки в потолке, да вот эта, несомненно, подвижная площадка. Но как же все-таки пробраться, пользуясь этой секретной лазейкой, в «штаб-храм» Шайно? Вряд ли эта толстенная дверь откроется, если по ту сторону шлюза давление нормальное. Да и выйти из скафандра нельзя, пока давление не будет понижено. Высокое давление удерживает воду на уровне площадки и не дает ей залить весь этот шлюз до потолка. Но смерть от удушения ждет того, кто хоть на несколько секунд подвергнется такому давлению без скафандра.

Рума внимательно наблюдал сквозь свой иллюминатор за дедом Андрейчиком. Он видел беспокойные взгляды старика и, наконец, понял, чего хочет его спутник. Рума тотчас же вспомнил, что нужно сделать для того, чтобы эта комната выпустила человека, и что сделать, чтобы она его впустила. Об этом долго, очень долго говорил ему отец Маро перед тем, как уйти от людей племени Апо-стол.

Он сам, Рума, ушел через эту комнату, когда отец Маро не вернулся. Тогда он долго подглядывал за сыном Апо-стол—Золтаном — и, наконец, утащил у него тяжелую одежду. Отец сказал, что без тяжелой одежды в эту комнату нельзя входить: можно умереть, — и он, Рума, утащил тяжелую одежду. Это была другая одежда, не такая, как сейчас на нем; та одежда сама не ходила, он, Рума, ее едва надел. Если бы раньше отец не сказал ему, как надевать тяжелую одежду, он сам не догадался бы. Он, Рума, ушел через эту самую комнату, и он знает все, что здесь надо делать...

Мальчик повел свой Водоход к стене, из которой торчали растопыренные пальцы пяти рычагов, захватил левой клешней крайний рычаг и откинул его вверх. Площадка, на которой стояли оба Водохода, поехала вместе с ними, выдвигаясь из стены. Через несколько секунд вместо бассейна, из которого они вышли, появился сплошной стальной пол.

— Факт замечательный, — сказал дед Андрейчик.

Он был в восторге: просто и остроумно. Теперь, герметически закованная в стальную броню, вода не ворвется сюда, в эту комнату, если здесь понизить давление. Конечно, это была кажущаяся простота: где-то там, за стеной, очевидно, скрывались замаскированные сложные механизмы, — но принцип сам по себе превосходен. Покойник Варенс был не только прекрасным подводным строителем, но и талантливым механиком. Если бы Варенс знал, что главарь крестовиков убьет его, единственного человека, знавшего о секретном шлюзе, вряд ли он построил бы этот тайный ход.

Размышления деда Андрейчика прервал Рума.

— Оди-на,— сказал мальчик и, захватив клешней другой рычаг, чуть перевел его вверх.— Два... оди-на...

Стальной потолок отполз вверх и замер на месте. Старик взглянул на манометр и только свистнул: стрелка показывала давление в 20 атмосфер.

Дед Андрейчик никогда не поверил бы, если бы ему раньше сказали, что он попадет в комнату, в которой потолок будет сжимать и разрежать воздух, словно поршень в обыкновенном цилиндре. Но это было так. Приходилось верить. Старик с интересом посмотрел на Руму: понимает ли он, какие чудеса творит в эту минуту?.. Лицо у маленького индейца, отчетливо видимое сквозь иллюминатор, было потным и озабоченным. Чуть высунув кончик языка и перекосив глаза, он старательно переводил рычаг с одного деления на другое, соблюдая, очевидно, до мельчайших подробностей инструкцию своего отца.

«Нет, не понимает. И отец его не понимал. Индеец Маро подглядел, очевидно, как во время пробы манипулировал рычагом Варенс, а сюда пошел, даже не представляя себе всего риска, которому подвергался...»

Рума отпустил рычаг, поднимающий потолок.

Манометр показывал нормальное давление. Дед Андрейчик быстрым движением открыл у себя над головой в шлеме теменной клапан. Случайно взглянул он на дверь и как будто застыл:

Массивная тяжелая плита двери медлен-

ным, угрожающим движением уползала в стальную стену, приоткрывая вход в смежную комнату.

Бой у стальной камеры

В комнате было почти темно. Лишь тонкая колбочка с горящим синеватым газом освещала угловатую мебель. На постели, прикрытый простыней, спал человек. Простыня казалась синей от цветного освещения. Космы седых волос, крючковатый нос, вызывающе выброшенный вперед пук бороды делали лицо спящего похожим на отвратительные и наивные изображения князя тьмы на картинах Дюрера.

Резкий звонок и яркий сиреневый свет ворвались в комнату мгновенно и одновременно. Косматый старик вскочил и взмахнул рукой, как фокусник. В его руке появился револьвер. В ярко освещенной двери стальной шлюзовой камеры, внезапно оказавшейся частью стены этой комнаты, стояли два металлических чудовища. Левые руки их были указующим жестом направлены на косматого старика.

— Спокойно,— сипловатым, чуть приглушенным голосом деда Андрейчика сказал по-немецки один из стальных великанов.— Положи револьвер: он бесполезен. Не вздумай бежать...

Косматый старик недоверчиво взглянул на левые руки Водоходов, направленные на него: пулеметные дула смотрели из стальных рукавов недвусмысленно и грозно.

Косматый старик, не сводя глаз с неожиданных гостей, медленно отложил револьвер.

— Кто вы такие? — тихо спросил он.

— Это несущественно,— сказал дед Андрейчик. — Кто бы я ни был, я ликвидирую тебя на месте, если ты вздумаешь бежать, позвать на помощь и вообще...

— Что вам нужно? — спросил старик.

— Кому поручена охрана мальчика?

— Ворсу.

— Включи микрофон и прикажи Ворсу немедленно привести мальчика сюда.

Старик пошарил ногами, надел туфли и сказал небрежно:

— Разрешите надеть пенсне.

— Нет! — резко сказал дед Андрейчик.

— Но я ничего не вижу.

— Найдешь ощупью...

Косматый крестовик пожал плечами и пошел к микрофону, стоявшему на кабинетном столе.

— Стоп! — приказал дед Андрейчик.— Запомни! Приказать нужно: немедленно привести мальчика — и больше ничего. Ворсу запрети входить сюда. Пусть доведет мальчика только до двери. Понятно?

— Понятно.

— Помни,— угрожающе сказал дед Андрейчик,— возьмут нас твои друзья или нет, но тебя в живых не будет, если хоть одно лишнее слово или какую-нибудь кнопку...

Старик презрительно скривил губы:

— Я не так глуп, как вы воображаете.

— Я в этом уверен. Говори только по-русски, по-английски, по-немецки.

Движением, переключающим шахматные часы, старик включил настольный радиофон, затем набрал на диске какую-то цифру. Спустя несколько секунд в репродукторе кто-то завыл, зевая, засопел и опять зевнул.

— Ворс!

Старый крестовик оглянулся на своих бронированных караульных и спросил по-немецки:

— Ты меня слышишь?

— Так точно, ваша святость,— прохрипел невидимый Ворс.

— Что делает мальчик?

— Я полагаю, спит, ваша святость.

— Приведи его ко мне, Ворс... Мне нужно его кое о чем расспросить.

— Слушаюсь, ваша святость.

— Постой, Ворс...

Крестовик еще раз оглянулся.

— Ты, Ворс, это... когда приведешь мальчика... останься за дверью.

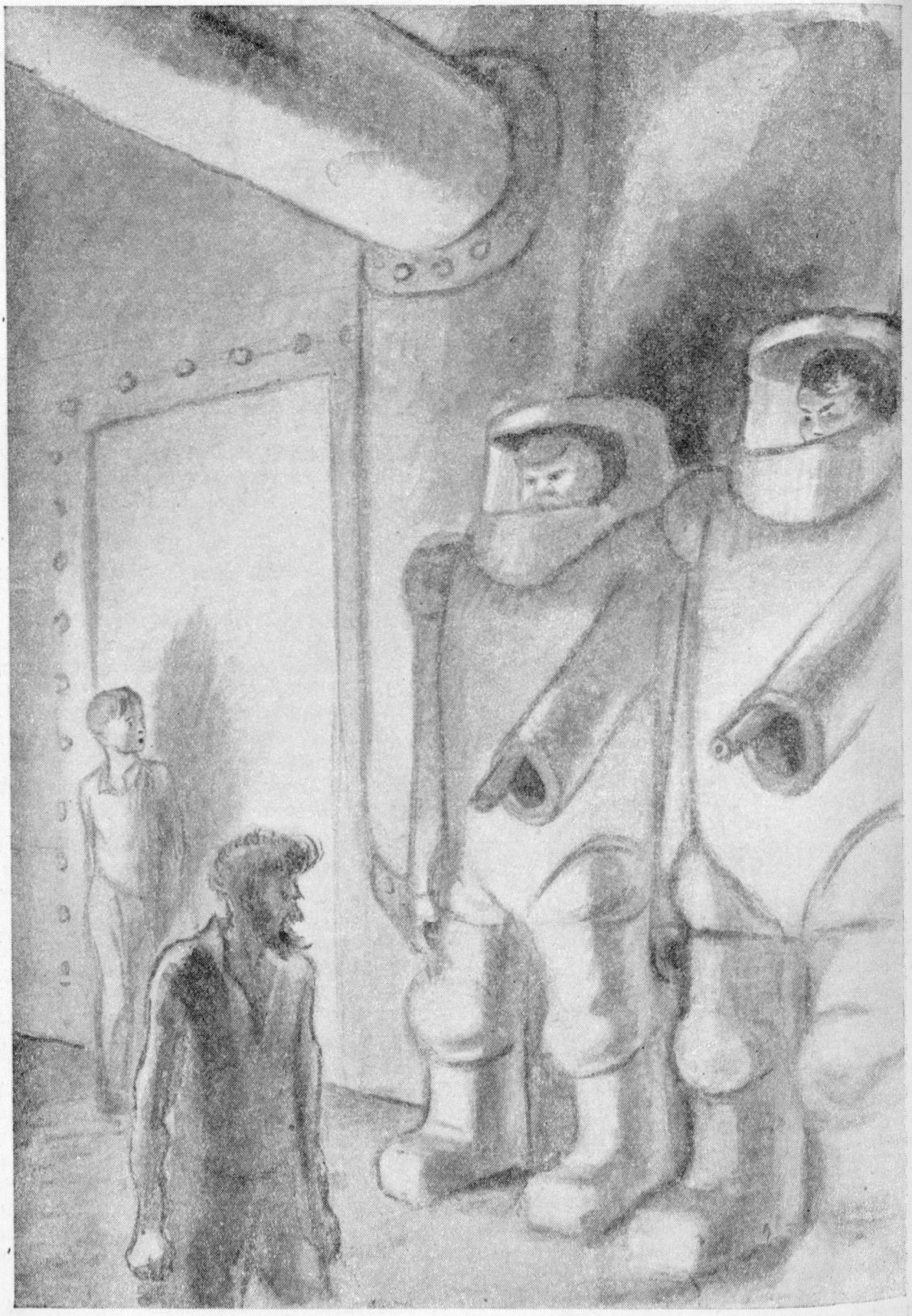
— Слушаю, ваша святость...

— Пусть мальчик войдет один.

— ... микрофон... — зашипел дед Андрейчик.

Косматый старик выключил микрофон. Дед Андрейчик отбросил иллюминатор и внимательно вгляделся в мертвенно-серое лицо старого крестовика. Так вот она какая, «красивая немка Лилиан», обольстительная архиепископесса апостольской разведки. Следователь Померанцев не ошибся. Каким нужно быть ловким авантюристом, чтобы морочить весь мир, создавая вокруг своей разведки ореол тайны и поддерживая легенду о «красивой немке»! В бородатой «Лилиан» дед Андрейчик по старым портретам признал самого вождя крестовиков, бывшего унтера и бывшего «апостола» Петра Шайно.

«Красавица неважная,— думал дед Андрейчик, разглядывая заспанного, лохматого



Юра заметил, что из иллюминатора выглядывает человек.

старикашку. — Но мерзавец высшего сорта. Факт».

Шайно не любил, видимо, когда его разглядывали в упор; он двинул плечом и сказал деланно беспечным тоном:

— Ну вот, как будто все в порядке...

Ответа не последовало.

Молчание тяготило старого авантюриста. Он подтянул кальсоны, переступил с ноги на ногу и осторожно спросил:

— Вас интересует только мальчик?

— Пока да...— не сводя с него глаз, ответил дед Андрейчик.

Рума тоже отбросил свой иллюминатор и не отрывал сумасшедших от ненависти глаз от щуплой фигурки своего кровного врага.

Шайно молчал; видимо, он над чем-то размышлял. Наконец, он заговорил, пощипывая бороденку:

— Я не знаю, кто вы. Но это неважно. Раз вы сюда проникли, я должен пойти на компромисс. Я предлагаю: давайте разойдемся по-деловому. Я даю вам третий скафандр для мальчика. Вы оставляете меня в покое и уходите так же, как и пришли. Через 24 часа вы можете этим же ходом привести своих людей, но не раньше. Я должен уйти отсюда. Даю слово, что я уйду один: судьба остальных меня не интересует.

Дед Андрейчик с интересом разглядывал старого предателя.

— Узнаю архиепископа епархии «Святого духа» и апостола Лиги военизированного христианства,— криво усмехаясь, сказал он.— Факт.

Шайно с беспокойством упер в него подслеповатые глаза:

— Вы меня знаете?

Дед Андрейчик засопел и сказал сухим, потрескивающим голосом:

— Да, я знаю тебя. Ты Шайно!

Крестовик нетерпеливо повел плечом.

— Оставим это. Сейчас здесь будет мальчик. Я даю третий Водоход, вы мне — 24 часа на эвакуацию.

— Нам хватит двух скафандров. А с тобой я поступлю так, как поступил бы на моем месте всякий коммунист и старый радист Мурманского порта,— резко сказал дед Андрейчик.

— Например? — тревожно спросил крестовик.

— Унтер Шайно! Отставить разговоры! Стоять смирно! — крикнул дед Андрейчик.

За дверью послышались шаги.

Дед Андрейчик кивнул Руме:

— В сторону... Рума... стань к стене...

— Кх... сте-не... — угрюмо сказал Рума и отвел свой Водоход в сторону.

Шаги затихли. Кто-то негромко стукнул в дверь.

— Говори!..—шопотом приказал крестовику дед Андрейчик.

— Это ты, Ворс? — неестественно громко спросил Шайно.

Дед Андрейчик шевельнул рукой-пулеметом.

— Так точно, ваша святость. Вы изволили приказать...— раздалось за дверью.

— Пусть мальчик войдет! — крикнул Шайно.

Дверь чуть вползла в стену, и в комнату вошел худой, бледный мальчик. В нем трудно было узнать краснощекого, вихрастого, неусидчивого пилота «Полярного жука». Юра будто состарился и превратился в одного из тех мальчиков-старичков, которых так часто рисовали художники капиталистических стран в эпоху апостола Шайно. Усталым, недружелюбным взглядом он обвел комнату и остановил глаза на двух стальных гигантах. Оба стояли неподвижно и указывали толстыми круглыми ручищами с коротким дулом-пальцем на каждой на заспанного «апостола» крестовиков, стоявшего в одном белье у кабинетного стола.

Юра широко открыл глаза...

— Ворс! — сказал Шайно.

Дед Андрейчик прищурился и при помощи маленького ромбического перископического прибора, прикрепленного у него над иллюминатором, навел дуло своего пулемета прямо в рот авантюристу.

— Ты... можешь идти, Ворс,— внезапно осипшим голосом сказал Шайно.

— Дверь...— зашипел дед Андрейчик.

Шайно протянул руку к стене, и дверь поползла в стену.

— Рума! — позвал дед Андрейчик.

Юра вздрогнул и испуганно глянул на стального великана; только теперь он заметил, что из иллюминатора выглядывает человек.

— Смотри...— сказал дед Андрейчик.

— Смо-три...— мрачно повторил Рума и, сделав неуклюжий шаг, навел свой пулемет в грудь лохматому крестовику.

— Дедушка! — крикнул Юра и бросился к Водоходу.

Из иллюминатора смотрели на него подернутые слезой знакомые голубые глаза. Дед Андрейчик шевелил своими шевченков-

скими усами и громко кряхтел, чтобы окончательно не расплакаться.

— Ну, ну... ты это... тово...— бормотал он.— Сейчас надо уходить...

— Дедушка! — Юра привстал на носки, взглядывая в иллюминатор.— Он жив?

Дед Андрейчик настороженно глянул на внука:

— Кто?

— Амундсен. Я нашел его. Рука во льду... черная... Разве его не подобрали? — быстро заговорил Юра, хватаясь за иллюминатор.

Старик улыбнулся:

— Того, кого ты нашел, мы подобрали. Оживили. Все в порядке.

— Где он теперь?—свистящим шопотом произнес Юра.

— Вот он...

Дед Андрейчик кивнул на своего стального спутника. Юра обернулся и неуверенно сделал шаг к Водоходу Румы.

Маленький курунга не сводил глаз с крестовика. Уже несколько раз Руме казалось, что пора стрелять, что явно подозрительны движения этого ненавистного косматого старика, который когда-то бил по лицу его и отца Маро и кричал на всех противным, визгливым голосом. Но вдруг перед иллюминатором Румы появилось бледное лицо. Чуть приоткрыв рот и широко раскрыв изумленные глаза, Юра разглядывал суровую мордашку незнакомого мальчика.

Дед Андрейчик, прикрыв смеющиеся лукавые глаза густыми бровями, с интересом наблюдал за обоими мальчиками. О косматом крестовике на минуту забыли все трое. Юра стоял спиной к нему, загораживая Шайно от Румы. Вдруг Юра почувствовал, как кто-то сильно схватил его за плечи и поволок назад. Шайно, пригнувшись и прикрываясь Юрой, волок мальчика к двери.

— Ни с места! — заревел дед Андрейчик.

Но крестовик был уже подле двери. Не успел дед Андрейчик навести на него свою левую руку, как Юра вдруг отлетел в сторону, дверь раздвинулась и Шайно метнулся в коридор.

— Стой! — крикнул дед Андрейчик и бросил могучим прыжком свой Водоход к двери.

Раздался глухой удар: дверь стукнула по бронированной руке скафандра и отпрыгнула назад. Стальной гигант вывалился в полутемный коридор, похожий на туннель метро, и остановился; где-то за поворотом, справа, замирал топот убегающих ног.

Дед Андрейчик направил скафандр вдоль коридора вслед за беглецом, но, сделав несколько шагов, остановился: погоня была бесполезна, вряд ли он догнал бы Шайно, но заблудился бы в этом подводном лабиринте наверняка.

— Назад! — крикнул он Руме, который тоже вывел свой Водоход в туннель.— В люк! Аранга! Юра, беги за ним!..

Через несколько секунд все трое уже были в стальной шлюзовой камере.

— Рума! Голову! — скомандовал дед Андрейчик.— Голову!

— Голо-ву! — крикнул Рума, и шлем его со звоном откинулся назад, словно крышка огромной чернильницы.

— Юра! Полезай внутрь! Становись позади него! — приказал старик.— Живо!

Юра мгновенно вскарабкался на плечи стальному гиганту и влез в его об'емистое нутро; для двух мальчиков места в просторном скафандре вполне хватило.

— Закрывай! — крикнул дед Андрейчик и прислушался: за стеной, в туннеле, неистово выла сирена, выла пронзительно, не умолкая, приглушая топот многих ног в далеких переходах туннеля-коридора. Умолкла сирена внезапно, и тотчас же снаружи загрохотал удесятеренный усилителем голос.

— Противник в четвертом повороте! В первом секторе, келья двадцать четвертая! Личный конвой его святости, наверх! Мортирщики, к третьему и пятому поворотам!..— кричал кто-то по-немецки.

Дед Андрейчик шагнул к рычагам в стене и только тут обратил внимание, что рычаги все опущены вниз. Уходя, они с Румой оставили их поднятыми кверху. Теперь, для того чтобы закрыть шлюзовую камеру, повысить давление и открыть пол, нужно было опустить рычаги, но они, оказывается, уже опущены. Все еще не доверяя себе, старик захватил правой клешней крайний рычаг и поднял его: рычаг свободно пошел вверх, но тотчас же безжизненно упал, как только дед Андрейчик его опустил. То же произошло и с другими рычагами.

Рума испуганно наблюдал за порывистыми движениями Водохода деда Андрейчика. Удивленное лицо Юры выглядывало из-за его плеча.

— Гадина! Выключил ток...

Дед Андрейчик растерянно смотрел на повисшие рычаги.

Простой и четкий план набега на подводный штаб был нарушен. Уверенный в том, что даже после побега Румы и после его оживления профессором Британовым, Шайно (он же «красивая немка Лилиан») не открыл тайны стального шлюза остальным крестовикам, дед Андрейчик решил: после того как они с Румой проберутся в секретную комнату «апостола», отбить у крестовиков Юру и уйти тем же ходом, забросав своих врагов гранатами со снотворным газом—чанзитом. Газ этот только недавно стал применяться при хирургических операциях, и дед Андрейчик был уверен, что противогазов от чанзита в штабе Шайно нет. Остальное должна была довершить экспедиция Ливена, которая уже проникла в заброшенные штольни острова Брусилова. Главное было вырвать Юру из рук крестовиков, не дать им выместить свою злобу на беззащитном мальчике в момент штурма подводного штаба сверху и отрядом Валя через тайный ход Шайно.

Первая часть набега на штаб удалась блестяще. Дед Андрейчик даже не ожидал, что он в соседней с шлюзом комнате столкнется с Шайно и что ему удастся так легко, без бою, освободить внука, но теперь путь к секретному туннелю был отрезан, надо пробиваться к главному ходу. Десяти тысяч микроскопических патронов с разрывными нитроманнитовыми пульками, которыми были набиты магазины обеих левых рук Водоходов, и пяти гранат со снотворным газом, прикрепленных к внутренней стенке груди скафандра деда Андрейчика, хватило бы на три таких штаба крестовиков, но кто знает, какие сюрпризы готовят крестовики врагу, ворвавшемуся в их крепость?

Молниеносный полет мыслей старика прервал страшный грохот: столб пыли ворвался в шлюзовую камеру из «кельи» Шайно-Лилиан, и щебень брызнул по стальному полу.

Дед Андрейчик сделал шаг к двери и выглянул: большой пролом зиял в наружной стене комнаты «апостола», и сквозь него, занавешенный кисеей пыли, виден был ярко освещенный коридор-туннель. Крестовики, видимо, стреляли откуда-то справа под узким углом, потому что снаряд развоpотил не только наружную стену, но и левую, внутреннюю, обнажив чью-то смежную «келью». Стреляли легкими снарядиками (очевидно, туннельные артиллеристы учитывали, что как полигон их подводное жилье мало пригодно). Стальная камера, во всяком случае, подобные орудийные щелчки должна была выдержать. Эти наблюдения успокоили деда Андрейчика.

— Стойте на месте! — крикнул он, и голос его донесся до Юры будто издалека.

Юра тронул за плечо стоявшего впереди смуглого мальчика и сказал ему на ухо:

— Стой! На месте...

В это время новый удар потряс комнату Шайно; громили ее из коридора уже с двух сторон. Второй снаряд развоpотил внутреннюю стену слева. Затем резко захлопали щелчки пуль из «пращей Давида». Дед Андрейчик захватил клешней массивную стальную дверь и попытался задвинуть ее, но дверь не подавалась.

Грохнул еще один удар снаряда, и все смолкло.

«Та-ак...—дед Андрейчик прислушался.— Значит, артиллерийская подготовка кончилась. Теперь начнется атака. Факт».

На минуту старик подумал об отряде океанографа Валя. Но он тотчас же вспомнил, что стальной пол плотно прикрыл вход в штаб. Отряд Валя мог бы только взорвать нитроманнитом пол, затопить водой весь штаб и лишь таким образом придти на помощь ему, Руме и Юре. Но это была крайность, к которой дед Андрейчик пока еще не хотел прибегать. Он нащупал первую газовую гранату на груди Водохода, снял ее, отправил в правый рукав и крикнул:

— Юра! Там у вас над плечами есть две маски, сними их, дай Руме одну! Надевать, когда скажу!

В туннеле послышался далекий шум. Он приближался, нарастал, и, наконец, все трое услышали тяжкие шаги и легкое дребезжанье, будто шел по коридору какой-то гигант с огромными чугунными ступнями и волок за собой жестяной детский возок.

Дед Андрейчик направил на провал в наружной стене «кельи» Шайно левую руку Водохода и поднял вверх его правую руку с гранатой. Каково же было его удивление, когда сквозь брешь в стене он увидел своего двойника: Водоход, точно такой же, в каком был заключен он сам, шагнул к бреши, и остроносый человек, беспокойно вертя головой, стал разглядывать через свой иллюминатор разрушенную комнату. Стрелять в него было бесполезно: его броня,

очевидно, также была непроницаема для пуль; бросать гранату — рано: можно усыпить одного и предупредить других. Как знать, вполне возможно, что в туннелях существует несколько отсеков с герметически изолирующими воротами-щитами? Захлопнут всех троих тут, в этой норе, а сами через главный ход удерут. Но то, что дед Андрейчик увидел в следующую минуту, превзошло все его ожидания: вражеский Водоход попятился назад и стал устанавливать прямо против бреши в стене кургузую пушчонку — распылитель «святой воды», страшной жидкости — кармонзита,— испепеляющей все живое.

Дед Андрейчик и сам не помнил, как включил он свой скафандр на максимальную быстроту, как ворвался его Водоход в коридор, опрокинул кармонзитовую пушчонку и стал пулеметным ливнем хлестать в иллюминатор врага. Пули не брали стекло вражеского скафандра, но зато пули Румы отлично рвались в глубине туннеля. Водоход с двумя мальчиками делал крутые, внезапные повороты и держал под обстрелом весь эллипсис туннеля-коридора и, очевидно, небезуспешно, ибо крестовики удрали и слева и справа в глубь туннеля, побросав свои мортиры.

Дед Андрейчик совсем прижал в стене Водоход крестовика и лишь выискивал в нем щелочку, через которую можно было бы уколоть врага разрывной нитроманнитовой иголкой. Но вдруг крестовик занес руку своего Водохода, взмахнул, и старик увидел, как жирная желтая жидкость заструилась по стеклу иллюминатора, затем стекло стало оранжевым: пламя бушевало на всем скафандре. Водоход деда Андрейчика, облитый жидким термитом и подожженный крестовиком, на минуту застыл на месте. Старик дал задний ход, его Водоход отступил на два шага и ринулся на врага. Тот не выдержал бокового удара, опрокинулся, горящий термит со скафандра деда Андрейчика переполз на него и разлился по огромному брюху к ногам и к груди. Затем, уже задыхаясь и чувствуя, что раскаленная сталь жжет все его тело, старик отбросил шлем, выпрыгнул из Водохода и бросился в разрушенную комнату.

— Рума! Назад! — заревел он.

Но Рума не спешил: он подождал, когда полуобгоревший остроносый человечек стал выбираться из своего поверженного наземь и об'ятого пламенем Водохода, и расстрелял его из пулемета в упор. Затем, пятясь и грозно поводя своей огнестрельной левой рукой, Водоход с двумя мальчиками стал задом отступать к разрушенной комнате.

— В камеру! — крикнул дед Андрейчик.

Два мальчика в одном скафандре едва успели ввалиться в бронированную камеру, как раздался оглушительный взрыв: это в горящем Водоходе деда Андрейчика взорвались сразу все пять газовых гранат. Сильный аромат нето шалфея, нето ромашки ворвался в ноздри деду Андрейчику. Его рука лихорадочно забегала по одежде: маски не было, она осталась там, в горящем Водоходе.

— Маски! Надеть! — крикнул он и в ту же минуту почувствовал, как внезапная слабость отяжелила его руки, ноги, все тело.

Старик опустился на колени, потом стал на четвереньки, постоял так секунду и повалился на бок.

Юра рванулся за спиной у Румы, чуть было не сорвал свою маску, похожую на собачий намордник, и по спине, по плечам Румы выбрался из Водохода. Спрыгнул, подбежал к деду, наклонился: старик спал, оглушительно храпя.

Юра поднял голову и вопросительно взглянул на незнакомого мальчика, взгляды их встретились: испуганный, недоуменный — у одного и угрюмый, строгий — у другого.

«Теперь конец, теперь убьют», — мелькнуло в голове у Юры, и в этот момент вся шлюзовая камера чуть наклонилась вперед, как каюта корабля от легкой волны.

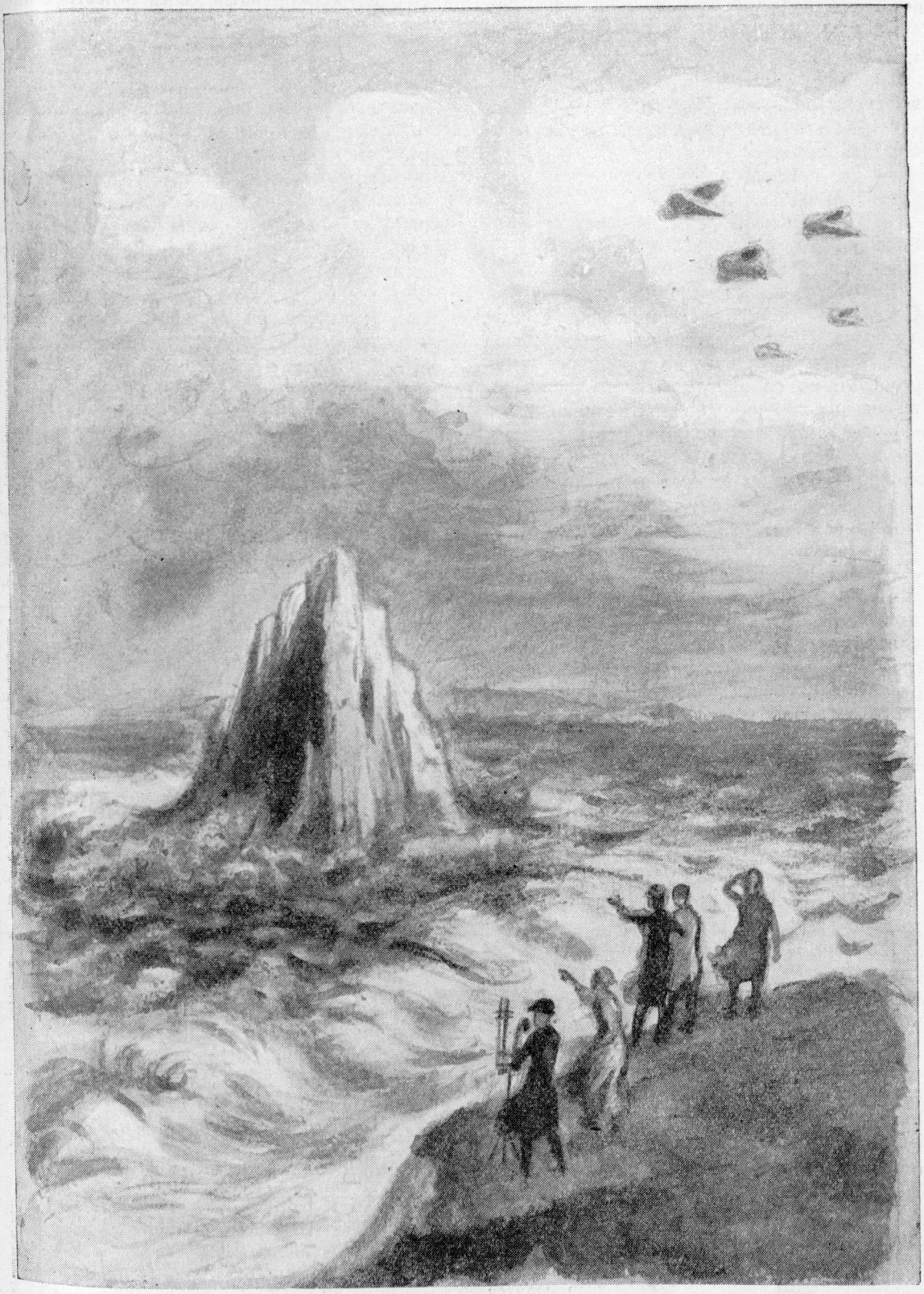
Сильный подземный гул наполнил всю стальную комнату...

„Я увидел здесь необычайные вещи"

Старик с седой, давно не бритой щетиной на тонком бледном лице сидел перед большим ящиком, заменявшим ему стол. Старик писал. Неуютные пещерные стены окружали его. Колбочка с мерцающим газом тускло освещала это странное помещение без окон и дверей. Несомненно, здесь кончалась штольня, и хижина, отгороженная ящиками от ее ствола, была тупиком этой штольни.

Между ящиками и стеной возникла темная фигура.

— Это вы, Силера? — спросил небритый старик, не отрываясь от своего «стола».



В бурлящих потоках обмелевшего пролива росла черная точка, превращаясь в утес.

— Я,— ответил вошедший.

— Кто это шумел сейчас там, в штольне?

— Хьюз. Он говорит, что привык петь во время работы.

— Вы его предупредили, что нужно соблюдать тишину?

— Да, профессор.

— Что он вам ответил?

— Он просит разрешения свистеть, профессор.

— Свистеть?

Профессор Ливен удивленно взглянул на Силера. В небритом старике, наряженном в серую спецовку горняка, трудно было узнать всегда тщательно выбритого, старомодно, но со вкусом одетого начальника испано-марокканской экспедиции.

— Если ему так хочется, пусть свистит, но негромко. Скажите Хьюзу, что через четверть часа он сможет петь, танцовать и делать все, что ему заблагорассудится. Но не раньше.

— Хорошо. Я ему скажу.

— Что у вас, Силера?

— Третья разведка геозондами показала на глубине начиная с пятого километра присутствие архейских пород. Выше идут горизонты юрских песчаников, которые чередуются с горными породами вулканического происхождения.

— Значит, я не ошибся в своих прогнозах?

— Нет, профессор.

— Какой у нас получился процент тория в текучей зоне[1]? Вы не помните, Силера?

— Три пятитысячных.

— Да, да, правильно. Вот что, Силера... — профессор встал и начал разминать руки и плечи.— Предупредите всех участников экспедиции, что «Тератом» будет пущен в глубь земли через десять минут. Раздайте всем маски.

— Свенсон раздает маски.

— Очень хорошо. Вы проверили систему охлаждения в снаряде, Силера?

— Испарение фреона идет нормально. Охлаждение в порядке.

— Отлично. Прикажите всем собраться у выхода из штольни. Кто с нами остается у снаряда?

— Хьюз.

— Великолепно. Идите к снаряду. Я сейчас туда приду.

Ровно через 10 минут после этого разговора сильный глухой гул дать знать всей экспедиции, собравшейся у выхода из штольни, что подземная торпеда профессора Ливена отправилась в далекий путь к недрам земли. Постепенно гул перешел в отдаленный стон: будто какое-то огромное раненое пещерное животное зарывалось глубоко в землю, и, по мере того как оно уходило все глубже, стон его становился глуше и глуше. Наконец, стон замер совсем, и тотчас же штольня качнулась из стороны в сторону, как трюм парохода от легкой волны...

Вдоль штольни с магниевыми факелами в руках, спотыкаясь, бежали Ливен, Силера и Хьюз. У выхода с тревогой и нетерпеньем их ждали остальные участники экспедиции.

Все тотчас же бросились вон из туннеля и врассыпную побежали к берегу. Первым на берег прибежал Хьюз, последним — Ветлугин (начальник полюсной станции бежал с портативной походной рацией в руках).

Пролив между островами Брусилова и Седова уже несколько дней, как очистился ото льда, лишь редкий ледяной припай кое-где болтался по обоим берегам. Вдали виднелись серые утесы острова Седова, покрытые корой льда.

— Я ничего не вижу, профессор! — крикнул Хьюз.

— Спокойно, Хьюз. Через 20 секунд начнется поднятие нашего острова и подводной скалы,— сказал Ливен.

— Море! — вдруг крикнула Ирина.— Смотрите!

Действительно, на поверхности пролива происходили странные вещи: вода внезапно почернела, стала клокотать как кипяток в огромной кастрюле и покрылась пеной; высокая волна ударила в берег и отошла далеко назад, обнажая дно.

— Сигнал! — крикнул Ливен.

— Володя, сигнал! — задыхаясь закричала Ирина.

Ветлугин припал в микрофону:

— Остров Мальмгрена?! Алло! Говорит остров Брусилова. Давайте машины! Да!.. Да!.. Дно поднимается! Через пять?.. Стратопланы в воздухе! — крикнул он. — Будут через пять минут!

— А я жалел, что поздно родился, —

---

[1] Ученые доказали, что земной шар делится на зоны: текучая зона следует за земной корой и состоит из кремния, магния, тория и других элементов.

сказал Хьюз, не отрывая взгляда от клокотавшего пролива. — Оказывается, еще можно увидеть гражданскую войну.

— Это не война, а экспедиция по спасению мальчика, — вразумляющим тоном сказал Силера.

— Да, но для этой экспедиции нашей милиции пришлось обобрать несколько военных исторических музеев, — ответил Хьюз и тотчас же закричал: — Позвольте! Но ведь мы поднимаемся! Наш остров!.. Профессор!

Море медленно уходило прочь от берега, яростно рыча и оставляя обнаженное дно, покрытое водорослями, грязной пеной и копошащейся морской мелкотой. Вдали, в бурлящих потоках обмелевшего пролива, росла перед изумленными взорами людей черная точка, превращаясь в утес, в новый остров. Берег, на котором стояли участники экспедиции, медленно уходил от воды, торжественно, без малейших толчков вознося их на все возрастающую высоту. Величественное явление: рождение новой горы здесь и суши там, внизу, где еще несколько минут назад клокотал холодный кипяток пролива, — происходило на глазах у этих людей. И люди, завороженно глядя перед собой, забыли, что это они послали в глубь земли чудесный снаряд «Тератом», заряженный мощными запасами радия, этого извечного творца материков, морей и горных хребтов.

Оглушительный свист заставил всех поднять головы кверху: огромные самолеты почти под прямым углом шли на снижение. Их было несколько десятков. Небо, внезапно покрытое геометрическими силуэтами машин, на несколько секунд потемнело, но только на несколько секунд. Уже с большой высоты машины сразу же взяли направление на новый скалистый островок, появившийся вдали, посреди мелкой лужи (это было все, что осталось от пролива). Машины окружили его, как стая гагар скалу на птичьем базаре. Легкий ветерок донес до группы людей на высоком берегу свежий аромат огурцов. Затем один за другим раздались два сильных взрыва...

— Товарищи! Наденьте маски! Милиция взорвала вход в убежище контрреволюционеров! Сейчас туда будет пущен снотворный газ — чанзит! — крикнул кто-то позади группы.

Все обернулись. В нескольких шагах от них стояла пассажирская машина. Пилот, махнув приветственно рукой, стал напяливать маску, похожую на намордник, с миниатюрным пятачком репродуктора на месте рта. Увлеченные необычайным зрелищем, развернувшимся перед их глазами, все участники экспедиции Ливена даже не заметили, как за их спиной на крохотную песчаную площадку, опустившись на роторе, присел самолет.

— Прошу садиться! — крикнул пилот уже через свой миниатюрный репродуктор.

Все бросились к самолету, извлекая из карманов и напяливая свои маски, розданные Свенсоном еще в штольне.

— Это нечестно, профессор! — загудел неугомонный Хьюз из своего пятачка-репродуктора прямо в ухо Ливену, усаживаясь в машине. — Мы подняли со дна новый материк, а другие люди уже поселились на нем и придумывают для него название.

— Не скулите, Хьюз, мы летим туда же, — сказал Свенсон.

Ответить Хьюз не успел: нужно было вылезать: машина уже стояла у самого подножия огромной серой скалы, острой как готический собор. Прямо против машины, у черной пещеры, поросшей ракушками и поникшими водорослями, сновали вооруженные милиционеры и санитары с носилками.

Резко и неприятно заголосила сирена. Милиционеры и санитары застыли.

— Подрывной взвод! В третий проход налево! — загрохотал громкоговоритель с командорской машины, когда умолкла сирена. — Первая рота за ним, остальные немедленно в воздух!

Команда подрывников и рота милиционеров едва успела добежать до входа в пещеру, как подле самой скалы один за другим раздались два сильных взрыва. К счастью, никто не пострадал. Через две минуты остальные люди, в том числе и все участники экспедиции Ливена, были уже в машинах, а машины — в воздухе. Взрывы продолжали раздаваться внизу; казалось, это взрывались сами подводные камни и песок вокруг скалы.

Ветлугин сидел рядом со Свенсоном в той самой машине, которая только что перенесла их с острова Брусилова на этот поднятый со дна океана скалистый островок и теперь снова унесла в воздух.

— Как ты думаешь, Эрик, что это значит? — спросил начальник полюсной станции, глядя вниз, на мелкий щебень, разлетающийся от взрывов вокруг скалы.

— Простая штука, — безразличным то-

ном сказал Свенсон. — Мины с замедленным действием.

— А зачем подрывной взвод? Неужели чанзит не уложил спать весь этот подводный сброд?

— Не уложил, так уложит. В какой-нибудь келье закрылись наглухо. Не иначе.

Взрывы раздавались не только вокруг скалы, но и внутри штаба крестовиков, внезапно выброшенного со дна пролива на поверхность чудесным радиевым снарядом профессора Ливена. Глухие толчки отчетливо слышны были на далеком расстоянии.

Пилот кругами стал набирать высоту — и перед глазами участников экспедиции Ливена предстала необычайная картина: отряды самолетов кружились над мокрой сумрачной скалой, словно потревоженная стая птиц; миниатюрные как игрушки танки-вездеходы, увязая в иле, подбирались к пещерному входу в штаб крестовиков; полсотни стальных головастых человечков выходили из воды и, неуклюже передвигая свои трубчатые ноги, шли на штурм последней твердыни контрреволюционеров. Это был подводный отряд океанографа Валя, сопровождавший под водой деда Андрейчика и Руму. Не рискнув взорвать стальной пол в тайной шлюзовой камере Шайно, Валь вел своих бронированных подводников в обход, к главному шлюзу штаба.

Взрывы и удары внутри скалы прекратились почти одновременно. Свенсон не ошибся: уже потом выяснилось, что Шайно, Курода, папа-полковник Ансельмо Граппи, химик Кармон и прочие главари крестовиков успели опустить в одном из отсеков туннеля непроницаемый металлический щит, который герметически закупорил их в нескольких кельях, но подрывной взвод двумя минами вдребезги разнес металлический щит и как сусликов обдал «апостола» и его «архиепископов» успокоительной волной чанзита. Петер Шайно и его сподвижники проснулись лишь через три часа в «аварийной гостинице» на Диксоне, по соседству с Золтаном Шайно.

Разрешение опуститься вновь подле штаба крестовиков машина с участниками экспедиции Ливена получила только спустя полчаса, когда уже вся скала была окружена милиционерами и санитарами.

Пилот опустил машину на то же место, возле самого входа в пещеру. Первой из машины выпрыгнула Ирина Ветлугина. Она увидела, как из черного зева пещеры санитары то и дело выносили на носилках спящих крестовиков и укладывали их в самолеты-грузовики, словно дрова, штабелями по шесть человек. Против входа в «штаб-храм» стояли веером штурмовые милицейские самолеты. В воздухе над островком парили на роторах и кружились разведчики. Батальон милиционеров и отряд Валя оцепили мокрую скалу со всех сторон... Последний акт уничтожения лиги крестовиков подходил к концу.

Ирина Ветлугина, придерживая свою маску рукой, побежала ко входу в пещеру. За ней, прыгая с камня на камень и скользя в водорослях и в живом планктоне, промчались муж и Эрик Свенсон.

Ирина добежала до входа и остановилась. Санитары тащили мимо нее спящего седого старика в одном нижнем белье.

— Юра! — крикнула Ирина. — Где Юра?

Ей никто не ответил. Она оглянулась на мужа, на Свенсона и побежала прямо в пещеру. Вряд ли Ирина сознавала в этот момент, куда она бежит и где она в этом мрачном подземелье будет искать своего сына.

Мужчины не отставали от Ирины. Все трое бежали по темным переходам, шли по освещенным магниевыми факелами коридорам, останавливали встречные носилки и, взглянув на бледную физиономию какого-нибудь крестовика, бежали дальше. Вдруг за одним поворотом блеснул яркий свет: густой луч милицейского прожектора освещал под углом разгромленную, исковерканную стену. Груды щебня были навалены там, впереди, в коридоре, окровавленный труп какого-то крестовика в серой куртке с черным крестом на груди валялся подле разбитой стены, и рядом с ним лежали опрокинутые два огромных стальных скафандра. Несколько милиционеров, укрывшись за блиндажами опрокинутых мортир, сидели подле прожектора и тихо переговаривались между собой.

— Шш-ш-ш! Тихо! — зашипели на Ирину и ее спутников милиционеры, когда они подбежали к ним. — Тут стреляют. Вы бы отошли. Вы кто такие?

— Я мать мальчика Юры, — сказала Ирина.

— А-а-а! Так это вы самая? Как же! Слыхали. А это ваш муж?

— Да, я Ветлугин, — сказал Владимир.— Что тут происходит?

— Да вот, засели какие-то из их банды и отстреливаются, — сказал кто-то из-за блиндажа. — Одну засаду мы уже взорвали. Пришлось повозиться. Но те быстро засну-

ли, а вот с этими канитель. У них, видно, есть маски от чанзита.

Милиционеры заговорили вполголоса:

— Откуда у них маски? Говорили, что у крестовиков масок нет...

— Держу пари, что они туда, в эту разрушенную дыру, и мальчика с собой уволокли!

Свенсон тронул Ветлугина за рукав, отвел в сторону и зашептал ему что-то на ухо.

— Ты думаешь, Эрик, это он? — спросил Ветлугин.

— Уверен, что это дед Андрейчик. Ты разве своего старика не знаешь?

— Стоп! — сказал Ветлугин и направился к милиционерам.

— Товарищи, разрешите мне поговорить с осажденными!

— Напрасный труд,—сказал один из милиционеров.—Мы им уже предлагали сдаться, а они из пулемета в ответ палят. Сейчас подойдет бронированный отряд океанографа Валя. Он с этими разбойниками поговорит иначе.

— Я не о сдаче буду говорить, — сказал Ветлугин.

Не дожидаясь разрешения, он сделал из ладоней рупор вокруг своего пятачка-репродуктора и крикнул:

— Степан Никитич!

Ирина изумленно глянула на мужа, потом на Свенсона и вдруг все поняла.

— Папа! — крикнула она и бросилась вперед.

Но вместо деда Андрейчика из пролома в стене нерешительно выглянул худенький мальчик в маске. Еще через секунду мальчик уже висел на груди у Ирины. Сорвав маски, мать и сын плакали, смеялись, целовались и сквозь слезы разглядывали друг друга. Ветлугин стоял тут же; он гладил сына по вихрастой белой голове и только покряхтывал, чтобы не расплакаться самому.

Свенсон поднял брошенные маски и укоризненно покачал головой.

— Ох, как я устала, — сказала Ирина и, не отнимая от своей груди сына, опустилась вместе с ним на пол.

Ветлугин отступил на шаг и с грустной улыбкой посмотрел на жену: она спала, лежа на боку, прямо на полу туннеля, прижимая во сне спящего рядом с ней Юру.

Ветлугин наклонился, подвел под них свои могучие ручищи, поднял и бережно понес к выходу среди расступившихся милиционеров.

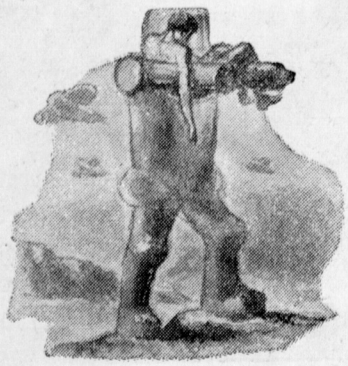
— Вы не жалеете, Силера, что мы на несколько дней оторвались от своей работы у Гибралтара? — спросил профессор Ливен, влажными глазами провожая Ветлугина, пронесшего мимо него на руках сына и жену.

— Что вы, профессор! Я рад, что мы смогли быть полезными. Я увидел здесь необычайные вещи.

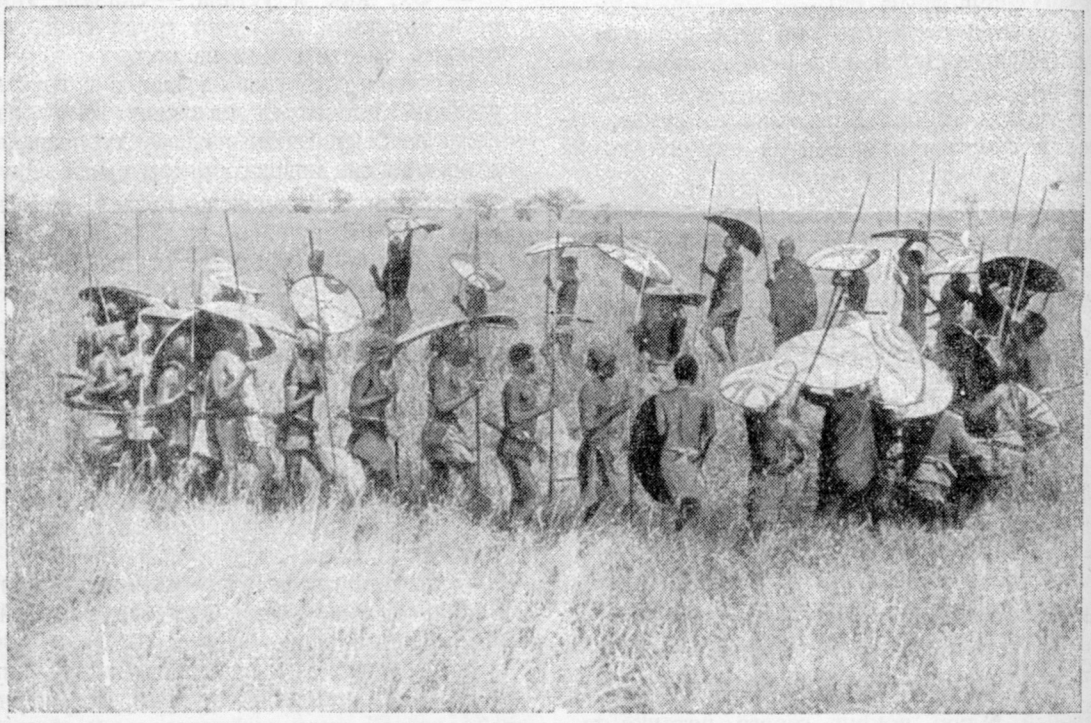
— Хэлло, профессор!—крикнул Хьюз.— Взгляните вон туда. Я, кажется, тоже вижу необычайные вещи.

Все обернулись к пещерному входу «штаба-храма» крестовиков. Там, на черном фоне входа, отчетливо выделялась огромная фигура стального гиганта с головой, похожей на котел, и с трубами-ногами. Обе руки его были вытянуты вперед, и на них, разбросав врозь руки и ноги, лежал дед Андрейчик. Стальной гигант стоял так всего несколько секунд. Потом шагнул вперед и, провожаемый удивленными взглядами милиционеров, пилотов и санитаров, понес громоподобно храпящего старика к самолетам.

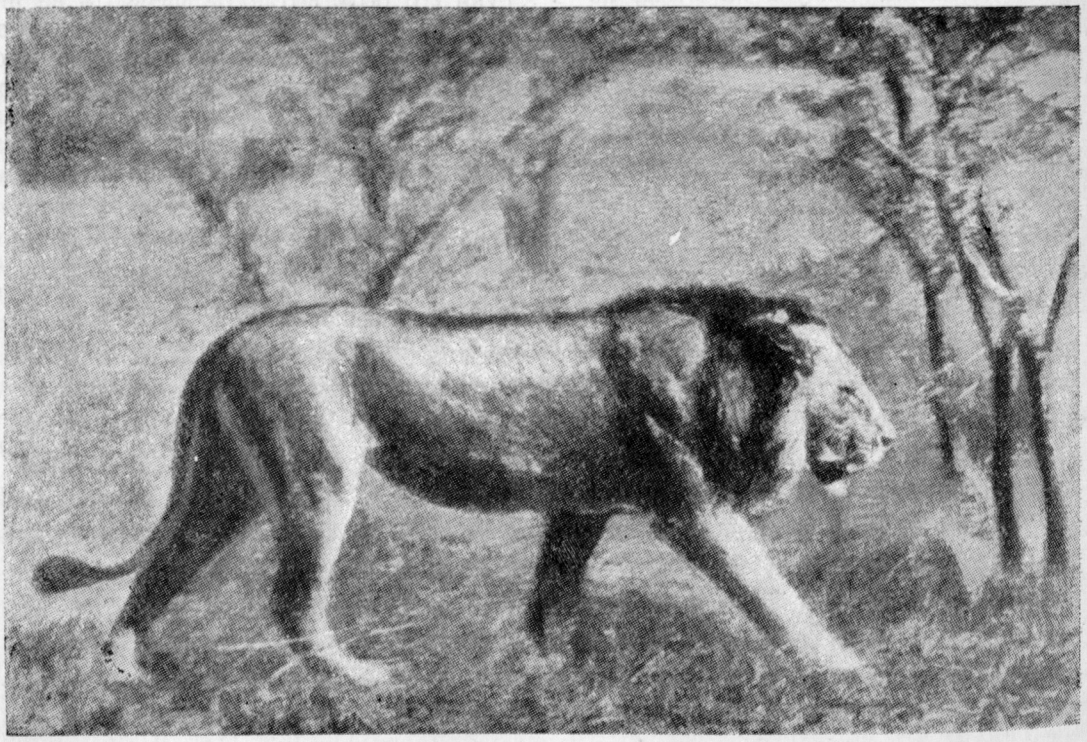
Когда он, тяжело ступая, шествовал со своей ношей мимо профессора Ливена, тот успел разглядеть в иллюминаторе строгое и торжественное лицо Румы.



Конец



Копейщики начали торжественную пляску вокруг сраженного льва.



Лев медленно пошел в степь...

С копьем на львов

Несколько лет назад американская экспедиция отправилась в наиболее неисследованные области Африки. Путешественники поставили себе задачу — изучить нравы и обычаи первобытных племен и природу этих областей, почти не затронутую вмешательством человека. Там можно было еще встретить целые стада животных, уже всюду на земле ставших редкостью. Кинооператоры экспедиции надеялись заснять целый фильм об их жизни в их родной обстановке. С экспедицией поехал Карл Экли, знаменитый сотрудник американского Музея естественной истории, натуралист, художник и скульптор, прославившийся замечательными панорамами из жизни животных, устроенными им у себя в Музее. После его смерти жена его, Мэри Экли, написала книгу об этой поездке в дебри Африки. Вот как она рассказывает об охоте на львов у негритянского племени, не знающего еще европейских ружей.

Вскоре после нашего приезда в Таганьику мы условились с туземцами племени Лумбуа устроить охоту на львов.

Явилось сорок копейщиков. В нашем лагере начались спешные приготовления. Негры намазывали и растирали салом свое бронзовое тело. Они точили и чистили свои длинные копья и коротенькие мечи. Укрепляли ремешки на разрисованных щитах из шкуры буйвола. Надевали головные уборы, украшенные белыми и черными страусовыми перьями и мехом гривы льва. Это были все знаменитые охотники, победители львов, потому что только тот, кто уже победил льва в поединке, имеет право надеть такой головной убор.

Рано утром отряд бесстрашных туземцев отправился в степь; мы следовали за ними на автомобиле с киноаппаратом и ружьями наготове.

В степи охотники кольцом окружили вождя. Спокойным голосом он убеждал копейщиков проявить все свое искусство в предстоящей опасной схватке. Охотники склонили копья перед вождем в знак торжественного обещания.

Лев был замечен вблизи оврага—донги. Последующие события развернулись так стремительно, что только потом, просматривая кинофильм, мы разобрались в том, что, собственно, произошло. Лев подкрадывался, припав всем телом к земле, с блестящими от ярости глазами. Первый копейщик метил в сердце льва, но копье вонзилось немного выше. Тогда с молниеносной быстротой замелькали другие копья. Раненый, раз'яренный лев ринулся в атаку сначала короткими быстрыми прыжками, из стороны в сторону размахивая хвостом, потом бешеным огромным скачком. Но копья сыпались градом, и могучий зверь распростерся на земле. Тогда копейщики начали торжественную круговую пляску вокруг сраженного льва. Один из них затрубил в рожок. Сейчас же громкий хор голосов ответил ему: «Окэри! Окэри!» («Он погиб! Он погиб!»). Пели охотники, двигаясь в плавном ритмическом танце.

Еще несколько раз мы присутствовали при этом смелом поединке людей, вооруженных только самодельными копьями, с самым сильным хищником мира.

Однажды лев был тяжело ранен на расстоянии всего лишь семи метров от нас. Копье попало ему в бок и насквозь пронзило могучее тело. Вдруг со страшной силой лев ринулся на одного из копейщиков, сорвал его щит и до кости разодрал ему руку от самого плеча. В этот момент все охотники, как один, бросились на выручку своего собрата. Двенадцать копий вонзились в тело зверя, и охотник был освобожден из когтей. Схватка кончилась. С песнями и танцами закружились копейщики вокруг распластавшегося льва.

Как-то раз охотники встретились со львом в совершенно открытой степи, где не было ни оврагов, ни зарослей кустарника. Мы радовались прекрасной возможности сделать удачный фильм. Нам хотелось сфотографировать нападение льва. Но это был мирно настроенный лев. Он не пожелал принять вызов и спокойно удалился. Копейщики наступали, пробираясь сквозь высокую траву. Лев остановился. Теперь он сидел, яростно рыча. Грива его ощетинилась, желтые глаза горели. Участники нашей экспедиции под'ехали на пяти автомобилях. Тогда поняв, что предстоит неравный бой, лев встал и медленно пошел в степь. Ни разу он не пытался укрыться. Ни разу он не ускорил шагу. Ни у кого из нас, видевших это гордое, красивое отступление, не поднялась рука выстрелить.

Этого льва мы не тронули.

ЛЮСЯ И ШУРА

Письмо Гали Ш.

У нас в классе есть две девочки: Люся и Шура. На самом деле их зовут по-другому, но я не хочу называть их имен, поэтому называю — Люся и Шура. Люся мечтает стать киноартисткой. Она страстная поклонница артистки Франчески Гааль. Однажды кто-то сказал Люсе, что Гааль умерла. Тогда Люся заявила, что если это правда, она бросится под трамвай. Но это оказалось неправдой. Многие девочки хотят стать артистками. Но Люся, по-моему, идет не по тому пути, по которому шли все наши хорошие, знаменитые артистки.

Во второй четверти в нашей школе был вечер. Пришли все ребята. Настроение было хорошее. Одеты все были по-праздничному. Вдруг одна девочка сказала, что у Люси накрашены губы, ресницы и брови.

— Что ты удивляешься? — ответил ей наш ученик Костя.— Она и на занятия ходит намазанная.

Мы никогда не обращали на это внимания, но сейчас все увидали, что у Люси накрашены и губы, и брови, и ресницы. Мы все очень удивились, потому что у нас никто не красится и нам и без этого очень весело.

После вечера, когда мы собирались домой, мы решили поговорить об этом с Люсей. Она покраснела, ничего не ответила нам и ушла.

На другой день она пришла в школу с завитыми волосами. Концы волос у нее обгорели, и вся она была какая-то лохматая. Ребята написали про нее стихи:

«На головке кудри, кудри,
Носик в пудре, пудре, пудре...»

Эти стихи ребята читали громко, на весь класс, потом нарисовали ее и повесили карикатуру на доску.

Мы не хотели обижать Люсю, подошли к ней, хотели поговорить. Но она убежала от нас.

Тогда я и моя подруга решили поговорить с Люсей дома и вечером пошли к ней.

Нас встретила немолодая полная женщина невысокого роста. Это была мать Люси. Она сказала, что Люсе нездоровится и она лежит, но сейчас встанет. Потом мы узнали, что мать Люси просто запирает ее платья, чтобы Люся не ушла гулять. В комнате был невообразимый хаос: на неприбранных кроватях горели керосинки, везде валялись тряпки, бумага, платья. Люсина мама рассказала нам, что Люся занимается в консерватории и что она оплачивает люсины занятия, говорила, что Люся сделает себе карьеру и ей нужно хорошо одеваться.

Люся мало читает, она не любит физкультуры, не занимается в кружках.

Шура, подруга Люси, похожа на нее. Однажды мы встретились с Шурой у библиотеки. Она шла менять книги.

— Правда, интересная книга? — спросила я Шуру.

Шура удивленно посмотрела на нас и засмеялась:

— Ты что, девочка, с ума сошла?!

— А что?

— Да я-то откуда знаю, какая она?

— Как, ведь ты же читала?

— Нет, я книг не читаю!

— А зачем же ты берешь книги?

— А вот она полежит до срока, потом сдам, а в школе и дома думают, что я читаю, и все довольны.

В другой раз мы увидели у нее книгу «Спартак». Ее было трудно достать, потому что ее брали наперебой. У Шуры эта книга лежала несколько дней, она ее не читала и все-таки не давала нам:

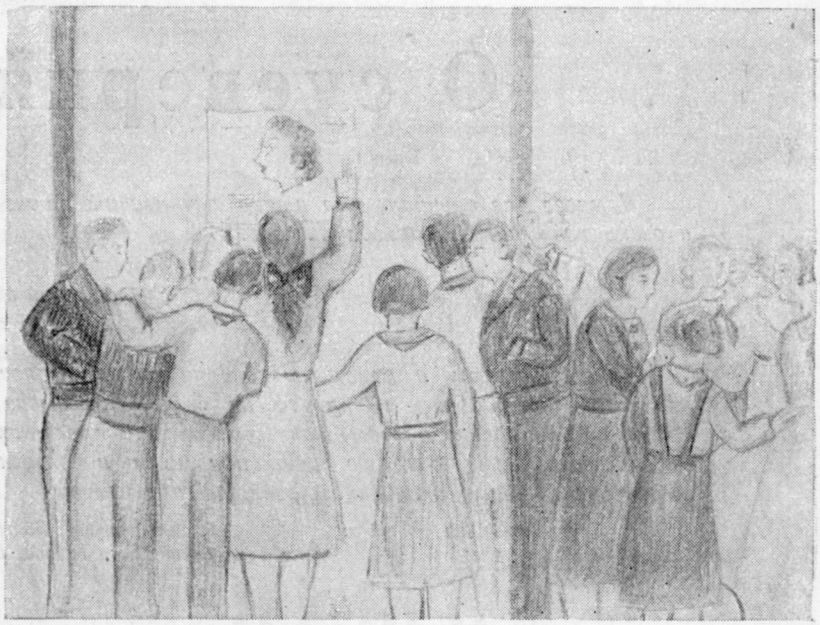
— Пусть дома полежит!

Однажды на уроке географии преподаватель рассказывал о том, что один арктический пароход отправился в плавание.

— Об этом было напечатано в газетах, — сказал он.

— В газетах этого не было! — запротестовала Шура.

Подруга сказала мне:



Ребята повесили карикатуру на доску.

— Наконец-то, Шура стала читать газеты!

Но... выяснилось, что Шура читала в газете только отдел происшествий.

Путь в актеры

Заслуженная артистка Республики М. И. Бабанова

Я прочла письмо Гали и решила написать не только Люсе и Шуре, но и многим другим девочкам и мальчикам, которые мечтают в будущем стать актерами. Я знаю таких девочек, как Люся. Вечерами они стоят у театра и дожидаются выхода любимых актеров, они непрерывно звонят артистам по телефону не потому, что у них есть какое-нибудь дело, а просто так, чтобы потом сказать своим товарищам: «Я говорила с тем-то и тем-то». Они думают, что это и есть путь в актеры. Люсю, конечно, интересует не самое театральное искусство: ей хочется быть артисткой ради внешнего блеска, славы, аплодисментов и т. д. Из таких людей никогда не выходят хорошие актеры. Они не думают над своей ролью: кончается репетиция, они уходят домой и забывают о роли. А настоящий актер так увлечен своей работой, что для него не существует ни дня, ни ночи. Это большой и трудный, но замечательный путь.

Для того чтобы стать актером, надо с детства работать над собой. Представьте себе, что два мальчика хотят быть летчиками: один строит модели самолетов, изучает авиацию, увлечен этим, а другой только носит шлем летчика. Кто из них станет хорошим летчиком? Конечно тот, кто по-настоящему интересуется авиацией.

Так и с теми ребятами, которые хотят стать актерами.

У меня есть два знакомых мальчика, с которыми я очень люблю говорить. Они прекрасно разбираются во всех постановках, и однажды так раскритиковали нашу пьесу, что я была поражена их пониманием сценического искусства. Я говорю с ними, как с равными товарищами и знаю, что они понимают меня.

Мы часто идем с ними из театра вместе. Они любят театр, и каждая постановка — большое событие для них. Они мечтают стать артистами, но не говорят об этом. Вот из таких ребят может получиться толк.

Ребята, которые решили стать актерами, пусть серьезно подумают над этим. Артист должен иметь большой умственный и духовный багаж, у него должен быть острый глаз и чуткое ухо. Он должен уметь играть так, чтобы каждая его мысль и слово дошли до зрителя. А это дается большой работой. Даже самый способный человек никогда не сможет сыграть хорошо, если он мало работает.

О суевериях

Я много раз слышал, что птица сыч кричит на счастье и на несчастье, и очень хочу узнать, правда ли это?

Боргман,
Североосетинский край, ст. Беслан, д. № 9.

Как-то, купаясь в реке, мы увидели конский волос, который извивался как змея. Ребята все выскочили на берег и, называя волос „волосянкой", стали рассказывать о том, как „волосянка" проходит в тело и идет по кровяным сосудам, доходя до сердца или мозга, и человек умирает. Об'ясните, пожалуйста, нашим тяжинским ребятам про волос,

Б. Кравцевич, Л. Батусов,
Бронницы, Бронницкого района, деревня Тяжино, д. № 63.

На эти вопросы ребятам отвечает писатель Б. С. Житков

«Волоса», которого вы видели в воде, бояться нечего. Он червь. Ученые его называют «дордиус акватикус». У него, как и у дождевого червя, даже и рта нет. И всверлиться в человеческое тело он не может.

Если даже как-нибудь случайно проглотить воду вместе с ним, то человека просто вырвет и волос вылетит вон.

Но вот ходит поверье, что «волос» входит в человека, что он причиняет болезнь, что он движется там внутри, проникает в сердце и в мозг. Откуда эти страхи? Конечно, противно глядеть на извивающуюся в воде живую нитку, кажется, что она прошьет тебя, что, наверно, острая и скользкая.

Говорят, что «волос» будто бы ходит по человеку. Что навело темных людей на эту мысль? Есть болезнь, в которой водяной «волос» вовсе не виноват. Есть паразит, который попадает в кожу человека и делает в ней у поверхности ходы, как будто красная нитка продернута под поверхностью кожи. И думали: «Вот он, волос, вот это он к наруже подошел, это его след». А потом, когда проходила болезнь, говорили: «Теперь он внутрь пошел, жди беды, об'явится». И ждали долго. Коли долго ничего не случалось, говорили: «Значит, еще не набрел он на сердце». Но заболеет же человек когда-нибудь? Вот тут уж во всем винили «волос». Нога заболела — значит, он в ногу бросился; голова — значит, до мозга дошел.

«Волос» живет так: он кладет яички на листья водорослей. Из них выходят малюсенькие личинки. Они входят в личинки комара, комариных личинок пожирают водяные жуки-хищники, но вместе с комариной личинкой в жука попадает и личинка «волоса». И в жуке она продолжает жить и оттуда, выросши, вылезает на волю — в воду. Поначалу у «волоса» есть еще рот и даже кишки, но скоро это все пропадает, и когда вы его видите длинной (бывает до метра) ниткой, — это уж взрослый червь безо рта и без кишок. Они бывают самцы и самки. Самца можно узнать по тому, что хвост у него раздвоен. А встретить

их можно всюду: и в теплой воде в Туркестане, и в холодной воде в Ленинградской области, и в быстрой реке, и в стоячем пруду.

Только он никакого вреда принести не может, и червя этого нечего бояться.

Про сыча все это сказки.

Сыч — птица ночная. А ночью все птицы спят кроме совиной породы. И людям всегда кажется, что коли по-особенному птица живет, так, наверно, она уже не простая, а ночное дело темное, никто толком и не видел, что такая птица ночью делает. А если днем ее увидеть, то первое, что удивляет, — это глаза. Глаза не по бокам головы поставлены, как у всех птиц, а смотрят прямо вперед, как у человека, большие (ей ведь ночью приходится ловить и охотиться), и это еще больше убеждает, что птица эта особенная, что она, должно быть, мудрая и знает тайны. И уж коли ночью кричит сова, филин или сыч, — значит, не спроста — вещает что-то, узнала — и предупреждает на своем птичьем языке.

Горе должно быть: слышат птицу десятки людей. Гляди, у кого-нибудь горе и случилось. Ах, сыч накликал! Другому к тому же времени счастье привалило. Тот решает: эге, это к счастью сыч кричал!

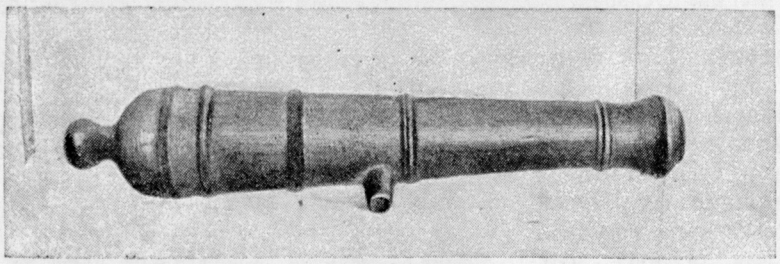
Поэтому, как ни крикни сыч, всегда кому-нибудь и покажется, что сыч — пророк: ведь из сотни людей будет же у кого-нибудь либо удача либо неприятность какая случится.

ПОЧТА

ПУШКА

Письмо Александра Наумова,

город ***Михайлов, Больничная ул., д. 27***



Эта пушка весит 20 килограммов.

Пушка, о которой я пишу, была найдена в овраге близ нашего города.

Мой товарищ, гуляя по оврагу, заметил на берегу ручья, протекающего по дну оврага, какой-то странный предмет, похожий на трубу. «Водопроводная колонка»,— подумал он; но, очистив предмет от налипшей на него земли, он увидел, что это была маленькая пушка.

Узнав об этой находке, я зашел к нему, и мы внимательно осмотрели пушку. В заднем конце пушки мы нашли небольшое отверстие для фитиля. Около отверстия мы заметили какие-то цифры и буквы. Очистив поверхность этого места от ржавчины, мы разобрали в лупу надпись: «1777 год».

Стержень, видный в нижней части пушки, поддерживал, повидимому, пушку на лафете. Пушка сделана из чугуна. Весит она 20 килограммов. В длину имеет 62 сантиметра.

На том же самом месте мы нашли старинную гирю в 15 килограммов.

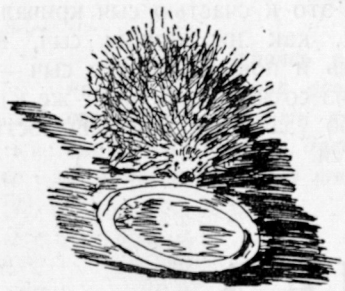
ПОЧТА

ШАРИК

Письмо Володи Соседова

Москва, Костянский пер., д. 4, кв. 42.

Однажды я гулял по лесу. Неподалеку от меня в сухих ветках ели послышался шорох. Я остановился, и из-за кучи хвороста выглянуло маленькое остренькое рыльце с широкими ушами. Потом показалось колючее туловище ежа. Он понюхал воздух и продолжал путь. Я пошел по его следу. Нечаянно я наступил на сухую ветку. Раздался хруст. Еж остановился и не успел опомниться, как я накрыл его фуфайкой, взял на руки и побежал домой.



Я поставил перед Шариком тарелку с молоком.

Придя в комнату, я выкатил ежа из фуфайки на пол. Он лежал на полу, свернувшись в круглый комочек. В это время где-то загудел гудок. Еж испугался: подскочил кверху, развернулся, но сейчас же вновь свернулся и замер. Так до самого вечера и пролежал. Мы назвали ежа Шариком.

Утром я проснулся, увидел, что еда, которую мы дали ежу, не тронута, а Шарик сидит на прежнем месте. Я протянул к нему руку. Еж фыркнул и сразу свернулся.

Так он пролежал целые сутки. Но вдруг во время обеда Шарик развернулся и побежал по комнате.

На следующий день его уже можно было брать на руки. А с пищей была беда: он ничего не ел. Ослабел, похудел, стал вялым и скучным. Что ему под нос ни подсовывали, ничего в рот не брал. У Брэма я прочел, что ежи питаются лягушками, мышами, змеями. Змей и мышей сразу не наловишь, а вот лягушек в болоте сколько угодно.

Поймал я их штук десять, принес и пустил в комнату! Мама увидела, рассердилась: «Мало тебе ежа, что ли? Ты бы еще крокодила принес». Я сунул лягушку к самому носу ежа. Но Шарик только фыркнул и убежал. Пришлось выбросить лягушек.

Шарик так ослабел, что, когда ходил, спотыкался. Мы на семейном совещании решили еще день подождать, а потом выпустить его на волю. На другой день мы ушли гулять и оставили ежу молока, травы, мяса, червей и заперли комнату. Когда вернулись, смотрим: нет Шарика. Все комнаты обшарили—нет ежа. Посмотрели за сундуком, за шкапом — нигде нет.

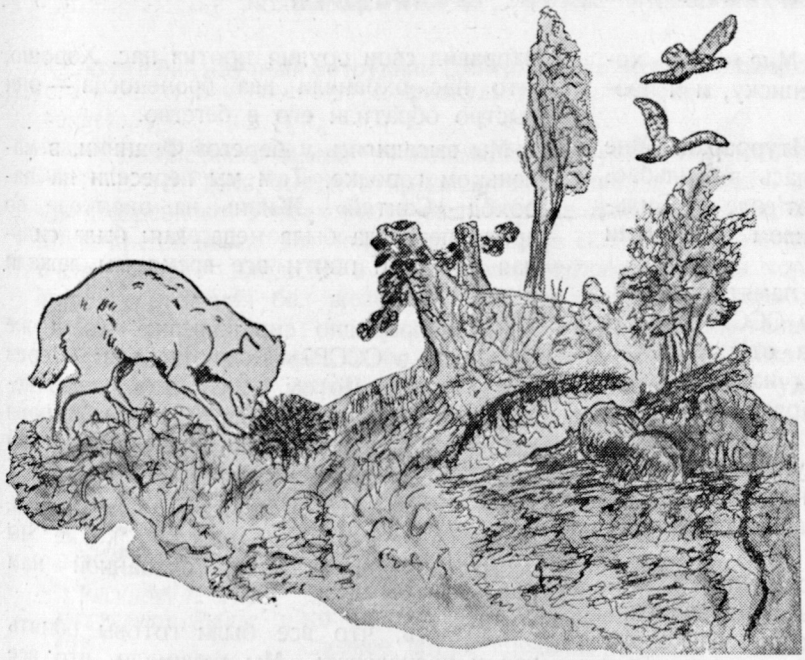
На другой день я полез за мячиком под кровать. Здесь стояло ведро с яйцами. За ведром я увидел ежа! А около

Ежик кувырком полетел в реку.

него яичная скорлупа. Я вытащил ежа из-под кровати, он забегал по комнате и как будто стал веселей. Подбежал к блюдцу с молоком, понюхал и разом все вылакал. С этого дня Шарик стал есть и мясо, и хлеб, и лягушек. С лягушками он расправлялся здорово. Раз я ему принес лягушек: он, увидев их, схватил одну лягушку и перегрыз ей задние лапы. Потом поймал другую и третью. Глотал их еж почти целиком.

Я поймал на сеновале громадную крысу. Принес ее домой и пустил в ящик, а потом посадил к ней ежа. Еж заметил присутствие крысы и бесстрашно подошел к ней. Обнюхал от хвоста до головы.

Крыса начала пищать и несколько раз укусила Шарика в губы и морду. Шарик не смутился таким началом: не отступая ни на шаг, он стал облизывать укушенные места. Вдруг он схватил крысу зубами за голову и с'ел.



Собака стала подкатывать Шарика к луже.

На следующий день с ежом случилось несчастье.

Я посадил его на окно. А окно было открыто. Под окном пробежала мышь. Шарик кинулся за ней. Подоконник был скользкий, и Шарик упал. Смотрю: лежит Шарик на траве, весь трясется, шипит. Я бросился к нему на помощь.

Сбегал за шапкой и отнес его в шапке домой. До следующего вечера еж пролежал, а на другой день повеселел, выздоровел.

Когда еж привык ко мне, я стал брать его с собой на прогулки. Он подсовывал нос под корни подорожника, с удовольствием с'едал улиток, жуков, червяков, личинки... Иногда он делал неуклюжие попытки поймать бабочек.

Когда Шарик находил землянику, он сначала с'едал крупные ягоды, а потом уже мелкие.

По утрам мы отправлялись с ним к озеру. В одну из таких прогулок я сидел на берегу и смотрел, что делает Шарик. Он побрел по воде, подбираясь к водяной крысе. Я думал, что она удерет задолго до того, как Шарик приблизится к ней. Но крыса не двигалась. Они оказались друг против друга. Шарик немножко привстал. Затем он снова опустился и задумался, нюхая воздух. Крыса прыгнула к ежу, щелкнула зубами и... обратилась в бегство. Шарик бросился за крысой. Но она увернулась и бросилась в воду. Шарик не удержался на коряге и кувырком полетел в воду. Что было дальше, я не мог разобрать из-за брызг, но знаю, что крыса успела укусить ежа в кончик носа. Шарик с фырканьем поплыл к берегу.

Однажды мы шли с Шариком по небольшой извилистой тропинке. Выйдя на

опушку леса, я увидел большого охотничьего пса. Пес бегал по опушке. Я спустил ежа на траву. Шарик привстал на лапы и внимательно осмотрел собаку. Потом Шарик, обежав лужу, побежал к ней навстречу. Собака яростно бросилась на ежа и исколола себе морду. Тогда она стала осторожно подкатывать ежа к луже. Я взял Шарика на руки и понес домой. Он продолжал фыркать и шипеть. А когда я протягивал руку, чтобы погладить его, он свертывался в комок.

На следующий день еж исчез. Я обыскал весь дом, но нигде не мог найти ежа.

ПОЧТА

СССР—страна счастья

Письмо Хосефины Итурраран к советским школьникам в Пскове

Привет, мои товарищи! Мне очень хочется завязать с Вами переписку, и я прошу Вас ответить мне.

Меня зовут Хосефина Итурраран. Мне четырнадцать лет. Я родилась в Бильбао. Я расскажу Вам о нашем от'езде из Бильбао и о нашем счастливом прибытии в СССР.

12 июня этого года было памятным днем. Мы уезжали из Басконии в СССР. Все мы с трепетом ожидали часа от'езда... Как вдруг в 5 часов вечера над нашими головами просвистел первый снаряд.

За первым последовали новые снаряды. Они падали на главные улицы столицы, разрушали дома и убивали невинных людей. Эти снаряды посылали фашистские летчики.

Я помню, как один снаряд упал в здание почтамта и разрушил его. Другой снаряд попал в красивое здание баскского клуба. Люди бросились бежать к убежищам.

Моя мать обняла меня и говорила: «Счастливая ты, что не будешь больше находиться в этом аду, ты едешь в страну, где найдешь заботу и ласку, которую я тебе уже не смогу дать».

Наконец, нам удалось добраться до порта, где нас ждал пароход «Гаванна».

Пароход отчалил. Мы удалялись от берега. Я думала о том, что оставляю свою родную страну, и о тех, которые боролись с преступными фашистскими захватчиками.

Да, преступными! Ведь по вине фашистов у меня нет отца и моя мать скитается бездомная по свету. Я плакала...

Вдруг на горизонте показался пиратский корабль «Альмиранте Сервера», который направил свои орудия против нас. Хорошо, что нас охраняли два броненосца,— они быстро обратили его в бегство.

Мы высадились у берегов Франции, в маленьком городке. Там мы пересели на пароход «Сантай». Жизнь на пароходе во время переезда была невеселая: была сильная качка, и почти все время мы лежали в постелях.

Мы непрерывно спрашивали: «Когда же мы будем в СССР?» Нам отвечали: «Через шесть дней». Потом через пять, через четыре, три, два, один день. К вечеру 22 июня мы с восхищением увидели Ленинградский порт.

Нет слов, чтобы описать, мои друзья, наше волнение, нашу радость, какие мы испытали при встрече, оказанной нам в Ленинграде.

Казалось, что все были готовы обнять нас и расцеловать. Мы понимали, что все хотят сделать нас счастливыми, заставить нас забыть перенесенные мучения и горе.

В Ленинграде мы посетили замечательный Дворец пионеров. Там так хорошо и интересно, что не хотелось уходить.

Мы отдыхали три месяца. Теперь отдых окончен. Мы начали учиться.

СССР — страна счастья. Мы знаем, что своим счастьем мы обязаны товарищу Сталину, и в наших сердцах всегда будет жить благодарность великому вождю.

Я кончаю свое письмо. Жду с нетерпением Вашего ответа.

Прошу Вас передать мой привет Вашим учителям, а Вас всех прошу быть моими друзьями.

Да здравствует Сталин!!

Вальс на лыжах

Старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института физкультуры И. Черепов

Прошедшей зимой я занимался с группой школьников горнолыжным спортом В тот день, когда открылась наша «школа танцев», мы ехали поездом до станции Подрезково. У всех ребят были горные лыжи «телемарк», оборудованные жесткими креплениями для ног, с железными скобками. Ботинки с толстой подошвой очень плотно входили в крепления, и поэтому лыжи хорошо слушались лыжника. Мягкие крепления без железных скоб не годятся для горнолыжного спорта: с ними нельзя ни прыгать, ни делать крутые повороты, ни танцовать.

Кроме того перед этим занятием мы с помощью ножа и напильника специально приспособили наши лыжи для того, чтобы на них было удобнее «танцовать». Как видно из рисунка 1, мы подстругали и закруглили снизу задние концы лыж. Стругивать надо немного, только на половину толщины лыжи. От этого лыжи нисколько не портятся. В последнее время специальные горные лыжи для спусков и поворотов всегда делают с таким закруглением заднего конца. Это помогает легче скользить и меньше задирать снег на выкатах и поворотах.

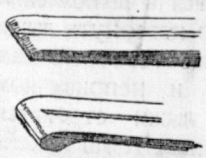


Рисунок 1. Так закругляют концы лыж.

В вагоне было очень тепло, и мы поснимали теплые курточки. Лыжи, внесенные с мороза в теплый вагон, вначале заиндевели, потом покрылись мелкими капельками воды. Минут через пятнадцать они высохли. Тогда мы их развязали и на всю нижнюю поверхность положили лыжную мазь. Мы никогда не забывали мазать свои лыжи. От этого они лучше сохраняются, лучше скользят и на них легче подыматься в гору, так как специальная мазь устраняет «отдачу» лыж назад. Мазь надо хорошо растереть пробкой или рукой, чтобы она ровно распределилась по поверхно-

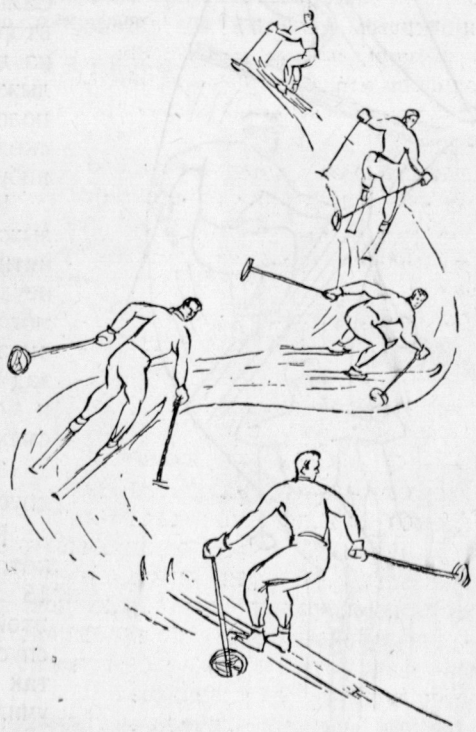


Рисунок 2. Первые шаги обучения танцу.

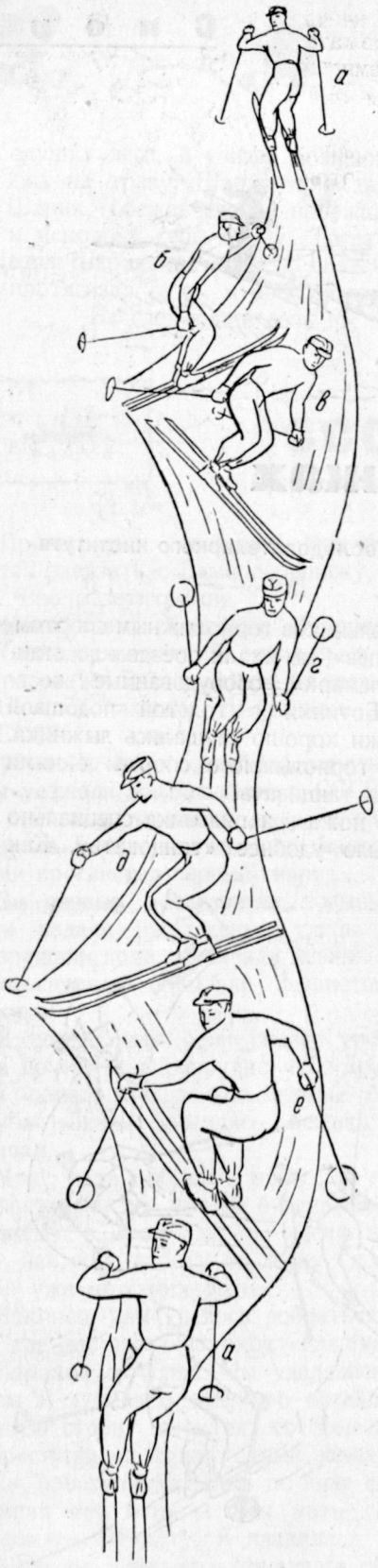


Рисунок 3.

сти и нигде не осталось не покрытой ею скользящей поверхности лыж. Только успели закончить эту операцию, как поезд остановился.

Гора укатана лыжами как паркет. Снег стал твердый и гладкий. В другое время нам, может быть, и не понравился бы такой снег, на котором лыжи раз'езжаются. Но сейчас он как раз подходит для нашей цели: лыжные танцы возможны только на твердом и гладком, хорошо укатанном снегу.

Спустившись с горы, мы завернули к кустам и сложили возле них наши рюкзаки. Потом поднялись немного кверху и начали занятия на гладком, отлогом склоне крутизной не более 15°.

Вальс на лыжах, конечно, во многом отличается от обычного танца без лыж. Суть этого танца заключается в том, что лыжник на спуске делает очень резкий поворот, так что его лыжи повертываются задними концами вниз по склону (смотри положение *а* на рисунке 3). В этом положении движение не останавливается. Лыжник продолжает скользить вниз спиной к спуску, помогая себе легким упором на палку (положение *б*), рывком делает второй поворот в ту же сторону, возвращая лыжи в нормальное положение — носками вниз по склону. Можно здесь закончить первое па, но обычно делается несколько таких поворотов, быстро следующих один за другим, и тур вальса заканчивается внизу горы.

Когда лыжник уже умеет выполнять резкие повороты на спуске, научиться вальсу нетрудно. Самый сложный момент заключается в выполнении второй части поворота, когда надо повернуть лыжи из положения задками вниз. Кроме того что сам лыжник находится в неудобном и непривычном положении — спиной к спуску, лыжи стремятся скользить прямо назад и часто вонзаются в какой-нибудь бугор или погружаются в рыхлый снег.

Когда я показал ребятам исполнение вальса на лыжах, им захотелось поскорее выполнить это занятное упражнение. Первые попытки закончились неудачно. Все выполняли начальный поворот, но не могли заставить лыжи повернуться дальше, когда оказывались спиной к спуску. Лыжи скользили назад все быстрее и быстрее, затем врезались в снег, и мои ученики опрокидывались на спину. Поднялся смех и шум.

Тогда мы занялись отработкой самого главного — спуска спиной и поворотов из этого положения.

Вначале мы взяли совсем маленькую горку, на которой лыжи скользили не дальше чем на 10 — 15 метров, останавливаясь на ровном месте. На этой горке мы разучили спуск спиной. Начинали спуск из положения спиной к склону и с'езжали так до самого подножья горы. Очень скоро все научились этому спуску. Оказалось, что для него надо держать лыжи как можно более плоско на

снегу (не ставить на ребра) и отклоняться немного назад (вперед по направлению движения). Лыжи надо держать параллельно. Колени держали согнутыми и корпус немного наклоненным, точно так же, как мы это привыкли делать на обычном спуске.

Рисунок 4.

Уже после двух—трех пробных спусков все уверенно скатывались с горы, и мы перешли к разучиванию поворотов из этого положения. Повороты начинали делать после небольшого разгона назад. Для поворота вправо надо было немного присесть (рис. 3а), затем опереться на палку в левой руке (3б) и, оттолкнувшись от нее, выпрямиться, рывком закручивая тело в сторону поворота (3в). При этом надо было опираться не на пятки, как обычно, а на носки и следить за лыжами, чтобы они оставались на снегу в плоском положении и не цеплялись ребрами за снег во время поворота. С этим упражнением нам пришлось повозиться около часа. Наконец, стали получаться отдельные повороты задом и даже целые змейки (рисунок 2) из нескольких поворотов задом, чередующихся в разном направлении.

Теперь мы перешли к вальсу. Правда, у нас не было с собой оркестра музыки, но шуму, смеху и веселья было много. Как видно из рисунка 3, лыжный вальс представляет собою чередование обычного поворота и поворота задом. Можно кружиться и вправо и влево, как кому нравится.

Рисунок 5.

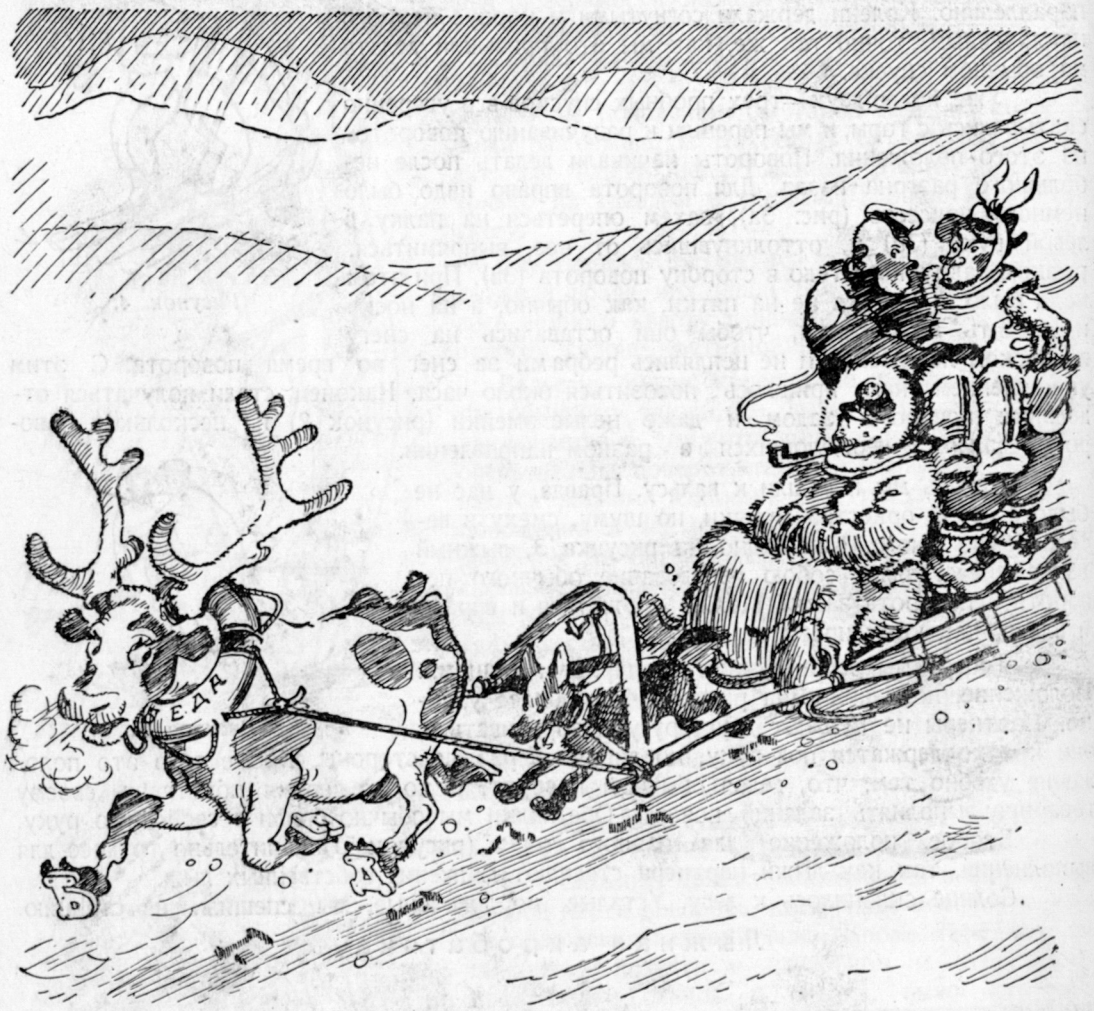
Теперь мы решили заняться парными танцами. Положение, показанное на рисунке 4, наиболее удобно. Партнеры не мешают друг другу поворачиваться, они крепко держатся под руку, но лицами в разные стороны. Кроме того это положение удобно тем, что, делая обычный поворот, в то же время помогаешь своему товарищу выполнять заданий поворт. Обе палки мы обычно брали в свободную руку.

Второе положение для парного танца (рисунок 5) значительно труднее для выполнения, так как лыжи партнера стесняют движение собственных лыж.

Солнце склонилось к лесу. Усталые, но довольные, мы спешили на станцию.

Лыжная акробатика

Чемпион СССР по слалому 1937 года В. Гипенрейтер занимается в Кировске лыжной акробатикой. На снимках И. Черепова: 1) прыжок с «переворотом» лыж на 270°; 2) сальто; 3) поперечный прыжок из предноса с опорой на палки.



Приключения капитана Врунгеля

(Окончание)

А. Некрасов *Рис. К. Ротова*

В общем вышло все к лучшему. Экипаж «Беды» вновь соединился, высадились мы в Канаде и стали думать о возвращении на родину. Но тут зима: реки стали, на автомобиле не проедешь, а пароходом — это ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и что попадется: оленя или собак.

Нарты я достал, а Лом привел пятнистого оленя средней упитанности. Специалисты его освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса.

Запрягли мы его, видим: ничего олень не везет, ноги так и раз'езжаются.

Я отвинтил медные буквы от кормовой доски и ему к копытам вместо подков приспособил. И помогло, знаете, но плохо. Правда, дрейф у него стал поменьше, а ходу все равно не прибавилось.

Тут и Фукс пришел со своей покупкой. Привел эдакую небольшую собачку с пестрой мордочкой. Ну, мы и ее решили запрягать.

Но, это легко сказать. Собака, знаете, не дается, кусается, скалит зубы. Поди-ка запряги такую.

Ну все-таки обратали. Соорудили ей дугу, ввели насильно в оглобли, отпустили... Олень бьет копытами, собака воет, и, представьте, животные довольно резко пятятся назад. Я уже хотел так задним ходом и отправляться, но для опыта решил их поменять местами. Хоть и говорится, что от перестановки слагаемых результат не меняется, но это, знаете, в алгебре, а тут совсем другое дело.

Переставили. И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.

И собака за ним.

Словом, не успели оглянуться — граница Аляски.

Я, знаете, хотел тормозить, неудобно пересекать границу без соблюдения формальностей. Кричу:

— Малый ход, стоп!

Куда там, олень мой не смотрит, не слушает, несется как заводной. Так и проскочили.

Понеслись дальше. И минут эдак через пять обгоняем упряжку, потом еще две упряжки, потом я уж и считать перестал, стольких пообогнали. И вот открывается форт Юкон за поворотом. Там народ столпился на льду. Машут руками, кричат, палят в воздух, ну, знаете, не выдержал лед, провалился. Толпа раздалась к берегам, а у нас прямо по носу огромная полынья.

Я накренил нарту на бок, хлоп в снег со всем экипажем, и олень мой сразгону прямо в воду и с собакой и с нартами.

Смотрю, плавает, фыркает, отдувается...

Тут зачалили нашего оленя, стали вытаскивать, и представьте: хваленые рога благородного животного отделились без всякого труда, а из-под них выглянули коротенькие рожки на манер коровьих. За них и вытащили всю упряжку на лед. Олень мой встряхнулся да как замычит жалобно, как корова.

Я пригляделся, вижу: корова и есть, только без хвоста. И понятно стало, почему наш олень без подков танцовал, как корова на льду. А вот откуда у него несвойственная этому виду резвость взялась, я не сразу понял.

Однако специалисты-собачники и это мне раз'яснили. Фукс тоже, оказывается, попал впросак: и ему вместо собаки молодого волчонка подсунули.

И вот заметьте, как интересно: волчонок сам по себе — не собака. И корова сама по себе — не олень, а вместе как славно получилось. Вот тут, знаете, закон алгебры как раз подошел: минус на минус дает плюс, как говорится.

Ну, когда несколько улеглись страсти, выяснилась и причина столь торжественной встречи. У них там в этот день была зимняя гонка, и мы не думали и не гадали, а вышло так, что первое место заняли.

Дня три мы пожили в Юконе, сами отдохнули, дали животным отдохнуть, потом опять запрягли свои нарты и тронулись в путь. Юкон пролетели стрелой, выбрались в Берингов пролив и взяли прямой путь на Чукотку... До острова Лаврентия хорошо проехали, а тут получилась задержка: поднялся шторм, взломало льды — и мы перед трещиной застряли, как на мели.

Ну, устроились под ропаком. Ждем, когда льды сойдутся. Так бы оно ничего, торопиться особенно некуда, и с питанием благополучно. Словом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом туго пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим.

Ну, вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин — это все нам не подходит... Ну, вспомнил еще, как-то был я в цирке, так там один гипнотизер пристальным взглядом воду вскипятил.

Вот бы, думаю, мне бы так... Уставился на льдину — не кипит, не тает даже. Ну, я понял, что ерунда, обман, просто цирковой фокус... И только это слово вспомнил — блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я вскочил, схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом, возвращаюсь к ропаку:

— А ну-ка, говорю, товарищи, помогите мне установить фокус.

Лом поднялся, ворчит.

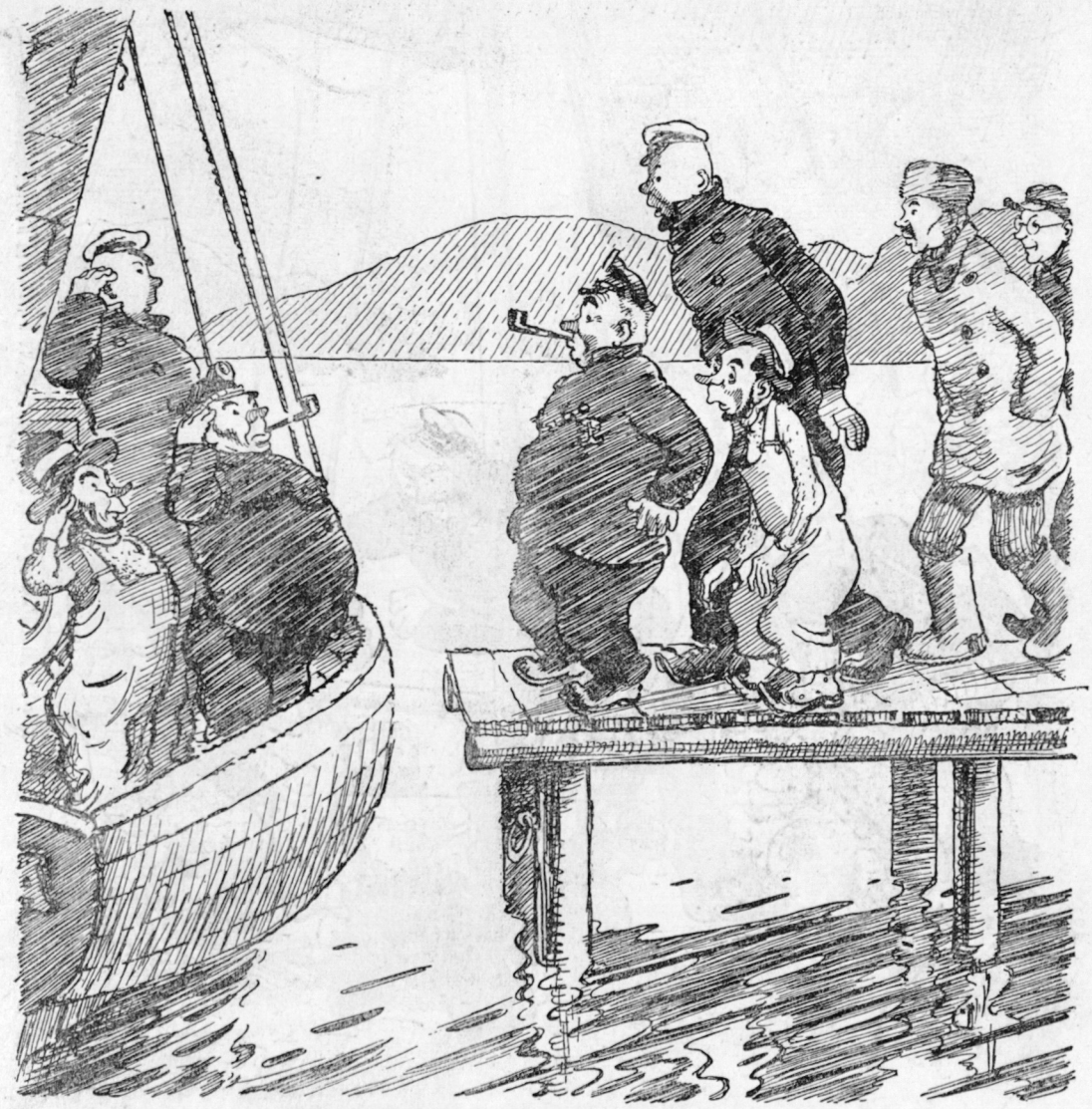
Фукс тоже ропщет.

— Фокусы, покусы. В Красном море я в одних трусах купался, и то было жарко, а тут три пары надел — все равно не греют...

Ну, я прикрикнул на них:

— Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать... Пять градусов влево, еще левее...

И вот, знаете, подняли творение рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лед, глядим: так и буравит, как в редьку, только пар свистит. Навели на чайник — мгновенно закипел, даже крышка взлетела.



Ну, пожили так с недельку. Уже и запасы стали подбираться, но тут льды сошлись, запрягли мы своих «рысаков» и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Ну, должен вам сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и когда я рассказал, кто мы, нас как родных обласкали.

Но тут, знаете, подошла весна, вскрылось море, и мы затосковали. Как утро,—на берег, посмотреть на океан. И вот однажды выходим мы все втроем, прогуливаемся, Фукс на сопку полез, вдруг слышу: кричит страшным голосом:

— Христофор Бонифатьевич, беда!

Ну, я думал, что случилось. Бросился на помощь, Лом тоже полез, а Фукс все кричит:

— Беда, беда!

Взобрались мы к нему и, представьте, действительно, видим: идет «Беда» под всеми парусами.

Ну, бросились в город, торопимся. А там уже яхту заметили, готовятся к встрече...

Я ничего не понимаю. Как же так, чорт возьми! Ведь на моих глазах «Беда» пошла ко дну. Ну, думаю, подойдет поближе, разберемся.

А подошла яхта, и вовсе стало непонятно. Смотрю: за рулем стоит Лом, тут же рядом Фукс шкотовым. А у мачты я. И командую подходом.

Может быть, думаю, это не я? Пригляделся: нет, я. Тогда на берегу не я? Пощупал живот, нет, и на берегу я.

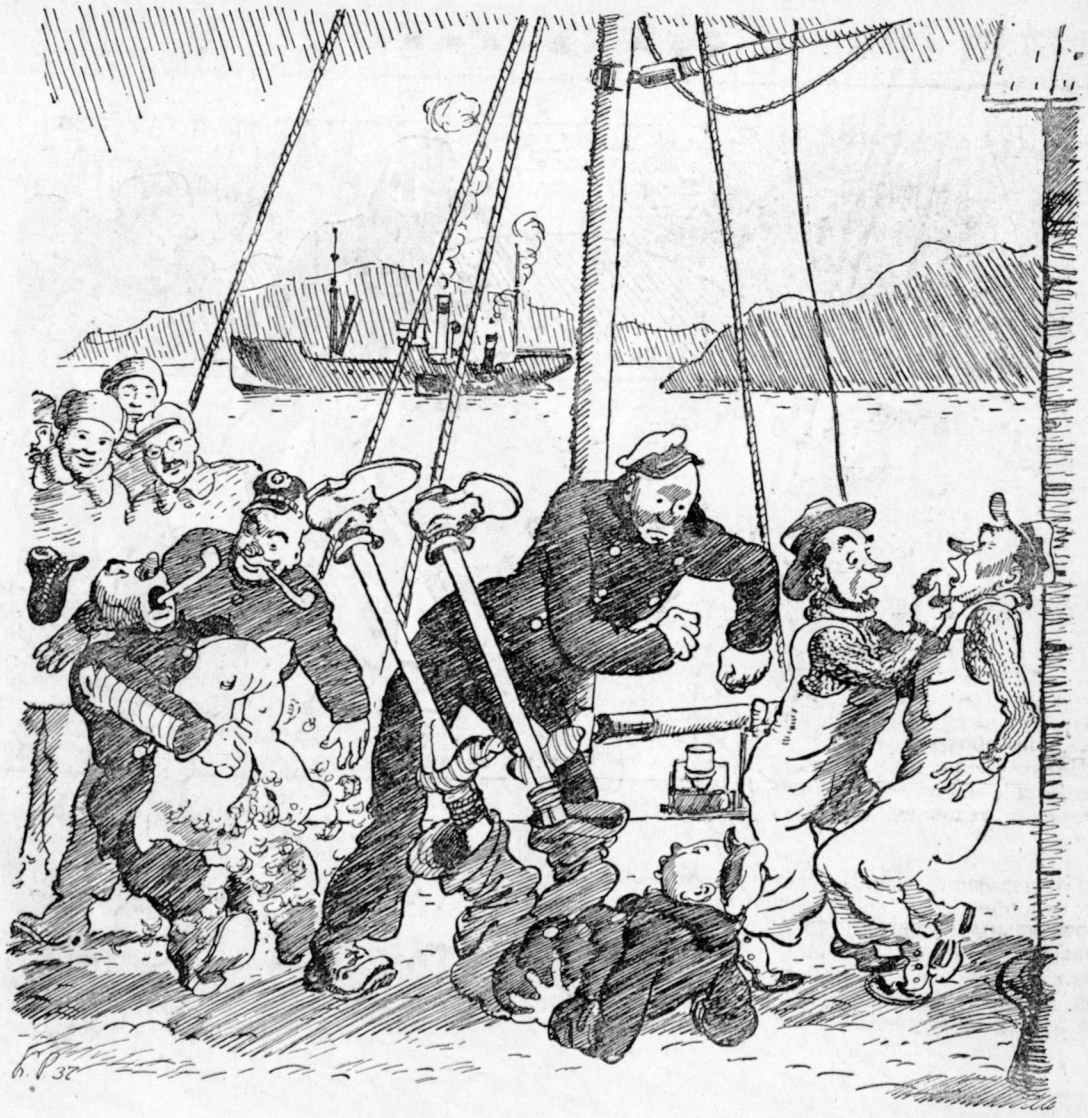
Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома и на Фукса, обступили нас.

— Ну,—говорят,—капитан, может быть, вы об'ясните создавшееся положение?

А «Беда» между тем подходит по всем правилам. Вот этот двойник мой раскланивается, берет под козырек.

— Разрешите,—говорит, — представиться: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Закончив кругосветный поход, прибыл в порт назначения.

Публика на пристани кричит «Ура!», а я, знаете, так ничего и не понимаю.



И главное, я в дурацком положении, вроде самозванца... Ну, ладно, думаю, поглядим, что будет.

И вот, знаете, они сходят на берег, я стремлюсь выяснить положение, пробираюсь к ним, но меня оттирают, и слышу: рассказывают, что тут есть уже один Врунгель с командой.

Он, знаете, осмотрелся кругом и заявляет:

— Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля, я его сам потопил в Тихом океане.

Я как услышал, так сразу все и понял.

Пробился со всей командой, подхожу вплотную к нему.

— Здравствуйте, — говорю, — адмирал Кусаки, как доехали?

Он растерялся, молчит. А тут Лом подоспел и Лома номер два поверг наземь. Тот упал, и глядим: у него вместо ног ходули торчат.

Тут и Фукс осмелел, подлетает к Фуксу номер два, вцепился ему в бороду и оторвал разом.

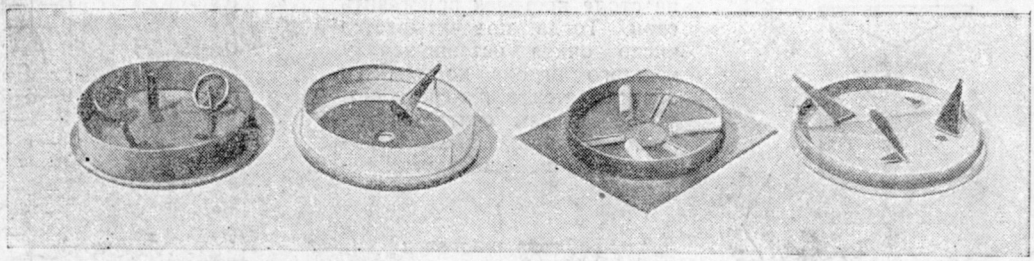
Но им хорошо: у одного рост, у другого борода, а у меня никаких характерных признаков... Чем же, думаю, мне своего двойника донять.

И вот, пока думал, он сам придумал лучше меня. Видит: дело дрянь, хватает кортик: раз-раз и распорол живот накрест... Я зажмурился: не могу я на такие вещи смотреть.

Но слышу: народ на берегу смеется. Открыл глаза, вижу: двойник мой живехонек, только несколько похудел, на животе его зияет страшная рана, и оттуда перья летят...

Ну, тут кортик у него отобрали, скрутили его и команду, и не успел я опомниться, гляжу: нас качают.

Ну, потом успокоились, тех доставили куда следует, яхту осмотрели. Видим: яхта — не та, однако похожа. Ну, а дня через три и пароход пришел. Мы с Фуксом уехали. Я вот, как видите, здесь. Фукс теперь в кино ушел злодеев играть: у него для этого внешность подходящая. А Лом остался на море, командует этой яхтой. Конечно, знаете, эта «Беда» — не «Беда», ну да это не беда, пусть плавает.



Кольца. *Гвоздик и лунка.* *Катышки.* *Самолет.*

Игры в коробочках

Эти игры делаются очень просто. Сначала надо устроить картонные коробочки. Дно их можно сделать круглым или четырехугольным. На него наклейте небольшой ободок.

Попробуйте сами придумать игры вроде этих и пришлите в редакцию их описание.

Набрасывание колец. На дно коробочки наклейте три вертикальных стоечки одинаковой или разной величины. Сделайте из плотной бумаги три колечка. Легкими ударами пальцем по донышку надо набросить колечки на стоечки.

Гвоздик и лунка. Проделайте в дне коробочки отверстие — лунку. Из картона сделайте гвоздик и положите его в коробочку. Надо, не трогая гвоздик руками, вставить его острым концом в лунку.

Катышки. На дно коробочки в середине наклейте кружок, а по бокам его — три кусочка картона, как показано на рисунке. Затем сделайте из палочки три катышка длиной в 2½ сантиметра и такой ширины, чтобы они помещались в промежутках между кусками картона. Постукиванием по дну коробочки надо закатить эти катышки в отверстия.

Самолет. Вырежьте из картона самолет и разрежьте его на пять частей. Фюзеляж и часть хвостового оперения наклейте на дно коробочки. Остальные три части оставьте свободными, только пририсуйте к самолету те места, где они должны быть. Надо присоединить свободные части к самолету, постукивая пальцем по дну коробочки.

К. ГЕСНЕР

Треугольное домино

Из толстого картона или, что лучше, из фанеры вырежьте 20 правильных треугольников. Для этого на фанере или картоне проведите циркулем окружность радиусом в 3 сантиметра. Затем разделите эту окружность на шесть равных частей и точки делений соедините последовательно через одну. Так вы получите правильный треугольник. Вырежьте его. Он будет служить образцом для изготовления остальных девятнадцати. Вырежьте 20 таких же треугольников из гладкой писчей бумаги и разделите их тушью на три равные части — поля. В поля каждого бумажного треугольника впишите по одной цифре из трех приведенных в таблице (нуль не пишется) для каждого треугольника. Дайте им просохнуть и приклейте их на фанерные или картонные треугольники. Вы получите 20 готовых косточек для игры в треугольное домино.

Правила игры. В игре участвуют четыре человека. Косточки надо тщательно перемешать и раздать каждому игроку по пяти штук. Играют открытыми косточками. На каждого игрока должен вестись счет.

Игру начинает обладатель косточки с тремя пустыми полями. Остальные игроки поочереди приставляют свои косточки к лежащим на столе так, чтобы они соприкасались сторонами с одинаковыми номерами (например 2—2). Если косточка вклинивается (рис. 1), то оба поля вклинивающейся косточки должны иметь одинаковые номера с обоими полями косточек, лежащих на столе. Кон считается оконченным тогда, когда кто-либо из игроков приставит последнюю косточку или запрет кон, то есть игроки не смогут к каким-либо сторонам лежащих

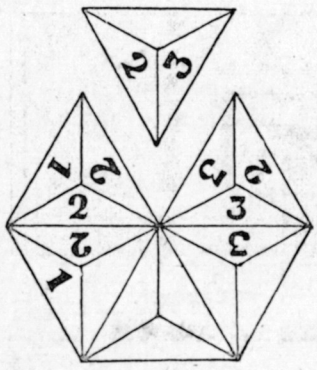


Рис. 1.

на столе косточек приставить свои. Тогда подсчитывается число очков оставшихся у каждого игрока косточек и записывается в их счета.

Победителем считается игрок, набравший после четырех конов меньше других игроков.

Таблица косточек

1-я	косточка	0—0—0,
2 »	»	0—0—1
3 »	»	0—0—2,
4 »	»	0—0—3,
5 »	»	0—1—1,
6 »	»	0—1—2,
7 »	»	0—1—3,
8 »	»	0—2—2,
9 »	»	0—2—3,
10 »	»	0—3—3,
11 »	»	1—1—1,
12 »	»	1—1—2,
13 »	»	1—1—3,
14 »	»	1—2—2,
15 »	»	1—2—3,
16 »	»	1—3—3,
17 »	»	2—2—2,
18 »	»	2—2—3,
19 »	»	2—3—3,
20 »	»	3—3—3.

Г. А. ГАСПАРЯН

Умеете ли вы штопать?

Вы увлеклись игрой, споткнулись о камень, разорвали материю у локтя. Беда! Надо ее исправить. Вооружимся иглой, нитками, ножницами, усядемся поудобнее и начнем.

Выверните материю на изнанку, расправьте порванные нити и осторожными движениями рукой пригладьте ткань вокруг образовавшейся прорехи.

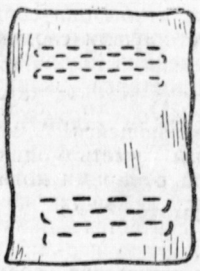


Рисунок 1. Заштопайте прореженное место.

Наша главная задача—уплотнить материю возле поврежденного места. Для этого подберите нитки, подходящие по цвету, и проштопайте нитками прореженное место на 3—4 сантиметра по сторонам дыры (рис. 1).

Теперь надо заштопать и самую дыру. Прежде всего проложите «основу» (рис. 2). Закончив «основу», поверните иглу под прямым углом к направлению «основы» и продвигайте ее поперек дыры, переплетая нитки так, как это делают корзиночники (рис. 3). Нитка протянется за иглой. Получился первый ряд «утка».

Кончив первый ряд, повернем иглу назад, прокладываем второй ряд, затем переходим к третьему, четвертому и т. д., пока вся дыра не покроется штопкой.

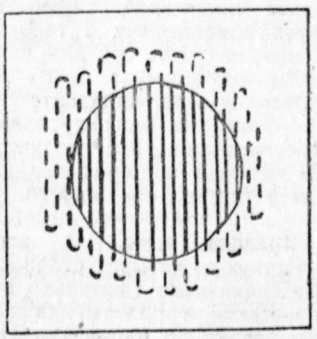


Рисунок 2. Проложите «основу».

Но если не укрепить поврежденного места, через день здесь образуется новая дыра. Укрепить материю надо так: возьмите кусок плотного материала такого размера, чтобы он покрыл не только дыру, но еще захватил 4—5 сантиметров по сторонам, подшейте его к вашей одежде. Это укрепит порванное место.

Теперь получилась прочная заплата. Расправим материю, подрежем кое-где торчащие с «лица» заусенцы и, если есть под рукой утюг, прогладим место разрыва.

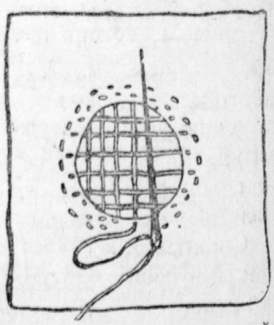


Рисунок 3. Переплетайте нитки.

Задачи, загадки, игры и фокусы

Полторы курицы

Полторы курицы несут полтора яйца за полтора дня.

Спрашивается: сколько яиц снесут шесть куриц за семь дней?

Телеграфный столб

Рабочие устанавливали телеграфный столб. К ним подошел десятник и спросил их, какая часть общей длины столба закопана в землю.

— Одна шестая,— ответил один из рабочих.

— Этого недостаточно,— сказал мастер.— Вы должны отпилить кусок с верхушки столба так, чтобы в земле оказалась одна пятая часть его общей длины...

Спрашивается: какую часть отрезка столба, находящегося над землей, следует отпилить, чтобы выполнить указания десятника?

Доставка донесения

Всадник на лошади должен как можно быстрее доставить весьма важное донесение из точки «А», где он находится, в точку «С».

Как показано на прилагаемом плане, ему придется ехать как по песчаной почве, так и по лугу, покрытому травой.

Все расстояния в километрах ясно отмечены на нашем чертеже. Кроме того известно, что всадник может ехать по лугу со скоростью в два раза большей чем по мягкому песку.

Можете ли вы показать на прилагаемом плане тот путь, который должен избрать всадник для того, чтобы как можно быстрее доставить донесение?

Правилен ли ответ Всеволода?

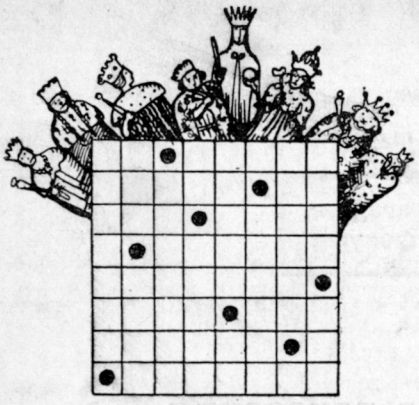
Звено пионеров отправилось осматривать шпалопропиточный завод. Директор задал ребятам такой вопрос:

— Мы пилим бревна на шпалы длиной в 2,7 метра. Каждая распиловка занимает в среднем 1,5 минуты. Сколько необходимо времени, чтобы напилить на такие шпалы бревно длиной в 13,5 метра?

— 13,5 разделить на 2,7,— отвечал Всеволод,— будет 5, помножив на 1,5, получим 7,5 минуты.

— Сколько?! — переспросил директор.

Почему директор переспросил Всеволода?



Вы видите перед собой шахматную доску. На ней расставлены восемь шахматных королев так, что каждая королева не может бить другую. Для тех, кто не умеет играть в шахматы, поясним: ни одна линия, проведенная горизонтально, вертикально или по диагонали через клетки шахматной доски, не должна затрагивать более одной королевы.

Шахматисты открыли, что, кроме того положения, которое изображено на нашем рисунке, королев можно расставить еще 91 способом так, чтобы они не мешали друг другу. Интересно узнать, сколько способов расстановки королев найдете вы.

Фокус с палкой

Этот фокус интересен тем, что не требует никакой подготовки, он «выходит сам», и поэтому показывать его может всякий, кто захочет.

Возьмите гладкую ровную палку длиной примерно в метр, положите ее концами на указательные пальцы и затем сдвигайте руки. Вы заметите, что палка будет скользить то по одному пальцу, то по другому. Когда вы совсем сведете руки так, что указательные пальцы будут соприкасаться, палка останется в равновесии. Сколько бы раз вы ни делали этот фокус, палка каждый раз будет оставаться в равновесии. Нужно соблюдать только одно условие: руки сводить медленно, плавно, не делая рывков и резких движений.

СКОЛЬКО БЫЛО РАКОВИН?

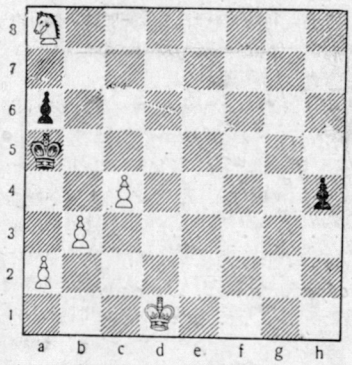
Раньше на Больших Соломоновых островах вместо денег служили морские раковины. Чем больше и красивее раковина, тем она ценилась дороже.

Так вот, один туземец собрал сто раковин и пошел на базар покупать кокосовые орехи. За все его раковины ему дали сто больших вкусных орехов, причем за некоторые раковины давали всего-навсего по пол-ореха, за некоторые — по пяти орехов, а за некоторые (уж не помним точно, сколько было таких) — даже по десяти!

Вот вы и сосчитайте, сколько у этого туземца было раковин десятиорехового, пятиорехового и полуорехового достоинства.

Вражеский танк отправился на разведку. Через несколько секунд он прорвется в тыл. Но команда танка не подозревает, что ее ждет гибель: в кустах, тщательно замаскировавшись, танк ждет несколько красноармейцев со связками гранат. Найдите их и укажите, сколько тут красноармейцев.

Шахматная задача
О. Шварц (Москва)



Белые: Крd1; Ка8; пешки: a2, в3, c4 (5).

Черные: Кр a5; пешки: a6, h4 (3).

Белые начинают и дают мат в пять ходов.

Средняя скорость

Грузовой автомобиль был отправлен из города «А» в город «Б» и прошел весь путь между этими двумя городами со скоростью, равной 20 километрам в час.

Разгрузившись, грузовик отправился обратно, из города «Б» в город «А», по той же самой дороге; и так как он был уже без груза, то шел со скоростью 30 километров в час.

Требуется ответить на вопрос: какова была средняя скорость грузовика (в километрах в час)? Время, потраченное на разгрузку в «Б», в расчет не принимается.

Не торопитесь с ответом на эту простую задачу. Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать. Иначе вы, почти наверное, ошибетесь.

Ответы на задачи, помещенные в № 10

ЖОНГЛЕР

На мячах клоуна написано «солонина». Четыре слова из двух букв: си (нота), но, ил, он; пять слов из трех букв: сон, нос, она, они, Нил; семь слов из четырех букв: лоно, Нина, ноли, соло, анис, Инна, лоси.

КТО ВЫШЕ?

Как известно, Москва стоит на Москве-реке, а Саратов—на Волге. Так как Москва-река впадает в Оку, а Ока—в Волгу, то относительно уровня моря Москва стоит выше Саратова.

ПИСЬМО

Читать письмо надо с кружка, в котором стоят буквы «пр». Тогда получается: «Приглашаем вас на торжественный утренник отряда и школы».

ПЕРВЫМИ ПРИСЛАЛИ РЕШЕНИЯ НА ЗАДАЧИ № 9:

На все задачи, в том числе и на «негритянский телеграф»: Алик Мармер, Харьков.

На все задачи, кроме «негритянского телеграфа»: Додик Эпель, Москва.

С КАКОЙ СКОРОСТЬЮ ПРИБЛИЖАЕТСЯ НОВЫЙ ДЕНЬ

Так как длина окружности земного шара для параллели Москвы—около 22 500 километров, то любая точка этой параллели вращается вокруг оси земного шара со скоростью около 940 километров в час (22 500 : 24). С этой же скоростью приближаются к нам и новый месяц, новый год. Так как в часе 360 секунд, то скорость приближения к нам нового дня будет 260 метров в секунду, или примерно 1 километр в каждые 4 секунды.

РЕШИЛИ ВСЕ ЗАДАЧИ № 10:

Шура Броун — Москва, Лева Максимов — Чебоксары, Падейская—Москва, Володя Корбут—с. Лапичи, БССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 10

По горизонтали: 1. Рембрандт. 5. По. 6. Па. 7. Заря. 9. Хлеб. 10. Фа. 11. Марс. 14. Юг. 15. Рак. 18. Сто. 19. Ирония. 20. Аконкогуа. 24. Трос. 27. Бром. 28. Или. 30. Катод. 32. Неаполь. 33. Урна. 34. Ориноко. 37. Лоб. 38. Рог. 39. Док. 43. Авто. 44. Танк. 45. Омск. 49. Зарядка. 50. Кот. 52. Обь. 53. Ленкорань. 54. Астара. 55. Ном. 59. Боб. 63. Ньясса. 64. Флаг. 67. Узел. 68. Король. 69. Он. 74. Полюс.

По вертикали: 1. Роза. 2. Море. 3. Ашхабад. 4. Древесина. 8. Река. 12. Олово. 13. Гром. 16. Кит. 17. Вилка. 21. Уголок. 22. Горб. 23. Осло. 25. Мол. 26. Реалист. 29. Инд. 31. Трибуна. 35. Горн. 36. Адлер. 37. Лук. 40. Барабан. 41. Ар. 42. Яд. 47. Токио. 48. Соль. 51. Бот. 54. Аян. 56. Том. 57. Зона. 58. Рона. 60. Казань. 61. Лось. 62. Омь. 64. Физика. 65. Карл. 66. Ром. 70. Нил. 71. Нос. 72. Молот. 73. Ипр. 75. Уса.

Кроссворд в № 10 составил не Лещинер, а Личиницер.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Депутаты народа—*Стихи С. Маршака* 3
Верховный Совет избран—*С. Гарбузов* 4
Витязь в тигровой шкуре (Окончание)—*Шота Руставели. Перевел и обработал Н. Заболоцкий* 12
На тракте—*Рассказ Р. Фраермана. Рис. Б. Винокурова* 24
Находка в пустыне Гоби 29
Путешествие к центру земли — *В. Сафонов* 30
Славная советская разведка 38
Белый пудель — *Рассказ А. Куприна. Рис. П. Митурича* 41
Младший из батальона танкистов — *Энрико Монтеро* 61
Большие тяжести — *С. Григорьев* 66
Укротитель — *М. Лоскутов* 69
Летающая станция — *Фантастический роман Г. Гребнева. Часть третья. Рис. Ю. Кискачи* . 73
С копьем на львов — *М. Экли* 98

ПОЧТА:

Люся и Шура — *Письмо Гали Ш.* 100
Путь в актеры — *Заслуженная артистка республики М. И. Бабанова* 101
О суевериях. 102
Пушка — *Письмо Александра Наумова* 103
Шарик — *Письмо Володи Соседова* 104
СССР — страна счастья — *Письмо Хосефины Итуррараи* 106

Вальс на лыжах — *И. Черепов* 107
Приключения капитана Врунгеля (Окончание) — *А. Некрасов. Рис. К. Ротова* 110
Самоделки 115
Загадки, задачи, игры и фокусы 117

На обложке: картина художника П. Кузьмичева—„Взятие Каджети“.

5

ПОПРАВКА:

В № 11 журнала „Пионер“, на стр. 75, левая колонка, 14-я строка сверху, вместо „Галилея“ следует читать: „Джордано Бруно“; на стр. 89 вместо № 11 „Компаса“ должно быть № 14.

ис X-5685

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 21/XI—37 г. Подписано к печати 29/XII 1937 г. Изд. № 1182.

Уполномоченный Главлита № Б—31762. 82 × 110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 15 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 2507. Тираж 90 000

II 1937